

Дэвид Гранн
Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь

Детективная история. Как это было –

Издательский текст

«Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь»: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-099134-1

Аннотация

Племена осейджей повезло уцелеть, когда белые колонизовали Америку. И еще им повезло очутиться на богатых нефтью землях Оклахомы. На старте нефтяной лихорадки двадцатых пресса наперебой сообщала о сказочном обогащении «краснокожих миллионеров». На этом везение индейцев закончилось, потому что их стали методично убивать: по одному и целыми семьями. Справиться с криминальным террором Эдгар Гувер, поставленный во главе только что организованного ФБР, поручает тexasскому рейнджеру Тому Уайту...

Захватывающее расследование, названное лучшей книгой года по версии Amazon, Wall Street Journal и еще полтора десятка американских изданий первого ряда. Национальный бестселлер в США и бестселлер «Нью-Йорк таймс».

Дэвид Гранн Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь

© Little, Brown and Company

© New York Boston London

© David Grann

© Евгений Мордашев. Перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моим маме и папе

Хроника первая Женщина под прицелом

Этой благостной ночи не потревожила даже тень зла, ибо она прислушивалась, не раздалось ни голоса зла, тишину не прорезал ни один пронзительный совиный крик. Она знала это, ибо всю ночь прислушивалась.

*Джон Джозеф Мэтьюз
«Закат»*

Глава 1 Исчезновение

В апреле поросшие дубравами холмы и обширные прерии резервации индейцев-осейджей в Оклахоме устилают мириады мелких цветов. Анютины глазки, виргинские клейтонии, голубые хоустонии...¹ По замечанию летописца осейджей Джона Джозефа Мэтьюза, эти галактики лепестков кажутся «конфетти, рассыпанными богами»². В мае, когда койоты воют на пугающе огромную луну, цветы покрупнее вроде традесканции и

¹ Подробнее об осейджском представлении о месяце, убивающем цветы, см. Mathews «Talking to the Moon».

² Там же, 61.

волосистой рудбекии начинают теснить малюток, отнимая у них свет и воду. Те никнут, опадают и вскоре уже покоятся под землей. Потому май осейджи называют месяцем, убивающим цветы.

24 мая 1921 года Молли Беркхарт, жившая в осейджском поселении Грей-Хорс, Оклахома, забеспокоилась, не случилось ли чего с одной из трех ее сестер, Анной Браун. 34-летняя Анна, которая была старше Молли меньше чем на год, пропала три дня назад³. Она часто уходила в «загулы», как их пренебрежительно называли в семье: танцевала и выпивала с друзьями до самого рассвета. Однако на сей раз прошла ночь и еще одна, а Анна так и не появилась, как обычно, на веранде – длинные черные волосы слегка растрепаны, темные глаза горят стеклянным блеском. Зайдя, Анна любила сбросить туфли, и Молли тосковала по успокаивающему звуку ее неспешных босых шагов. Вместо него была лишь тишина, как в прерии.

Без малого три года назад Молли уже потеряла другую сестру, Минни. Та умерла шокирующе скоропостижно, и, хотя врачи объясняли ее смерть «необычайно изнурительной болезнью»⁴, Молли втайне грызла сомнения: Минни было всего 27 лет, и на здоровье она никогда не жаловалась.

Имена Молли и сестер, как и их родителей, были занесены в племенной список осейджей. Это значило, что они являлись официально зарегистрированными членами племени. А также – что они были богаты. В начале 1870-х годов осейджей вытеснили из Канзаса, с их земель в скалистые, казавшиеся бросовыми резервации на северо-востоке Оклахомы, однако спустя всего несколько десятилетий здесь открыли одно из крупнейших в Соединенных Штатах нефтяных месторождений. Нефтепромышленники вынуждены были платить индейцам за аренду земли, а также за право разработки природных ресурсов. В начале XX века каждый из списка племени ежеквартально получал чек. Поначалу он составлял всего пару долларов, однако со временем, по мере расширения нефтедобычи, дивиденды достигли сотен, а потом и тысяч. Они росли каждый год, и подобно тому, как ручьи прерий, сливаясь, образуют широкую мутную реку Симаррон, так индейцы племени в итоге начали получать миллионы. В одном только 1923 году им выплатили свыше 30 миллионов долларов, что в пересчете на сегодняшние деньги равно 400 миллионам. В те времена по среднему доходу осейджи считались богатейшим народом в мире. «Подумать только! – восклицал нью-йоркский еженедельник «Аутлук». – Индейцы вовсе не умирают с голоду... напротив – получают стабильный доход, да такой, что банкиры зеленеют от зависти»⁵.

Публика столбенела от процветания племени, переворачивавшего образ американских индейцев, восходящий к поре первого жестокого столкновения с белыми – первородного греха, из которого родилась страна. Журналисты распаляли зависть читателей рассказами о «плутократах-осейджах»⁶ и «краснокожих миллионерах»⁷, их кирпичных, облицованных терракотой особняках, хрустальных люстрах, бриллиантовых кольцах, меховых мантиях и автомобилях с шоферами. Один из писателей дивился осейджским девушкам, учившимся в

³ Описание исчезновения Анны Браун и ее последнего визита в дом Молли Беркхарт взято в первую очередь из показаний свидетелей. Многие из них неоднократно говорили с множеством следователей, в том числе агентами ФБР, и частными детективами. Эти свидетели также часто давали показания в ходе ряда судебных процессов. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

⁴ Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 117.

⁵ Sherman Rogers, «Red Men in Gas Buggies», *Outlook*, 22 августа 1923 года.

⁶ Estelle Aubrey Brown, «Our Plutocratic Osage Indians», *Travel*, октябрь 1922.

⁷ William G. Shepherd, «Lo, the Rich Indian!», *Harper's Monthly*, ноябрь 1920 года.

лучших частных школах и носившим роскошные французские наряды, как будто «их случайно занесло в убогий городок резервации прямоком с парижских бульваров»⁸.

Одновременно репортеры выискивали в жизни осейджей мельчайшие приметы традиционного уклада, словно бы добавлявшие индейцам «дикости» в глазах публики. В одной статье описывались «дорогие автомобили, стоявшие вокруг первобытного костра, на котором их владельцы, бронзовые и в ярких одеялах, жарили мясо»⁹. В другой заметке говорилось об осейджах, которые летали на празднество с плясками в частном самолете – сцена, «превосходящая воображение самого смелого романиста»¹⁰. Подытоживая отношение публики к осейджам, газета «Вашингтон стар» писала: «Пора уже перестать причитать: «Ах, бедные индейцы!» – и провозгласить: «Ого! богатые краснокожие!»¹¹

Грей-Хорс было одним из старейших поселений резервации. Эти местечки на далекой окраине страны – в том числе Фэрфакс, соседний город покрупнее, с почти полуторатысячным населением, а также столица округа Осейдж – Похаска, где проживало свыше 6 тысяч человек – казались видениями больного воображения. На шумных улицах смешались ковбои, авантюристы, бутлегеры, прорицатели, знахари, бандиты, федеральные маршалы, нью-йоркские финансисты и нефтяные магнаты. По выбитым конскими копытами, а теперь мощеным дорогам носились авто, запах бензина заглушал ароматы прерий. С телефонных проводов присяжными заседателями глядели вниз стаи ворон. Тут были рестораны и кафе, оперные театры и площадки для игры в поло.

Роскошествуя куда меньше соседей, Молли все же поставила у старого семейного вигвама из связанных жердей, тканых ковриков и коры красивый, хоть и беспорядочно построенный деревянный дом. У нее было несколько машин и штат прислуги – индейских прихлебателей, как насмешливо называли поселенцы рабочих-мигрантов – в основном черных и мексиканцев, хотя в начале 1920-х один из посетивших резервацию с возмущением наблюдал «даже белых», выполнявших «все тяжелые работы по дому, до которых не снизошел бы ни один осейдж»¹².

Молли была одной из последних, кто видел Анну перед исчезновением. В тот день, 21 мая, Молли по привычке, идущей еще с той поры, когда ее отец каждое утро молился солнцу, поднялась чуть свет. Привычный хор луговых жаворонков, тетеревов и куликов теперь заглушали резкие удары вгрызающихся в землю буров. Молли накинула на плечи индейское одеяло – в отличие от многих подруг, она не чуралась одежды осейджей. Вместо модной короткой стрижки она свободно распускала по спине длинные черные волосы.

Ее муж, Эрнест Беркхарт, встал одновременно с ней. 28-летний белый красавчик, готовый актер массовки вестерна: короткие темно-русые волосы, голубые глаза, квадратный подбородок. Слегка подкачал лишь нос, которому, видимо, досталось раз-другой во время драки в баре. Сына бедного техасского фермера, возделывавшего хлопок, пленили истории о здешних краях – последнем оплоте американского Фронта, где, по слухам, еще бродили ковбои и индейцы. В 1912 году, девятнадцати лет, он, собрав вещички, как Гек Финн, сбежал на Индейские территории, явившись в Фэрфакс к дяде, властному скотопромышленнику Уильяму К. Хэйлу. «Он был не из тех, кто просил, он приказывал», – как-то обмолвился

⁸ Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

⁹ Elmer T. Peterson, «Miracle of Oil», Independent (N.Y.), 26 апреля 1924 года.

¹⁰ Цитируется в Harmon, Rich Indians, 140.

¹¹ Там же, 179.

¹² Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

Эрнест о заменившем ему отца Хэйле¹³. В основном приходилось быть у дяди на побегушках, но Эрнест также водил такси, где и познакомился с Молли.

Эрнест прикладывался к самогону и играл в покер с плохими парнями, однако за его грубостью угадывалась нежность и даже неуверенность в себе, и Молли в него влюбилась. С детства она говорила на осейджском, и хотя в школе кое-как выучила английский, тем не менее Эрнест постигал ее родной язык до тех пор, пока они не смогли свободно на нем объясняться. Она болела диабетом, и Эрнест не отходил от нее, когда у нее выкручивало суставы, а желудок горел от голода. А узнав, что у нее появился другой воздыхатель, пробормотал, что не может без нее жить.

Их женитьба оказалась непростым делом. Крутые дружки обзывали Эрнеста «подкаблучником краснокожей». Сама Молли, хотя все три ее сестры вышли за белых, считала себя обязанной заключить полноценный индейский брак, как у родителей. Однако, воспитанная в смеси традиционных осейджских верований и католицизма, она не понимала, как Бог мог дать ей любимого и тотчас отнять. Поэтому в 1917 году они с Эрнестом обменялись кольцами и поклялись в вечной любви.

К 1921 году у них была двухлетняя дочь Элизабет и восьмимесячный сын Джеймс, ласково прозванный Ковбоем. Еще Молли ухаживала за стареющей матерью, Лиззи, переехавшей в ее дом после смерти мужа. Та поначалу боялась, что страдающая диабетом дочь умрет молодой, и просила позаботиться о себе других детей. Но в действительности обо всех заботилась именно Молли.

День 21 мая обещал быть для Молли приятным – планировался небольшой званый обед, а ей нравилось принимать гостей. Встав и одевшись, она накормила детей. У Ковбоя часто сильно болели ушки, и она дула в них, пока он не перестал плакать. Хозяйство Молли вела образцово, и, едва в доме проснулись, она отдала распоряжения слугам. Все, кроме Лиззи, приболевшей и оставшейся в постели, засуетились. Молли попросила Эрнеста позвонить Анне и узнать, не приедет ли она помочь присмотреть за матерью. Та, хоть и жила у Молли, всегда больше любила и отличала старшую дочь, несмотря на ее буйные выходки.

Когда Эрнест сказал Анне, что она нужна маме, та пообещала сразу взять такси и вскоре явилась – в ярко-красных туфлях, индейском одеяле и юбке в тон, с маленькой сумочкой из крокодиловой кожи в руках. Прежде чем войти, торопливо причесала растрепанные ветром волосы и припудрила лицо. Тем не менее Молли заметила, что походка у нее нетвердая, а говорит она невнятно. Анна была пьяна.

Молли не могла скрыть неудовольствия. Некоторые гости уже прибыли. Среди них двое братьев Эрнеста, Брайан и Хорас Беркхарты, привлеченные в округ Осейдж запахом «черного золота» и часто помогавшие Хэйлу на ранчо¹⁴. Явилась и одна из их тетушек, изрыгавшая расистские нападки на индейцев, и Молли меньше всего хотелось, чтобы Анна злила старую ведьму.

Анна скинула туфли, и началось представление. Сперва она извлекла из сумки и откупорила фляжку, из которой остро пахло бутлегерским виски. Настаивая, что осушить ее надо, пока не арестовали власти – в Штатах был сухой закон, – Анна предложила гостям хлебнуть, как она выразилась, «лучшего белого пойла».

Молли знала, что Анне сейчас несладко. Недавно она развелась с мужем, бизнесменом по имени Ода Браун, владельцем таксопарка. С тех пор она все чаще пропадала в шумных, выросших на буме городках резервации, приютивших и развлекавших рабочих-нефтяников – вроде Уизбанга, о котором говорили, что в нем весь день напролет кутят, а всю ночь

¹³ Oklahoma City Times, 26 октября 1959 года.

¹⁴ При рождении ему дали имя Байрон, но он стал называть себя Брайан. Во избежание путаницы я всюду называю его Брайаном.

напролет трахаются (Название городка образовано из двух этих глаголов. – *Прим. ред.*). «Там вы найдете все силы разврата и зла, – писал федеральный чиновник¹⁵. – Азартные игры, пьянство, адюльтер, ложь, воровство, убийство». Анну манили заведения в темных переулках: пристойные на вид, но с задними комнатами, где на полках блестели бутылки самогона. Впоследствии одна из служанок Анны поведала властям, что та пила много виски и «путалась с белыми мужчинами»¹⁶.

В доме Молли Анна принялась заигрывать с младшим братом Эрнеста Брайаном, с которым когда-то встречалась. Он был угрюмее Эрнеста, с непроницаемым взглядом крапчато-желтых зрачков и зализанными назад редующими волосами. По словам знавшего его служителя закона, работал он на должности «подай – принеси». Когда за обедом Брайан пригласил одну из служанок пойти с ним вечером на танцы, Анна сказала, что убьет его, если он закрутит с другой.

Тетя Эрнеста тем временем бубнила себе под нос, но весьма отчетливо, как она оскорблена женитьбой племянника на краснокожей. Молли даже не отреагировала – прислуживавшая тетушке белая официантка и без того зримо напоминала о городской социальной иерархии.

Анна все не унималась – задирали гостей, задирали мать, задирали Молли. «Она пила и скандалила, – позднее рассказала властям служанка¹⁷. – Языка их я не понимаю, но они ссорились». И добавила: «Анна вела себя ужасно, прямо страх».

В тот вечер Молли собиралась остаться с больной матерью, пока Эрнест отвезет гостей в Фэрфакс, – пять миль на северо-запад, – где они встретятся с Хэйлом и отправятся на музыкальное представление заезжей труппы «Воспитание папы» о бедном ирландском иммигранте, выигравшем миллион и силящемся вписаться в высшее общество. Брайан, нахлобучив ковбойскую шляпу и глядя из-под низко надвинутых полей своими кошачьими глазами, предложил Анне подбросить ее до дома.

Прежде чем они ушли, Молли застирала одежду Анны и собрала ей кое-что со стола. Та немного протрезвела и вновь стала собой – милой и очаровательной. Помирившись и успокоившись, они еще долго не могли расстаться. На прощание Анна широко улыбнулась, блеснув золотыми коронками.

С каждой проходящей ночью тревога Молли нарастала. Брайан уверял, что высадил Анну прямо у дома, а потом поехал на спектакль. Утром четвертого дня Молли спокойно, но решительно начала действовать. Первым делом она отправила мужа проверить дом Анны. Эрнест подергал ручку входной двери – та была заперта. Заглянул в окно – внутри темно и пусто.

Один, не зная, что предпринять, он стоял на жаре. Пару дней назад прохладный ливень освежил землю, но потом солнечные лучи принялись безжалостно палить сквозь кроны мэрилендских дубов. В это время года зной иссушал прерии, и высокая трава шуршала под ногами. В слепящем мареве вырисовывались отдаленные каркасы буровых вышек.

Вышла жившая по соседству экономка Анны, и Эрнест спросил:

– Ты не знаешь, где Анна?¹⁸

Служанка ответила, что перед дождем подходила к дому хозяйки закрыть окна.

¹⁵ Заявление Х. С. Трейлора, подкомитет Конгресса США по делам индейцев, *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 202.

¹⁶ Отчет Тома Уайза и Джона Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

¹⁷ Свидетельские показания перед большим жури Марты Дауги, NARA-FW.

¹⁸ Свидетельские показания перед большим жури Анны Ситтерли, NARA-FW.

– Подумала, что вода будет заливать внутрь, – объяснила она¹⁹. Но дверь оказалась заперта. Анны не было. Она исчезла.

Весть об этом облетела городки нефтяников, передаваясь из уст в уста. Тревогу подогревали и слухи о том, что за неделю до Анны пропал еще один осейдж, Чарльз Уайтхорн²⁰. Веселый и добродушный тридцатилетний Уайтхорн был женат на наполовину белой, наполовину шайеннке²¹. Местная газета отмечала, что его «любили и белые, и соплеменники»²². 14 мая он выехал из дома на юго-западе резервации в Похаску. И больше не вернулся.

Все же Молли пока не паниковала. Вполне возможно, что Анна, расставшись у дома с Брайаном, отправилась в столицу штата или через границу – в сверкающий огнями Канзас-Сити. Не исключено, что она танцует сейчас в одном из джазовых клубов, куда так любила ходить, и не догадывается о надланном ею переполохе. Даже попав в переделку, Анна сумела бы за себя постоять: в сумке из крокодиловой кожи она обычно носила маленький револьвер. «Она скоро вернется», – успокаивал Молли Эрнест.

Спустя неделю после исчезновения Анны рабочий-нефтяник на холме в миле к северу от Похаски заметил у основания нефтяной вышки бугорок. Подошел ближе. И увидел разлагающийся труп с двумя пулевыми отверстиями между глаз. Убийство напоминало казнь.

На склоне было жарко, влажно и шумно. Землю сотрясали буры, врезавшиеся в известняковые отложения, вышки поднимали и опускали огромные коромысла. Вокруг тела, разложившегося настолько, что его невозможно было опознать, собралась толпа. В одном из карманов обнаружили письмо. Его вытащили, расправили и прочитали. Письмо было адресовано Чарльзу Уайтхорну.

Примерно в то же самое время у ручья Три-Майл-Крик близ Фэрфакса отец с сыном и приятелем охотились на белок. Пока мужчины пили у ручья, мальчик заметил цель и выстрелил. Полыхнула вспышка, и добыча безжизненно скатилась в расщелину. Он бросился следом по крутому, поросшему лесом склону вниз, где воздух был плотнее и слышалось журчание ручья. Найдя и подняв белку, мальчик вдруг закричал:

– Папа!²³

Когда тот подошел, сын уже вскарабкался по камням. Указав на поросший мхом берег ручья, он проговорил дрожащим голосом:

– Там покойник!

Раздувшееся и разлагающееся тело принадлежало индианке: она лежала на спине, с влипшими в грязь волосами, устремив в небо пустые глаза. Труп кишел червями.

Мужчины и мальчик быстро выбрались из расщелины и поскакали, вздымая пыль, по прерии на своем запряженном лошадьми фургоне. Въехав на главную улицу Фэрфакса, они не нашли ни одного представителя закона, а потому остановились перед большим универсальным магазином «Биг Хилл Трейдинг Компани», в котором была и похоронная

¹⁹ Там же.

²⁰ Информация об исчезновении Уайтхорна почерпнута в основном из местных газет и отчетов частных детективов и агентов ФБР в Национальном управлении архивов и документации.

²¹ Следует отметить, что в одной газетной статье говорится, что жена Уайтхорна была наполовину чероки. Тем не менее в документах ФБР она названа шайеннкой.

²² *Pawhuska Daily Capital*, 30 мая 1921 года.

²³ Слова охотников приводятся по свидетельским показаниям перед большим жури, NARA-FW.

контора. Они рассказали владельцу, Скотту Мэтису, что произошло, он послал за хозяином конторы, и тот с помощниками поехал к ручью. Они переложили тело на доску, на веревках вытянули из лощины и положили в деревянный ящик в тени мэрилендского дуба. Когда гробовщик присыпал раздутый труп льдом и солью, тот начал съеживаться, словно его покидало последнее дыхание жизни. Гробовщик пытался опознать в женщине Анну Браун, которую он знал.

– Тело разложилось и опухло настолько, что едва не лопалось и ужасно смердело²⁴, – вспоминал он позднее, добавляя: – И было черное, как у негритянки²⁵.

Ни он, ни другие так и не смогли решить, Анна это или нет. Однако Мэтис, ведший финансовые дела пропавшей, связался с Молли, и та во главе мрачной процессии, состоявшей из Эрнеста, Брайана, сестры Молли Риты и ее мужа Билла Смита, отправилась к ручью. К ним присоединились многие знакомые Анны и привлеченные нездоровым любопытством зеваки. Со своей женой из осейджей пришел и один из самых известных бутлегеров и наркоторговцев округа, Келси Моррисон.

Молли и Рита приблизились к телу. Смерд стоял ужасный. В небе кружили стервятники. Лица – от которого почти ничего не осталось – ни Молли, ни Рита не опознали, зато опознали индийское одеяло и одежду, выстиранную Молли. Затем муж Риты, Билл, взял палку, открыл ею рот трупа, и они увидели золотые коронки – такие же, как у Анны.

– Да, это точно она, – сказал Билл²⁶.

Рита разрыдалась, и муж ее увел. Наконец Молли тоже едва слышно выдавила подтверждение его слов. В семье она одна никогда не теряла самообладания, не лишилась его и теперь, отходя с Эрнестом от ручья, при первом намеке на мрак, грозивший поглотить не только ее семью, но и все ее племя.

Глава 2 По воле Бога или человека?

Для коронерского дознания²⁷ мировой судья спешно собрал в овраге жюри. Предварительное следствие с привлечением присяжных оставалось пережитком эпохи, когда основное бремя расследования преступлений и поддержания правопорядка несли на себе рядовые граждане. Долгие годы после Войны за независимость общественность выступала против создания полиции, опасаясь, что та превратится в репрессивную силу. Вместо этого граждане сами отзывались на призывы жертв и преследовали преступников. Будущий судья Верховного суда Бенджамин Н. Кардозо однажды заметил, что эти погони не были «нерешительными или вялыми, но добросовестными и смелыми действиями с применением всех пригодных подручных средств»²⁸.

Только в середине XIX века с ростом промышленных городов и учащением массовых беспорядков, когда страх перед так называемыми «опасными классами» пересилил опасения перед государством, в Соединенных Штатах появились полицейские подразделения. К

²⁴ Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

²⁵ Свидетельские показания перед большим жюри Ф. С. Тертона, NARA-FW.

²⁶ Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.

²⁷ Описание коронерского дознания основывается главным образом на показаниях очевидцев, в том числе и братьев Шоун. Подробнее см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

²⁸ Цитируется в A. L. Sainer, *Law Is Justice: Notable Opinions of Mr. Justice Cardozo* (New York: Ad Press, 1938), 209.

моменту смерти Анны неформальная система поддержания общественного порядка гражданами была отменена, однако ее пережитки остались, особенно в тех местах, которые, казалось, продолжали существовать на периферии истории и географии.

Жюри присяжных мировой судья выбрал из присутствующих в овраге белых мужчин, включая Мэтиса. Им предстояло решить, умерла ли Анна по воле Бога или человека, а если это было преступление, определить его исполнителей и соучастников. Для проведения вскрытия вызвали двух врачей, пользовавших семью Молли, – братьев Джеймса и Дэвида Шоун. Те, окруженные присяжными, склонились над трупом и приступили к работе.

Каждое мертвое тело рассказывает свою историю. Перелом подъязычной кости может указывать на удушение. Пятна на шее подсказывают, душил убийца голыми руками или удавкой. Даже сломанный ноготь жертвы может свидетельствовать о предсмертной схватке. В одном влиятельном руководстве XIX века по судебной медицине написано: «Врач, осматривая мертвое тело, должен замечать все»²⁹.

В качестве импровизированного стола братьям Шоун служила доска. Из медицинской сумки они извлекли небогатый набор самых примитивных инструментов, в том числе пилу. Жара подступала даже сюда, в тень. Над трупом роились мухи. Врачи осмотрели одежду Анны – панталоны, юбку – на предмет подозрительных разрывов или пятен. Ничего необычного не обнаружив, они попытались установить время смерти. Это труднее, чем принято считать, особенно если смерть наступила несколько дней назад. В XIX веке ученые считали, что разрешили загадку, изучив фазы посмертного изменения трупа: окоченение (*rigor mortis*), понижение температуры тела (*algor mortis*) и обесцвечивание кожных покровов вследствие остановки кровотока (*livor mortis*). Однако вскоре патологоанатомы поняли, что на скорость разложения влияет слишком много различных факторов – от влажности воздуха до того, какая на трупе одежда, – не позволяя произвести точный расчет. Тем не менее приблизительно оценить время смерти возможно, и Шоуны установили, что Анна умерла от пяти до семи дней назад.

Доктора немного повернули голову Анны в деревянной коробке. Кожа отошла, открыв безукоризненно круглое отверстие в задней части черепа.

– Ее застрелили!³⁰ – воскликнул один из Шоунов.

Мужчины заволновались. Подойдя ближе, они увидели, что диаметром отверстие было примерно с карандаш. Мэтис решил, что подобную рану могла оставить пуля тридцать второго калибра. Поскольку вошла она чуть ниже макушки и двигалась по нисходящей траектории, сомнений не оставалось: Анну хладнокровно убили.

В ту пору основная масса стражей закона оставались непрофессионалами. Среди них нечасто встречались выпускники специальных академий, мало кто владел и новыми научными методами расследования, такими как анализ отпечатков пальцев и образцов крови. Правоохранители Фронттира, как правило, были в первую очередь меткими стрелками и хорошими следопытами, от которых ждали сдерживания преступности, а также поимки, если возможно, или при необходимости уничтожения заведомых бандитов. «В те времена шериф и был законом, и лишь его решение да палец на спусковом крючке определяли приговор»³¹, – писала в 1928 году газета «Талса дейли уорлд» в некрологе одного ветерана-правоохранителя, служившего в резервации осейджей. – Часто приходилось в одиночку противостоять целой своре хитрых дьяволов». Поскольку жалование эти стражи закона получали мизерное, а ценили их за скорость стрельбы, неудивительно, что границы

²⁹ Цитируется в Wagner, *Science of Sherlock Holmes*, 8.

³⁰ Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.

³¹ Цитируется в Cordry, *Alive If Possible – Dead If Necessary*, 238.

между хорошими и плохими правоохранителями были весьма зыбки. Так, главарь печально прославившейся в конце XIX века банды Далтонов одно время был главным блюстителем порядка в резервации осейджей.

Когда убили Анну, шерифом округа Осейдж, несущим основную ответственность за поддержание закона, был поселенец Харви М. Фрис, 58 лет и весом 130 кг. В посвященной истории Оклахомы книге 1916 года Фрис назван «грозою злодеев»³². Тем не менее ходили слухи о его тесной связи с криминальными элементами и попустительстве содержателям игорных домов и бутлегерам вроде Келси Моррисона и Генри Грэммера, контролировавшего торговлю самогоном. Позднее один из подчиненных Грэммера признавался властям: «Я не сомневался, что если меня и арестуют... то через пять минут отпустят»³³.

Собрание граждан округа Осейдж даже приняло резолюцию, во имя «религии, правопорядка, благопристойности и морали»³⁴ постановлявшую: «Настоящим считающие, что шериф приведен к присяге и обязан обеспечивать охрану правопорядка, должны лично при встрече или письменно настойчиво требовать от шерифа Фриса исполнения присяги».

Когда шерифу доложили об убийстве Анны, он уже был занят расследованием дела Уайтхорна и послал собирать улики и свидетельские показания одного из своих помощников. В Фэрфаксе был городской маршал, эквивалент начальника полиции, вместе с помощником шерифа подъехавший к оврагу еще до того, как братья Шоуны закончили вскрытие. Чтобы служители закона могли идентифицировать орудие убийства, требовалось извлечь пулю, видимо, застрявшую в голове. Шоуны распилили черепную коробку, осторожно извлекли содержимое и положили на доску.

– Состояние мозга было очень скверное³⁵, – вспоминал Дэвид Шоун. – Пули нигде не было видно.

Взяв палочку, он использовал ее в качестве зонда и заявил, что пули обнаружить не удалось.

Представители закона спустились к ручью осмотреть место убийства. На прибрежном камне, где лежало тело, остались пятна крови. Следов пули найти не удалось, но один из правоохранителей заметил на земле бутылку с остатками прозрачной жидкости. Судя по запаху, это был самогон. Следователи предположили, что Анна сидела на камне и выпивала, когда кто-то подошел сзади и выстрелил в упор.

Маршал заметил вдалеке следы шин двух автомобилей, идущие от дороги к лощине. На его зов тотчас прибежали помощник шерифа и присяжные. Похоже было, что обе машины приехали с юго-востока, а затем вернулись обратно.

Больше никаких улик собрать не удалось. Криминалистическими методами стражи закона не владели, поэтому ни слепков следов протекторов, ни отпечатков пальцев с бутылки, ни следов пороховых газов с тела Анны не сняли. Даже не сфотографировали место преступления, которое, правда, сами же все равно изрядно затоптали.

Кто-то, однако, догадался вынуть из уха Анны сережку и отнести матери, которая была слишком больна, чтобы отправиться на место преступления. Лиззи тотчас ее опознала. Анна была мертва. Как и другие соплеменники, Лиззи считала рождение детей величайшим благословением Ва-Кон-Та, таинственной животворящей силы, идущей от Солнца, Луны и звезд, той самой силы, которой осейджи веками поклонялись, в надежде упорядочить царившие на Земле путаницу и хаос, силы и здешней, и потусторонней – незримой, далекой,

³² Thoburn, Standard History of Oklahoma, 1833.

³³ Свидетельские показания перед большим жури Роя Шеррилла, NARA-FW.

³⁴ Shawnee News, 11 мая 1911 года.

³⁵ Свидетельские показания перед большим жури Дэвида Шоуна, NARA-FW.

дарующей, пугающей и неумолимой. Многие из них отошли от традиционных верований, но только не Лиззи (один федеральный чиновник как-то посетовал, что женщины вроде нее «цепляются за стародавние суеверия и смеются над современными идеями и обычаями»³⁶). Некто, *нечто* безвременно отняло у нее старшую и самую любимую дочь, – возможно, это знамение того, что Ва-Кон-Та лишил мир своего благословения, ввергая его в еще больший хаос. Здоровье Лиззи ухудшилось, словно горе само по себе было болезнью.

Молли нашла опору в Эрнесте³⁷. Его «необычайную... поразительную преданность индианке-жене и детям»³⁸ отмечал их общий знакомый адвокат. Муж утешал Молли, ринувшуюся организовывать похороны Анны. Нужно было купить цветы, а также белый металлический гроб и мраморное надгробие. Похоронные бюро брали с осейджей непомерные цены, и этот случай не стал исключением. За гроб запросили 1450 долларов, за подготовку и бальзамирование тела – 100 и за аренду катафалка – 25. После подсчета всех расходов, вплоть до перчаток могильщика, общая сумма вышла астрономической. Как выразился городской адвокат: «Получалось так, что осейджа нельзя похоронить дешевле 6000 долларов»³⁹ – с учетом инфляции сегодня это почти 80 000.

Похоронный обряд отражал и индейские, и католические традиции семьи⁴⁰. Молли, окончившая миссионерскую школу в Похаске, регулярно ходила к мессе. Ей нравилось сидеть на церковной скамье, смотреть, как в окна проникает утренний свет, и слушать проповедь знакомого священника. Неплохо было также поболтать с подругами – воскресная служба давала и такую возможность.

Сначала была панихида по Анне в церкви. Уильям Хэйл, дядя Эрнеста, стоял совсем рядом с Анной и семьей Молли, а во время похоронной процессии был одним из несших гроб. Священник пел гимн XIII века «День гнева», кульминацией которого была мольба:

Сладчайший Иисус, Господь Всеблагой,
Даруй усопшей вечный покой.

После того как священник окропил гроб Анны святой водой, Молли во главе семьи и других скорбящих отправилась на кладбище Грей-Хорс, тихое и уединенное место, возвышающееся над бескрайней прерией. Там на соседних участках были похоронены отец Молли и ее сестра Минни. Теперь рядом зияла свежевырытая яма, сырая и темная, ждущая гроб Анны, уже стоящий у ее края. На надгробной плите было начертано «Встречайте меня на небесах». Обычно на кладбище крышку гроба поднимают в последний раз, давая родным и друзьям проститься, однако этого не позволяло сделать состояние тела Анны. Хуже того, ее лицо было невозможно раскрасить в цвета племени и клана, как требовала погребальная

³⁶ Цитируется в Wilson, «Osage Indian Women During a Century of Change», 188.

³⁷ Описание похорон основано преимущественно на заявлениях свидетелей, в том числе гробовщика, и интервью с потомками присутствовавших.

³⁸ А. Ф. Мосс М. Е. Траппу, 18 ноября 1926 года, OSARM.

³⁹ Заявление А. Т. Вудворда, Комитет Конгресса США по делам индейцев, *Modifying Osage Fund Restrictions*, 103.

⁴⁰ Осейджи обычно хоронили своих мертвецов над землей, в пирамидах из камней. Когда в конце XIX века вождя осейджей похоронили под землей, его жена сказала: «Я сказала, что все будет хорошо, если мы разрисуем лицо моего мужа; если мы завернем моего мужа в одеяло. Он хотел быть похороненным в могиле белого человека. Я сказала, что все будет в порядке. Я сказала, что мы разрисуем лицо моего мужа, и он не заблудится на небесах индейцев».

традиция осейджей. Молли опасалась, что без этого ритуального узора дух Анны может заблудиться. Тем не менее Молли и ее семья положили в гроб вдоволь еды для трехдневного странствия в «страну счастливой охоты», как зовут ее осейджи.

Старые женщины, такие как мать Молли, принялись причитать молитвенные песни осейджей в надежде, что их услышит Ва-Кон-Та. Великий историк и писатель Джон Джозеф Мэтьюз (1894–1979), в чьих жилах текла кровь осейджей, зафиксировал многие традиции племени. Описывая типичную молитву, он писал: «Она наполняла мою душу маленького мальчика страхом, сладкой горечью и неведомой тоской, и когда она заканчивалась, я лежал в ликующе-испуганном трансе, страстно надеясь на продолжение и одновременно боясь его. Позднее, когда я уже научился рассуждать, мне неизменно казалось, что эта молитвенная песня, это песнопение, эта волнующая душу мольба, всегда обрывалась прежде настоящего конца всхлипом разочарования»⁴¹.

На кладбище, стоя рядом с Эрнестом, Молли слушала погребальную песнь старух, их песнопения, перемежающиеся плачем. Ода Браун, бывший муж Анны, не выдержал и отошел. Ровно в полдень – когда солнце, величайшее воплощение Великой Тайны, достигло зенита – гроб подняли и начали опускать в яму. Молли смотрела, как сверкающий белый саркофаг погружается в землю, до тех пор, пока долгие пронзительные рыдания не сменились звуком ударов комьев земли по крышке.

Глава 3 Король Осейдж-Хиллз

Убийства Анны Браун и Чарльза Уайтхорна вызвали сенсацию. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с огромным заголовком: «ДВА УБИЙСТВА ОБНАРУЖЕНЫ В ОДИН ДЕНЬ»⁴². Множились версии о том, кто убийца. Две пули, извлеченные из черепа Уайтхорна, похоже, выпустили из пистолета 32-го калибра, оружия, подобного тому, из которого, как подозревали, убили Анну. Простое ли совпадение, что обе жертвы были богатыми осейджами около 30 лет? Или, может, это дело рук серийного убийцы – наподобие доктора Г. Г. Холмса, убившего как минимум 27 человек, большинство из них во время Всемирной выставки 1893 года в Чикаго?

Лиззи, не доверявшая белым, положилась на Молли в улаживании всех проблем с властями. На протяжении жизни старой индианки осейджи резко отошли от традиционного уклада. Их историк Луис Ф. Бернс писал, что после обнаружения нефти племя «стремительным течением понесло в неизвестность»⁴³, добавляя: «В мире богатства белых людей не было ни одного знакомого ориентира, уцепившись за который можно было бы удержаться на плаву». В старину всякий раз, когда племя сталкивалось с внезапными переменами или чем-то неведомым, главенство брал на себя клан, в который входила группа, известная как «Идущие через туман». Молли, подчас сама теряясь от всех выпавших на ее долю потрясений, тем не менее взяла на себя инициативу и стала для своей семьи такой «идущей». Говоря по-английски и будучи замужем за белым, она не поддавалась соблазнам, сгубившим многих молодых членов племени, в том числе Анну. Некоторые осейджи, особенно старшего возраста, такие как Лиззи, считали свалившееся на них богатство проклятием. «Однажды эта нефть закончится, и Великий Белый Отец (так индейцы называли президента США. – *Прим. перев.*) перестанет присылать нам жирные щеки по несколько раз в

⁴¹ Из вступления Mathews, *Osages*.

⁴² *Pawhuska Daily Capital*, 28 мая 1921 года.

⁴³ Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 442.

год, – сказал вождь осейджей в 1928 году⁴⁴. – Больше не будет ни красивых автомобилей, ни новой одежды. И я знаю, что тогда мой народ станет счастливее».

Молли требовала от властей расследовать убийство Анны, однако большинство официальных лиц не особо заботила какая-то «мертвая краснокожая». Тогда Молли обратилась к дяде Эрнеста, Уильяму Хэйлу⁴⁵. Он сделался в округе влиятельным предпринимателем и поборником закона и порядка – защитником всех «богобоязненных душ», как он говаривал.

С совиным лицом, жесткими черными волосами и настороженным взглядом небольших, глубоко посаженных глаз, Хэйл появился в резервации без малого двадцать лет назад. Живое подобие фолкнеровского Томаса Сатпена, этот человек без прошлого словно возник из ниоткуда. Приехав в резервацию чуть не в единственном костюме и с потрепанным Ветхим Заветом, он, по выражению одного из хорошо знавших его людей, начал «борьбу за жизнь и капитал»⁴⁶ в «малоцивилизованном месте».

Хэйл нанялся на ранчо ковбоем. Прежде чем Запад пересекли железные дороги, такие, как он, перегоняли стада из Техаса на обильные травами земли осейджей и дальше в Канзас для отправки на чикагские и прочие бойни. Отсюда пошло американское увлечение ковбоями, хотя в самой работе романтики было мало. День и ночь Хэйл вкалывал за гроши: гнал скот сквозь бури с градом, молниями и песком; сбивал, описывая сужающиеся круги, испуганных животных в кучу, прежде чем те успеют затоптать. Его одежда провоняла потом и навозом, кости часто были если не сломаны, то сильно побиты. Наконец он частью скопил, частью занял денег на покупку в округе собственного стада.

«Он был самым энергичным из всех, кого я знал»⁴⁷, – вспоминал ссудивший ему на открытие дела. – Даже просто переходя улицу, он будто шагал навстречу свершениям».

Вскоре Хэйл обанкротился, но горечь поражения лишь подстегнула его честолюбие и амбиции. Вновь начав все сначала, он часто спал в продуваемой холодными ветрами прерий палатке, наедине со своей яростью. Много лет спустя журналист описывал, как Хэйл расхаживал перед костром «словно зверь на привязи. Нервно, суя пальцы прямо в языки пламени, потирал руки. Его красное лицо горело от холода и возбуждения»⁴⁸. Он трудился с лихорадочной одержимостью человека, страшившегося не только голода, но и ветхозаветного Бога, готового в любой момент покарать его, как Иова.

Хэйл стал настоящим мастером в клеймении, обезроживании, кастрации и продаже скота. Богатея, он скупал у осейджей и соседних поселенцев все больше земель, пока в руках у него не оказалось около 45 000 акров лучших пастбищ в округе и небольшое состояние в придачу. Свершилось американское чудо – и он стал работать на себя. Рванные брюки и ковбойскую шляпу Хэйл сменил на щегольской костюм, галстук-бабочку и фетровую шляпу, обзавелся для солидности очками в круглой оправе. Женился на школьной учительнице, у них родилась обожавшая отца дочь. Декламировал стихи. Легендарный шоумен Дикого Запада Пауни Билл, бывший некогда партнером знаменитого Буффало Билла, характеризовал

⁴⁴ *Modesto News-Herald*, 18 ноября 1928 года.

⁴⁵ Мой портрет Уильяма Хэйла основан на нескольких источниках, включая протоколы судебных заседаний, устные предания осейджей, отчеты ФБР, тогдашние газетные статьи, переписку Хэйла и мои интервью с потомками участников событий.

⁴⁶ Вступительная речь Сарджента Прентисса Фрилинга, *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.

⁴⁷ Статья Мервина Эберле, «‘King of Osage’ Has Had Long Colorful Career», без указания даты, OHS.

⁴⁸ *Guthrie Leader*, 5 января 1926 года.

Хэйла как «первостатейного джентльмена»⁴⁹.

Примерно в 1915 году его избрали вторым заместителем шерифа в Фэрфаксе, и эту должность он не оставлял до конца жизни. Скорее почетная, она, тем не менее, давала ему право носить значок и возглавлять отряд добровольцев, а также носить один пистолет в боковом кармане, а другой – в кобуре у бедра. «Для укрепления авторитета представителя закона», – как любил говаривать он.

По мере роста богатства и влияния Хэйла его поддержки начали искать политики, зная, что без его «благословения» им не победить. Где упорным трудом, где хитростью он заткнул конкурентов за пояс, нажив множество смертельных врагов. «Кое-кто его прямо-таки ненавидел»⁵⁰, – признавался один из друзей Хэйла. Тем не менее и Молли Беркхарт, и многие другие считали его величайшим благодетелем округа Осейдж. Он помогал индейцам еще до того, как к ним потекли нефтяные деньги, раздавал еду и лошадей, жертвовал благотворительным организациям, школам и больнице. Приняв мантию проповедника, подписывал письма «преподобный У. К. Хэйл». Местный врач говорил: «Мне и не упомнить, скольким больным он оплатил лечение, скольких голодных накормил»⁵¹.

Позднее в письме помощнику вождя племени Хэйл писал: «У меня никогда в жизни не было друзей ближе осейджей»⁵²... Я всегда буду вам настоящим другом». На этом последнем рубеже американского Фронтيرا Хэйла почитали «Королем Осейдж-Хиллс».

Заезжая за Эрнестом, Хэйл часто бывал у Молли дома и вскоре после похорон Анны нанес визит сестре и матери убитой. Он поклялся добиться правды в ее деле.

Хотя Хэйл не играл какой-то официальной роли в расследовании, его абсолютная самоуверенность и очевидное влияние в тайном мире белых (он часто носил бриллиантовую булавку масонской логи) создавали впечатление, что это не просто слова. Он всегда выражал симпатию к Анне – по его словам, они «были очень хорошими друзьями»⁵³, – и во время своего визита на глазах Молли что-то втолковывал Эрнесту вполголоса, видимо, рассказывая о поисках убийцы ее сестры.

Присяжные коронерского дознания вместе с прокурором округа продолжали расследование убийства Анны, и вскоре после похорон Молли вызвали для дачи показаний на судебные слушания в Фэрфакс. В Управлении по делам индейцев при Министерстве внутренних дел США, отвечавшем за связи властей с племенами и впоследствии переименованном в Бюро по делам индейцев, был закрепленный за резервацией осейджей чиновник, знавший Молли. Он вспоминал, что та «была готова сделать все возможное... для привлечения виновных к ответственности»⁵⁴. Власти предоставили Молли переводчика, но она от его услуг отказалась и говорила по-английски – насколько в детстве ее выучили монахини.

Молли описала присяжным последнюю встречу с Анной у себя дома и сказала, что та уехала примерно на закате. Далее в ходе судебных слушаний правительственный чиновник

⁴⁹ Пауни Билл Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

⁵⁰ К. К. Котманн Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

⁵¹ М. Б. Прентисс Джеймсу А. Финчу, 3 сентября, 1935 года, NARA-CP.

⁵² Хэйл Уилсону Кирку, 27 ноября 1931 года, ONM.

⁵³ *Tulsa Tribune*, 7 июня 1926 года.

⁵⁴ Дж. Джордж Райт Чарльзу Берку, 24 июня 1926 года, NARA-CP.

спросил ее:

- Как она уехала?⁵⁵
- На машине.
- Кто был с ней?
- Брайан Беркхарт.
- Вы заметили, в каком направлении они поехали?
- К Фэрфаксу.
- Кроме Брайана и Анны в машине еще кто-нибудь был?
- Нет, только Брайан и Анна...
- После этого вы видели ее живой?

Молли удалось не потерять самообладания.

- Нет, – ответила она.
- Вы видели ее тело после того, как его нашли?
- Да.
- Сколько времени прошло с момента, когда она на ваших глазах уехала с Брайаном Беркхартом, до того, как вы увидели ее тело?
- Пять или шесть дней.
- Где вы видели ее тело?
- На пастбище...
- Как далеко от ручья?
- Совсем рядом.

Хотя на судебном следствии Молли выражала полную готовность ответить на все вопросы, чтобы ни в коем случае ничего не было упущено, однако ни мировой судья, ни присяжные ее почти ни о чем не спросили. Возможно, из предубеждения – как к женщине и краснокожей. Жюри гораздо дотошнее расспрашивало Брайана Беркхарта, о котором многие местные уже начали шептаться – в конце концов, именно он последним видел Анну перед исчезновением.

В отличие от Эрнеста, Брайан не был красив, а застывший взгляд придавал ему неприятную холодность. К тому же Хэйл однажды поймал племянника на краже своего скота и, желая проучить, заявил на него в полицию. Обвинения были сняты, только когда Брайан оплатил ущерб.

Прокурор округа спросил о том дне, когда Брайан, по его словам, отвез Анну домой.

- Куда вы поехали после?⁵⁶
- В город.
- Во сколько это было?
- Около пяти или половины пятого.
- С тех пор вы ее не видели?
- Нет, сэр.

Прокурор сделал паузу и переспросил:

- Вы уверены?
- Да, сэр.

На следующем заседании допросили и Эрнеста. Один из судейских с нажимом спросил его о брате:

- Вы понимаете, что он последний, кого видели с этой женщиной, Анной Браун?⁵⁷

⁵⁵ Свидетельские показания Молли Беркхарт перед адвокатом племени и другими официальными лицами, NARA-FW.

⁵⁶ Свидетельские показания перед коронерским расследованием Брайана Беркхарта, в отчете бюро, 15 августа 1923 года, FBI.

⁵⁷ Свидетельские показания перед большим жюри Эрнеста Беркхарта, NARA-FW.

– Понимаю, – ответил Эрнест и добавил, что, по словам Брайана, он «высадил Анну возле ее дома. Так он сказал».

– Вы ему верите?

– Да, сэр.

После первого слушания власти задержали Брайана. К возмущению Молли, задержали и Эрнеста – на случай, если тот покрывает младшего брата. Однако, как ей и обещал Хэйл, вскоре обоих отпустили. Против Брайана не было никаких улик, кроме того, что он был последним, видевшим Анну перед исчезновением. Когда Эрнеста спросили, знает ли он что-нибудь об обстоятельствах убийства, тот ответил отрицательно и добавил:

– Мне неизвестно, чтобы у нее были враги или чтобы кто-то ее недолюбливал.

Основная версия следствия заключалась в том, что убийца был не из резервации. Раньше враги нападали на племя в чистом поле, теперь они приняли вид грабителей поездов, налетчиков и других головорезов. Принятие сухого закона лишь усугубило в резервации ощущение незаконности, подстегнув организованную преступность и сотворив, по выражению одного историка, «величайший в американской истории криминальный Клондайк»⁵⁸. Мало где в стране царил такой хаос, как в округе Осейдж, где ломались неписанные законы Дикого Запада и цементировавшие общины традиции. По некоторым оценкам, все прежние «золотые лихорадки», вместе взятые, уступали здешним нефтяным деньгам, на запах которых со всей страны слетались негодяи всех мастей. Чиновник Министерства юстиции США предупреждал, что в Осейдж-Хиллз скрывается больше беглых преступников, нежели, «вероятно, в любом другом округе штата или даже в любом другом штате»⁵⁹. Среди них был заматерелый грабитель Ирвин Томпсон, то ли за темный цвет лица (он был на четверть чероки), то ли за черное сердце, получивший прозвище Блэки: один полицейский называл его «подлейшим из всех, с кем ему приходилось сталкиваться»⁶⁰. Печальной известностью его перещеголял Эл Спенсер по кличке «Призрак Ужаса», пересевший для бегства с мест преступления с галопирующих лошадей на скоростные автомобили и унаследовавший от Джесси Джеймса титул самого зловещего местного преступника. Газета «Аризона Репабликэн» писала, что Спенсер с его «нездоровым умом»⁶¹ и извращенной тягой к авантюрам» вызывал поклонение «у части населения страны, творившей себе ложных кумиров». Члены его банды, в том числе Дик Грегг и Фрэнк «Желе» Нэш, сами были в числе опаснейших преступников того времени.

Куда более неуютная гипотеза заключалась в том, что убийца Анны продолжал жить среди добропорядочных граждан как волк в овечьей шкуре. Молли и другие начали питать подозрения в отношении бывшего мужа Анны, Оды Брауна. Тот именовал себя бизнесменом, но большую часть времени проводил в кутежах. Задним числом его скорбь на похоронах выглядела чересчур театральной. В своих заметках следователь писал: «Это настоящее горе или, может статься... для отвода глаз?»⁶² Когда они развелись, Анна исключила его из числа наследников, оставив практически все свое состояние Лиззи. После похорон Браун нанял адвоката и безуспешно пытался оспорить завещание. Следователь пришел к выводу,

⁵⁸ Boorstin, *Americans*, 81.

⁵⁹ Джеймс Г. Финдли Уильяму Дж. Бёрнсу, 23 апреля 1923 года, FBI.

⁶⁰ McConal, *Over the Wall*, 19.

⁶¹ *Arizona Republican*, 5 октября 1923 года.

⁶² Журналы частных детективов, включенные в отчет, 12 июля 1923 года, FBI.

что Браун «ничего хорошего собой не представляет и способен на все ради денег»⁶³.

Через несколько недель после похорон некто, арестованный в Канзасе за подделку чека, написал шерифу Фрису, что у него есть информация об убийстве Анны. «Достопочтенный сэр⁶⁴, – писал он, – я надеюсь оказать вам определенную помощь». Однако не раскрыл того, что знал, и шериф, получив письмо, отправился в дорогу, как говорилось в газете, на «быстром автомобиле». Прознавший о потенциальном прорыве в расследовании Хэйл тоже бросился в тюрьму. На допросе суетливый 28-летний аферист утверждал, что Браун заплатил ему за убийство Анны 8000 долларов. Он рассказал, как выстрелил ей в голову, а потом на руках отнес тело к ручью.

Вскоре после этого признания отряд полиции схватил Брауна, когда тот приехал в Похаску по делам. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с сенсационным заголовком: «УБИЙЦА АННЫ БРАУН ПРИЗНАЛСЯ»⁶⁵. И ниже: «Арестован также бывший муж убитой, Ода Браун». Молли и ее семья были раздавлены вестью о том, что в убийстве Анны повинен Ода. Единственным утешением им могла служить лишь мысль об ожидавшем его справедливом возмездии – петле или электрическом стуле. Однако через несколько дней власти были вынуждены признать, что у них нет никаких подтверждающих признание афериста доказательств – ни его присутствия на момент убийства в округе Осейдж, ни того, что бывший муж жертвы с ним когда-либо связывался. Властям ничего не оставалось, кроме как освободить Брауна.

– Болтовни много⁶⁶, – сказал шериф. – Но нам нужны доказательства, а не болтовня.

Подобно многим должностным лицам, своим избранием прокурор округа был как минимум частично обязан Хэйлу. Когда прокурор баллотировался впервые и советники сообщили ему о необходимости заручиться поддержкой могущественного скотопромышленника, он несколько раз ездил на ранчо. Однако никак не мог застать хозяина, пока один из надсмотрщиков в конце концов не сказал:

– Если хотите встретить Билла Хэйла⁶⁷, вам придется приехать рано. Я имею в виду – чертовски рано.

Тогда прокурор пригнал свой «Форд Т» на ранчо в три часа ночи и улегся спать в машине. Вскоре он вздрогнул, разбуженный резким стуком в стекло, и увидел рассерженного мужчину, требовавшего объяснить вторжение в его владения. Это был Уильям Хэйл. Прокурор объяснил, зачем приехал, и Хэйл вспомнил его родителей, которые однажды приютили ковбоя во время снежной бури. Он обещал оказать помощь в предвыборной кампании. Один из советников заметил, что Хэйл «никогда не лгал»⁶⁸, и если обещал что-то сделать, то сделает». В день выборов прокурор победил на всех участках в той части округа.

Хэйл продолжал поддерживать хорошие отношения с прокурором и обсуждал убийство Анны с ним и другими чиновниками. В конце концов было решено еще раз поискать пулю, ускользнувшую от следователей при вскрытии Анны. Было получено судебное

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Pawhuska Daily Capital*, 29 июля 1921 года.

⁶⁵ *Pawhuska Daily Capital*, 23 июля 1921 года.

⁶⁶ Цитируется в Crockett, *Serial Murderers*, 352.

⁶⁷ Roff, *Boom Town Lawyer in the Osage*, 106.

⁶⁸ Там же, 107

постановление на эксгумацию. Мрачную задачу поручили Скотту Мэтису, другу Хэйла и Молли, владельцу «Биг Хилл Трейдинг Компани», и тот с гробовщиком и могильщиком отправился на кладбище. На участке Анны едва успела вырасти трава. Мужчины принялись копать твердую землю, залезли в яму и, подняв некогда белый, а теперь почерневший от грязи гроб, сорвали крышку. Воздух наполнился ужасающим смрадом самой смерти.

На кладбище явились производившие первое вскрытие братья Шоун и возобновили поиск пули. На сей раз они натянули перчатки и мясницким ножом порубили мозг Анны буквально «на фарш»⁶⁹, как выразился потом шокированный гробовщик. Однако и это ничего не дало. Пуля как будто испарилась.

К июлю 1921 года мировой судья прекратил расследование с формулировкой, что смерть Анны Браун наступила от «руки неустановленного лица»⁷⁰, – точно такой же, как и в деле Уайтхорна. Те скудные доказательства, которые удалось собрать, судья запер в своем кабинете на случай появления дополнительной информации.

В это же самое время Лиззи – некогда такая же энергичная и решительная, как Молли – окончательно разболелась. Казалось, с каждым днем она таяла, словно ее изнуряла та же страшная болезнь, которая свела в могилу Минни.

В отчаянии Молли обращалась и к индейским знахарям, возносившим молитвы кроваво-красному рассветному небу, и к братьям Шоун, новому поколению целителей, носившим свои зелья в черных чемоданчиках. Ничего не помогало. Молли дежурила у постели матери. Не в силах вылечить, Молли кормила ее, расчесывала, убирая длинные красивые седые волосы с лица – морщинистого и выразительного, не утратившего своей притягательной силы. Старая индианка оставалась одной из последних, в ком была жива связь с древним образом жизни племени.

В один из июльских дней, спустя меньше двух месяцев после убийства Анны, Лиззи скончалась. Молли ничего не могла поделать. Дух Лиззи призвали к себе Господь и Спаситель Иисус Христос и Великая Тайна Ва-Кон-Та. Молли была раздавлена горем. Как в заупокойной молитве осейджей:

О, Великий Дух, смилуйся надо мной!
Видишь, я безутешно плачу,
Осуши мои слезы и успокой⁷¹.

Зять Молли, Билл Смит, одним из первых заподозрил неладное в смерти Лиззи, наступившей почти сразу после убийства Анны и Уайтхорна. Глубоко разочарованный официальным расследованием, Билл с его бульдожьей хваткой взялся за дело сам. Его, как и Молли, поразила странная неопределенность болезни Лиззи: ни один врач так и не поставил диагноз. Фактически никто не установил причину ее смерти. Чем глубже Билл копал, консультируясь с врачами и местными следователями, тем больше убеждался, что смерть Лиззи была ужасающе противоестественной – ее отравили. Он не сомневался, что все три убийства как-то связаны с таящимися в недрах земли осейджей запасами «черного золота».

Глава 4

Подземная резервация

⁶⁹ Свидетельские показания перед большим жури Ф. С. Тертона, NARA-FW.

⁷⁰ *Pawhuska Daily Capital*, 30 мая 1921 года.

⁷¹ Frank F. Finney, «*At Home with the Osages*», Finney Papers, UOWHC.

Деньги пришли внезапно, стремительно, шало⁷². Молли было десять, когда впервые нашли нефть, и все последующее безумие разворачивалось на ее глазах. Однако, по рассказам старейшин, Молли знала, что запутанная история того, как эта богатая нефтью земля досталась ее племени, восходит к XVII веку. Тогда осейджи считали своей большую часть центра страны – от сегодняшних штатов Миссури и Канзас до Оклахомы и еще дальше на запад, вплоть до Скалистых гор.

В 1803 году президент Томас Джефферсон купил у французов территорию Луизиана, где жили осейджи. Джефферсон характеризовал их военному-морскому министру как «великий народ» и добавил: «Мы должны поддерживать с ними хорошие отношения, потому что на их землях мы страшно слабы»⁷³. В 1804 году делегация осейджских вождей встретила с президентом в Белом доме. Тот сообщил тому же министру, что рослые, выше шести футов, осейджские воины были «лучшими из всех, кого нам когда-либо доводилось видеть»⁷⁴.

На встрече Джефферсон обратился к вождям «дети мои», сказав:

– Наши предки пришли из-за большой воды так давно⁷⁵, что мы уже забыли об этом и считаем себя произросшими из этой земли так же, как и вы... Мы все – одна семья.

И продолжил:

– По возвращении скажите своим людям, что их рука в моей руке, что я буду им отцом, а наш народ – другом и благодетелем.

Однако за последующие четыре года Джефферсон принудил осейджей уступить территории между реками Арканзас и Миссури. Вождь осейджей заявил, что его народу «оставалось либо подписать договор, либо быть объявленными врагами Соединенных Штатов». В течение двух следующих десятилетий племени пришлось отдать почти 100 миллионов акров своих исконных земель и в конце концов найти прибежище на полосе в 50 на 125 миль на юго-востоке Канзаса. Именно там выросли родители Молли.

Отец, родившийся около 1844 года, носил индейское имя Не-ка-е-се-й. В то время обычной одеждой молодого осейджа были отделанные бахромой отдельные штаны оленьей кожи, мокасины и кожаная набедренная повязка, а на плетеном ремне висели кисет и томагавк. Торс нередко оставался голым, а голову брили наголо, за исключением полоски волос от макушки до шеи, торчащих вверх, как гребень спартанского шлема.

Вместе с другими воинами Не-ка-е-се-й защищал племя от нападений, а перед боем чернил лицо древесным углем и молился Ва-Кон-Та о том, что врагу пора, как выражаются осейджи, «обагрить кровью землю»⁷⁶. С возрастом Не-ка-е-се-й стал в племени видной фигурой. Осмотрительный и внимательный, он умел все взвесить, прежде чем начать действовать. Годы спустя, когда племя создало свою первую судебную систему для рассмотрения главным образом мелких преступлений, его выбрали одним из трех судей. Федеральный чиновник называл его решения проницательными и справедливыми.

Лиззи⁷⁷ тоже выросла в резервации в Канзасе, где с малых лет помогала семье,

⁷² Описывая историю осейджей, я пользовался несколькими превосходными работами. См. Louis F. Burns, *History of the Osage People*; Mathews, *Wah'kon-Tah*; Wilson, *Underground Reservation*; Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*; и Bailey, *Changes in Osage Social Organization*. Я также привлек отчеты и документы племенного совета, содержащиеся в бумагах Агентства индейцев осейдж, NARA-FW.

⁷³ Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 140.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Цитируется в Ambrose, *Undaunted Courage*, 343.

⁷⁶ Mathews, *Osages*, 271.

⁷⁷ В существующих документах ее осейджское имя не указано.

собирая кукурузу и возя из лесу дрова. Одеждой юной индианке служили мокасины, штаны из раздельных штанин, юбка из оленьей кожи и одеяло на плечах. Черные волосы посередине были выкрашены красным как символ пути солнца. Позднее сотрудник по делам индейцев назвал ее «трудолюбивой» и «добропорядочной»⁷⁸.

Когда Лиззи и Не-ка-е-се-й были молоды, их семьи дважды в год вместе со всем остальным племенем собирали скудные пожитки – одежду, постели, одеяла, посуду, вяленое мясо, оружие, – навьючивали на лошадей и отправлялись на священную двухмесячную охоту на бизонов. Когда разведчики находили стадо, Не-ка-е-се-й и другие охотники неслись верхом по прерии – копыта били в землю, как в барабан, гривы хлестали по блестящим от пота, демонически-черным лицам всадников. Французский студент-медик, в 1840 году выезжавший с племенем на охоту, писал: «Преследование беспощадно⁷⁹... загнанный бизон, стараясь обмануть врага, начинает круто поворачивать, несется в другом направлении, однако, поняв, что настигнут, в ярости останавливается и обращается мордой к нападающим».

Не-ка-е-се-й хладнокровно доставал лук и стрелу, считавшиеся осейджами лучше пули. Смертельно раненный бизон, по воспоминаниям студента-медика, «изрыгал потоки крови и падал на колени, прежде чем свалиться на землю»⁸⁰. После отрезания хвоста – трофея победителю – не пропадало ничего: мясо вялили, сердце коптили, в кишки набивали колбасы. Маслами бизоньего мозга натирали шкуры для изготовления одежды и одеял. Но и это было далеко не все: из рогов вырезали ложки, сухожилия шли на тетиву, сало – на топливо для факелов. Когда вождя осейджей спросили, почему он не хочет принять образ жизни белого человека, тот ответил: «Я полностью доволен своим положением⁸¹. Леса и реки с лихвой снабжают нас всем необходимым».

Правительство США уверяло осейджей, что резервация в Канзасе останется их домом навсегда, но вскоре их уже осаждали поселенцы. Среди них была и семья Лоры Инглз-Уайлдер, впоследствии написавшей основанную на детских впечатлениях книгу «Маленький домик в прериях». В одной из сцен Лора спрашивает:

«– За что ты не любишь индейцев, мам?»⁸²

– Просто не люблю, и все. Не облизывай пальцы, Лора! – отозвалась мама.

– Но ведь здесь Страна индейцев. Если ты их не любишь, зачем мы тогда приехали в их страну?» (Перевод М. И. Беккер.)

Однажды вечером отец Лоры объясняет ей, что правительство скоро заставит осейджей уйти:

«– Когда белые поселенцы приезжают в какое-нибудь место, правительство велит индейцам отсюда уходить. Этим индейцам правительство тоже со дня на день прикажет уходить на запад. Поэтому мы тут и поселились. Белые люди скоро заселят всю эту округу, а мы приехали первыми и поэтому заняли самую лучшую землю».

Хотя в книге семья Инглз покидает резервацию под угрозой изгнания солдатами, многие из самочинных поселенцев захватывали чужую землю силой. В 1870 году осейджи,

⁷⁸ Документы наследственного дела матери Молли, Лиззи, «Application for Certificate of Competency», 1 февраля 1911 года, NARA-FW.

⁷⁹ Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*, 191.

⁸⁰ Там же, 192.

⁸¹ Цитируется в Brown, *Frontiersman*, 245.

⁸² Wilder, *Little House on the Prairie*, 46–47 (перевод М. И. Беккер).

которых изгнали из вигвамов, а могилы их предков разграбили, согласились продать свои земли в Канзасе по цене 1,25 доллара за акр. Однако нетерпеливые поселенцы убили несколько членов племени, изуродовав их тела и оскальпировав. Сотрудник Управления по делам индейцев сказал: «Сам собою напрашивается вопрос, кто из них дикари?»⁸³

Осейджи принялись искать новое пристанище. Они обсуждали покупку у чероки почти 1,5 млн акров на тогдашних Индейских территориях – в регионе к югу от Канзаса, конечной остановке на Дороге слез (Этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев. – *Прим. перев.*) для многих вытесненных со своих земель племен. Рассматриваемая осейджами к приобретению пустовавшая территория по площади превосходила штат Делавэр, но большинство белых считали местность «пересеченной, скалистой, неплодородной и совершенно непригодной для возделывания»⁸⁴, как выразился один агент по делам индейцев.

Вот почему вождь осейджей Ва-Ти-Ан-Ка, встав на заседании совета племени, сказал: «На этой земле мои люди будут счастливы»⁸⁵. Белый человек не сможет воткнуть в нее железо. Белый человек не придет сюда, здесь много холмов... белый человек не любит землю, где есть холмы, и он не придет. Если мои люди уйдут на запад, где земля похожа на пол вигвама, белый человек явится в наши вигвамы и скажет: «Мы хотим вашу землю». А там земля скоро закончится, и у осейджей не будет дома».

Так осейджи купили территорию по 70 центов за акр, и в начале 1870-х годов начался их исход. По словам свидетеля, «воздух наполнил плач старейшин, особенно женщин, голосивших о покидаемых навсегда могилах детей»⁸⁶. По завершении похода в новую резервацию племя разбило несколько лагерей. Самый главный из них располагался в Похаске, где на высоком холме Управление по делам индейцев⁸⁷ возвело для своего местного отделения внушительное здание из песчаника. Грей-Хорс, в западной части резервации, представлял собой тогда кучку свежеставленных вигвамов. Тут и поселились поженившиеся в 1874 году Лиззи и Не-ка-е-се-й.

Черета принудительных переселений и такие «болезни белого человека», как оспа, нанесли племени огромный урон. Согласно одной оценке, за 70 лет его численность сократилась до 3 тысяч – одной трети от прежней. Чиновник по делам индейцев писал: «Эта малая часть – все, что осталось от героического народа, некогда неоспоримо владевшего регионом»⁸⁸.

Продолжение охоты на бизонов было для осейджей средством не только добычи пропитания, но и для поддержания традиций. «Это походило на прежнюю жизнь, – вспоминал сопровождавший их белый торговец»⁸⁹. – Старейшины, как принято издавна,

⁸³ Цитируется в Wilson, *Underground Reservation*, 18.

⁸⁴ Исаак Т. Гибсон Эноху Хоагу, *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 906.

⁸⁵ Mathews, *Wah'kon-Tah*, 33–34.

⁸⁶ Цитируется в Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 448.

⁸⁷ Управление по делам индейцев было переименовано в Бюро по делам индейцев в 1947 году.

⁸⁸ Гибсон Хоагу, в *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 487.

⁸⁹ Finney and Thoburn, «Reminiscences of a Trader in the Osage Country», 149.

собирались у костра, вспоминали о прошлом и рассказывали истории о доблести и отваге, проявленной на войне и на охоте».

К 1877 году бизонов, на которых можно было бы охотиться, почти не осталось – власти еще ускоряли этот процесс, поощряя поселенцев истреблять животных. Как сказал один офицер: «Каждый мертвый бизон – одним индейцем меньше»⁹⁰. В своей политике в отношении племен государство перешло от сдерживания к принудительной ассимиляции, и чиновники все настойчивей пытались превратить осейджей в англоговорящих, «прилично» одетых и посещающих церковь земледельцев. Правительство обещало племени ежегодные выплаты за проданные земли в Канзасе, однако не раньше, чем индейцы трудоспособного возраста вроде Не-ка-е-се-й займутся сельским хозяйством. И даже после этого настаивало на выдаче вместо денег одежды и продуктовых пайков. Вождь осейджей жаловался: «Мы не собаки, чтобы нас кормили как собак»⁹¹.

Среди непривычных к земледелию и лишившихся бизонов осейджей начался голод. Члены племени походили на обтянутые кожей скелеты, многие умерли. В Вашингтон, округ Колумбия, срочно отправилась делегация осейджей во главе с вождем Ва-Ти-Ан-Ка ходатайствовать перед комиссаром по делам индейцев об отмене системы продовольственных пайков. По рассказу Джона Джозефа Мэтьюза, делегаты надели свою лучшую традиционную одежду, а Ва-Ти-Ан-Ка завернулся в красное одеяло по самые глаза – темные колодцы, в которых светилась сама история его народа.

Делегация вошла в приемную комиссара и ждала его. Когда тот наконец появился, то сказал переводчику:

– Передайте этим господам, что мне очень жаль, но на это время у меня назначена другая встреча, о которой я, к несчастью, запомнил⁹².

Когда комиссар попытался уйти, Ва-Ти-Ан-Ка преградил ему путь к двери и сбросил одеяло. К неподдельному изумлению даже соплеменников, он был почти наг, не считая набедренной повязки и мокасин, а его лицо покрывала боевая раскраска. «Он стоял, как первобытный бог темных лесов», – писал Мэтьюз.

Ва-Ти-Ан-Ка сказал переводчику:

– Пусть этот человек сядет.

Комиссар послушался, и вождь продолжил:

– Мы прошли длинный путь, чтобы поговорить о деле.

Комиссар возмутился:

– Этот человек не умеет себя вести! Он явился в мой кабинет почти голым с боевой раскраской на лице. Очевидно, что он недостаточно цивилизован, чтобы обращаться с деньгами.

Ва-Ти-Ан-Ка ответил, что тела своего не стыдится, и после долгого нажима комиссар все же согласился положить конец политике пайков. Вождь накинул одеяло и заявил:

– Скажи этому человеку, что теперь все в порядке – он может идти.

Подобно многим другим соплеменникам, родители Молли старались придерживаться обычаев. Наречение было одним из важнейших обрядов осейджей, только после него человек считался членом племени. Молли, родившуюся 1 декабря 1886 года, нарекли осейдским именем Ва-кон-та-хе-ум-па. Ее сестрам также дали осейдские имена: Анне – Ва-ра-лум-па, Минни – Ва-ша-ши и Рите – Ме-се-мое.

Однако процесс аккультурации ускорился, когда в резервацию начали прибывать

⁹⁰ Цитируется в Merchant, *American Environmental History*, 20

⁹¹ Mathews, *Wah'kon-Tah*, 30.

⁹² Информация об осейдской делегации, включая цитаты, из отчетов Мэтьюза в той же книге, 35–38.

поселенцы. Они не походили ни на осейджей, ни даже на шайеннов или пауни. Отчаянные, грязные оборванцы, люди из ниоткуда – как прискакавший немного спустя Уильям Хэйл. И даже те, кто, как он, тесно сблизился с осейджами, считали для них путь белого человека неизбежным, единственным, на котором они смогут выжить. Хэйл был полон решимости переделать не только себя, но и дикую местность, откуда пришел, – размежевать бескрайнюю прерию оградами и создать в ней сеть торговых факторий и городков.

В 1880-х годах живший на канзасском Фронтире Джон Флорер, называвший резервацию осейджей «землей обетованной», основал в Грей-Хорс первую факторию. Не-ка-е-се-й любил посидеть в тени поблизости, принеся на продажу звериные шкуры, и Молли познакомилась с сыном торговца, первым в ее жизни другом, чья кожа была бледна, как рыбье брюхо.

Сын торговца вел дневник, где зафиксировал, пусть мимоходом, словно новую графу в гроссбухе, пережитую Молли и ее семьей экзистенциальную перемену. Он записал, как однажды торговец назвал Не-ка-е-се-й «Джимми». Затем и другие принялись звать его так, и вскоре старое осейджское имя было вытеснено новым. «Его дочери тоже часто заходили в магазин и получили имена там же», – писал сын торговца⁹³. Так Ва-кон-та-хе-ум-па стала Молли.

В ту пору Молли, как и мать, ходила в штанах, мокасинах, юбке, рубашке и одеяле, спала в уголке на полу семейного вигвама и много и тяжело работала. Однако это было довольно спокойное и счастливое время: Молли могла наслаждаться ритуальными танцами и праздниками, плескаться с подругами в ручье и наблюдать за скачками мужчин на мустангах по изумрудно-зеленым полям. Сын торговца писал: «Из той поры веет воспоминаниями, полузабытыми грезами о раскрывающемся перед сознанием ребенка чарующем мире, полном тайн и чудес»⁹⁴.

В 1894 году, когда Молли исполнилось 7 лет, родителей уведомили, что они должны отдать дочь в католическую школу-интернат для девочек в Похаске, до которой было два дня пути на лошадях к северо-востоку от Грей-Хорс. Как сказал комиссар: «Индейцам придется принять образ жизни белых – мирно, если захотят, или их заставят силой»⁹⁵.

Родителей Молли предупредили, что в случае неподчинения правительство прекратит ежегодные выплаты, обрекая семью на голод. Поэтому однажды мартовским утром Молли взяли из родного вигвама и запихнули в повозку. Та двинулась к центру резервации, Похаске, и девочка смотрела, как поселок Грей-Хорс, бывший для нее всей вселенной, понемногу исчезает, пока от него не остался лишь поднимающийся над вигвамами и тающий в небе дымок. До самого горизонта, как дно древнего моря, перед ней простиралась прерия. Ни следа поселений, ни единой души. Точно перевалив за край света, Молли оказалась «за пределами подвластной человеку земли», по выражению Уиллы Кэсер.

Трясаясь в фургоне, Молли час за часом, милю за милей ехала по дикой пустой равнине, еще не тронутой человеком. Наконец свет начал меркнуть, и Молли с возницей пришлось остановиться и разбить лагерь. Когда солнце опустилось за горизонт, небо окрасилось кроваво-красным, а затем черным, и густоту тьмы разбавляли лишь луна и звезды, с которых, как верили осейджи, спустились многие из их кланов. Молли сделалась «идушей через туман». Ее окружили силы ночи, слышимые, но невидимые: бормотание койотов, вой волков и крики сов – по поверью, носительниц злого духа.

На следующий день однообразные прерии сменились поросшими лесом холмами, и Молли с возницей покатали вверх и вниз по склонам, мимо тенистых мэрилендских дубов и

⁹³ Frank F. Finney, «At Home with the Osages».

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 91.

темных пещер – идеальных мест «для засады»⁹⁶, как раздраженно отозвался о них когда-то агент по делам индейцев, добавив: «Позвольте также отметить, что там... невежественные злодеи, способные на все». Они ехали, пока не встретили первую приметку человеческого жилья – одноэтажную крашенную красным деревянную развалюху. Это была фактория для торговли с осейджками, рядом с которой притулились захудалый постоялый двор и кузня с громадной кучей подков. Здесь тропа расширялась, превращаясь в немощеную улицу, по обе стороны которой были разбросаны лавки. К каждой вел дощатый настил, чтобы покупатели не увязли в грязи, у дверей торчали коновязи, а выдавшие виды фасады – некоторые для внушительности с фальшивым вторым этажом, – казалось, вот-вот свалятся под напором ветра.

Так Молли добралась до Похаски. Хотя в ту пору столица резервации представляла собой убогое местечко – «мелкую грязную факторию», по выражению одного приезжего, – девочка еще никогда в жизни не видела поселения крупнее. Проехав еще с миллю, фургон подкатил к мрачному каменному зданию о четырех этажах. Это и была католическая миссионерская школа, где Молли оставили на попечение женщин в черно-белых одеяниях. За дверью – Мэтьюз однажды описал вход в другую школу-интернат для осейджей как «громадную черную пасть, как у рыси, только больше и темнее»⁹⁷ – змеился лабиринт освещенных керосиновыми лампами коридоров, по которым гуляли сквозняки.

Молли пришлось снять с плеч индейское одеяло и надеть простенькое платье. По-осейджски ей говорить запрещали – она должна была выучить язык белого человека. Еще ей вручили Библию, начинавшуюся с четкого представления о Вселенной: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы».

Каждый час дня в школе был строго регламентирован. С урока на урок воспитанниц водили строем. Учили игре на фортепьяно, чистописанию, географии и арифметике, умещавшей весь окружающий мир в странных, непривычных символах. Обучение было призвано ассимилировать Молли в общество белых, превратить в образцовую, с точки зрения властей, женщину. И пока в других школах осейджским мальчикам преподавали сельское хозяйство и плотницкое ремесло, ее учили «домоводству»: шить, печь, стирать и вести хозяйство.

«Невозможно переоценить важность скрупулезного обучения индейских девочек»⁹⁸, – заявлял американский федеральный чиновник, добавляя: – Много ли проку трудолюбивому мужу, в поте лица зарабатывающему на еду и одежду для семьи, если жена не смыслит в готовке и шитье, не имеет представления о порядке и опрятности, не может внести в дом веселье и счастье, а обращает его в жалкую мерзость запустения и нищеты? ... Именно женщины упорнее всего цепляются за языческие обряды и суеверия и передают их далее, внушая своим детям».

Нередко однокашницы Молли пытались бежать, однако стражи закона преследовали их на лошадях, вязали веревками и притаскивали обратно. Молли проводила в школе восемь месяцев в году, по возвращении в Грей-Хорс замечая, что все больше девушек отказываются носить одеяла и мокасины, а юноши предпочитают кожаным штанам брюки и традиционным прическам в виде гребня – широкополые шляпы. Многие ученики начали стесняться родителей, не понимавших английского и продолжавших жить по старым обычаям. Одна из индейских матерей сказала о сыне: «Его уши глухи к нашим словам»⁹⁹.

⁹⁶ Mathews, *Wah'kon-Tah*, 79.

⁹⁷ Mathews, *Sundown*, 23.

⁹⁸ Цитируется в McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 215–216.

⁹⁹ Mathews, *Wah'kon-Tah*, 311.

Семья Молли жила на стыке не только двух столетий, но и двух цивилизаций. Особенно тяжкие испытания им пришлось пережить в конце 1890-х годов, когда правительство США до предела усилило нажим кампании ассимиляции, приняв закон о распределении земель. В соответствии с ним в резервации осейджей планировалось выделить участки по 160 акров и передать их в частную собственность, причем каждому члену племени полагался один бесплатный надел, а остальная территория предоставлялась поселенцам. Подобная система уже применялась в резервациях множества других племен и служила разрушению старинного общинного уклада жизни американских индейцев, а передача земель в частное владение, отнюдь не случайно, весьма облегчала их приобретение белыми.

Осейджи видели, что произошло на Черокском клине – обширной полосе прерии у западной границы их владений. После выкупа этой территории у чероки правительство США объявило, что в полдень 16 сентября 1893 года каждый американский поселенец сможет получить один из сорока двух тысяч наделов – если только доберется до места первым! За несколько дней до начала со всех концов страны – от Калифорнии до Нью-Йорка – съехались и столпились вдоль границы десятки тысяч мужчин, женщин и детей: оборванная, грязная, жаждущая людская масса простерлась до горизонта, точно армия солдат, ополчившихся друг на друга.

В конце концов, после того как нескольких «торопыг», пересекших границу раньше срока, застрелили, началась гонка – «НЕВИДАННАЯ В ИСТОРИИ ГОНКА ЗА ЗЕМЛЮ»¹⁰⁰, как провозгласила одна из газет. Журналист писал: «Бросившись вперед, люди сшибали друг друга¹⁰¹. Женщины вскрикивали и падали в обморок, их затапывали, возможно, насмерть». И продолжал: «По всей прерии лежали мужчины, женщины и лошади. Куда ни глянь, люди, в споре о первенстве, насмерть дрались за участки. На солнце сверкали выхваченные ножи и револьверы – это была жуткая и захватывающая картина, не поддающаяся никакому описанию... схватка, в которой не было места жалости, где все сражались против всех и каждый за себя». К вечеру Черокский клин был расхвачан на клочки.

Поскольку осейджи купили свою землю, правительству было сложнее навязать им свою политику выделения. Племени во главе с одним из величайших вождей в его истории, Джеймсом Бигхартом, который говорил на семи языках, в том числе сиу, французском, английском и латыни, и носил костюм, удалось предотвратить раздел. Однако с каждым днем давление нарастало. Теодор Рузвельт уже предупредил, что постигнет индейца, отказывающегося от личного надела: «Пусть он, как и не желающий работать белый, исчезнет с лица земли, которой пренебрегает»¹⁰².

К началу XX века Бигхарт и другие осейджи поняли, что им больше не удастся уклониться от того, что один правительственный чиновник назвал надвигающейся «великой бурей»¹⁰³. Правительство США планировало размежевать Индейскую территорию и включить ее в состав нового штата под названием Оклахома (что на языке чокто означает «красные люди»). Бигхарт смог отсрочить неизбежное на несколько лет – осейджи стали последним племенем на Индейской территории, подвергшимся распределению земель. В результате у них оказалось больше рычагов давления на власти, так как правительственные

¹⁰⁰ *Daily Oklahoma State Capital*, 18 сентября 1893 года.

¹⁰¹ *Daily Oklahoma State Capital*, 16 сентября 1893 года.

¹⁰² Цитируется в Trachtenberg, *Incorporation of America*, 34.

¹⁰³ *Wah-sha-she News*, 23 июня 1894 года.

чиновники очень спешили устранить последние препятствия на пути учреждения нового штата. В 1904 году Бигхарт направил в Вашингтон «держатъ руку на пульсе»¹⁰⁴ энергичного молодого адвоката Джона Палмера. Осиротевший сын белого торговца и индианки-сиу, Палмер в детстве был усыновлен осейджской семьей и впоследствии женился на девушке из того же племени. Сенатор США от штата Оклахома называл Палмера «самым красноречивым из ныне живущих индейцев»¹⁰⁵.

В течение нескольких месяцев Бигхарт и Палмер вместе с другими представителями племени вели переговоры с правительственными чиновниками об условиях выделения. Осейджам удалось взять верх, добившись раздела всей территории резервации исключительно между собой, увеличив тем самым размер участка каждого со 160 до 657 акров. Эта стратегия позволила избежать безумной земельной гонки, хотя впоследствии белые могли попытаться выкупить наделы у индейцев. Осейджи также сумели вписать в соглашение казавшуюся в то время простым курьезом оговорку: «Нефть, газ, уголь или другие полезные ископаемые, находящиеся в недрах этих земель... закрепляются в собственности племени осейдж»¹⁰⁶.

В племени знали, что на их территории есть нефть. За десять с лишним лет до этого один осейдж показал владельцу фактории в Грей-Хорс Джону Флореру радужную пленку на поверхности ручья на востоке резервации. Индеец окунул туда свое одеяло и выжал жидкость в сосуд. Флореру показалось, что жидкость пахнет, как колесная мазь, продающаяся в его магазине. Он поспешил домой и показал образец товарищам, подтвердившим его подозрения: это была нефть. Вместе с партнером, богатым банкиром, Флорер заключил с племенем договор аренды для начала бурения. Мало кто представлял, что под землей резервации скрыто несметное богатство, хотя к началу переговоров о выделении пара небольших скважин уже действовали. Осейджи дальновидно удержали за собой эту последнюю область своих владений – область, недоступную взору. После согласования в 1906 году условий закона о выделении Палмер хвалился в Конгрессе: «Этот договор с осейджами написан мной от первого до последнего слова»¹⁰⁷.

Как все, внесенные в список племени¹⁰⁸, Молли и каждый член ее семьи имели право на денежные отчисления со своего пая в фонде доходов от добываемой нефти. Когда на следующий год Оклахома в качестве сорок шестого штата вошла в состав США, индейцы получили возможность продавать свои земли на территории современного округа Осейдж. Однако для сохранения контроля племени над нефтяным фондом ни купить, ни продать паи было нельзя, они передавались исключительно по наследству. Так Молли и ее семья стали частью первой подземной резервации.

Вскоре племя принялось сдавать участки в аренду белым нефтеразведчикам. Молли видела трудившихся с каким-то иступлением чумазных рабочих – заправщиков бурового инструмента, такелажников, чистильщиков буров, мастеров-трубопроводчиков. Они опускали в недра земли заряд нитроглицерина и взрывали. Иногда на поверхности оказывался древний наконечник индейского копья или стрелы – его разглядывали в

¹⁰⁴ Russell, «Chief James Bigheart of the Osages», 892.

¹⁰⁵ Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 2048.

¹⁰⁶ Цитируется в *Leases for Oil and Gas Purposes, Osage National Council*, 154.

¹⁰⁷ *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 398.

¹⁰⁸ Многим белым поселенцам удалось обманым путем проникнуть в список членов племени и, в конце концов, сделать состояние на нефтяных доходах, принадлежавших осейджам. Антрополог Гаррик Бэйли подсчитал, что сумма денег, похищенных у осейджей, составляла не менее 100 миллионов долларов.

изумлении, как диковинку. Эти люди возводили деревянные конструкции, уходившие в небо, как храмы, и распевали на своем особом языке: «Попрыгали, кошки, попрыгали! Вешай на крюк, не сачкуй! Вира давай помалу! Дятел, задай отсчет! Вверх по швабрам! Выбивай подпорку!»¹⁰⁹ Многие «дикие» нефтеразведчики, набутив «сухих» скважин, быстро отчаивались и сбежали. О таких белых осейджи говаривали: «Как если завтра им прийти конец света»¹¹⁰.

В начале XX века адвокат из Миннеаполиса Джордж Гетти начал семейное дело по поиску нефти в восточной части резервации осейджей, на участке № 50, арендованном за 500 долларов. Его сын Жан Пол Гетти, впоследствии основатель «Гетти Ойл Компани», бывал там еще мальчишкой. «То были времена первопроходцев, – вспоминал он¹¹¹. – Никаких автомобилей, телефонов тоже почти не было, как и электрического освещения. Хотя уже начинался двадцатый век, девятнадцатый еще очень здорово напоминал о себе. Это казалось настоящим приключением. В отличие от меня, родители никогда не понимали всей его прелести. Мы частенько посещали наш участок, примерно в девяти милях в глубь территории осейджской резервации, добираясь туда в запряженном лошадьми фургоне. Поездка занимала пару часов, и по пути приходилось переправляться через реку вброд». Перед первой встречей с индейцами Жан Пол спросил отца: «Они опасны? Мы будем с ними драться?»¹¹² Отец рассмеялся. «Нет, – сказал он. – Они вполне тихие и миролюбивые».

Однажды промозглым весенним днем 1917 года «дикий» нефтеразведчик Фрэнк Филлипс – еще совсем недавно торговавший чудодейственным эликсиром от облысения – вместе с рабочими находился на участке № 185, всего в полумиле от участка № 50. Они стояли на буровой платформе, когда вышка затряслась, словно мимо проносился локомотив. Из дыры в земле раздалось громовое бульканье, рабочие бросились врассыпную, а их крики утонули уже в настоящем реве. Буровой мастер подхватил и стащил Филлипса с платформы в тот самый миг, когда земля разверзлась, и в небо взметнулся черный столб нефти.

Каждая новая находка поражала воображение сильнее предыдущей. В 1920 году Э. У. Марлэнд, когда-то бедный настолько, что не мог позволить себе купить билет на поезд, открыл Бербанк, одно из самых высокопроизводительных нефтяных месторождений в Соединенных Штатах: за первые сутки новая скважина дала 680 баррелей.

Посмотреть на забивший из скважины фонтан сбежалась толпа осейджей. Они во все глаза уставились на нефтяные струи, взмывавшие на пятьдесят, шестьдесят, а иногда и сто футов в высоту. Черные, будто крылья ангела смерти, те изгибались громадной, выше буровой вышки дугой. Брызги пятнали поля и цветы, пачкали лица рабочих и зевак, но радостные люди кинулись обниматься и подбрасывать шляпы. Бигхарта, умершего вскоре после проведенного по его правилам выделения, провозгласили «осейджским Моисеем». А темная, вязкая, резко пахнущая минеральная субстанция казалась теперь прекраснейшей вещью на свете.

Глава 5 Ученики дьявола

Деньги были единственным инструментом в распоряжении Молли, способным побудить равнодушные белые власти начать поиски убийц индейцев. После смерти Лиззи в

¹⁰⁹ Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 75.

¹¹⁰ Mathews, *Life and Death of an Oilman*, 116.

¹¹¹ Gregory, *Oil in Oklahoma*, 13–14.

¹¹² Цитируется в Miller, *House of Getty*, 1881.

июле 1921 года Билл Смит предоставил властям собранные им доказательства ее медленного отравления, однако дело не рассмотрели и в августе. Расследование убийства Анны за три месяца тоже не продвинулось. Чтобы стимулировать следствие, семья Молли опубликовала заявление, в котором предлагала денежное вознаграждение в размере 2000 долларов за любую информацию, содействующую раскрытию «гнусных преступлений»¹¹³, представляющих «общественную опасность». Семья Уайтхорна также предложила награду в размере 2500 долларов за поимку убийц Чарльза, как сообщала «Похаска дейли кэпитал». А Уильям Хэйл, который вел кампанию по искоренению преступности в округе Осейдж, пообещал награду всем, кто доставит убийц живыми или мертвыми. «Мы должны остановить пролитие крови»¹¹⁴, – заявил он.

Однако ситуация с местными правоохранителями продолжала ухудшаться. Вскоре генеральный прокурор штата Оклахома выдвинул против шерифа Фриса обвинения в умышленном «необеспечении соблюдения закона»¹¹⁵ – попустительстве бутлегерству и азартным играм. Тот обвинения отрицал, и пока дело ожидало суда, два могущественных стража порядка враждовали друг с другом. Принимая во внимание эту неразбериху, Хэйл заявил, что пришло время нанять частного сыщика.

В XIX и начале XX века детективные агентства заполняли вакуум, оставляемый децентрализованными, недофинансируемыми, некомпетентными и коррумпированными полицейскими управлениями. В литературе и народном сознании проницательный частный сыщик – сыскарь, агент, ищейка, шпик – сменил доблестного шерифа как архетип жесткого правосудия. Он покорял новый, полный опасностей фронт темных переулков и вонючих трущоб. Фирменным знаком героя был уже не дымящийся шестизарядный «кольт» – детектив, подобно Шерлоку Холмсу, полагался на поразительные способности разума и дедукции, умение видеть то, что ускользало от внимания Ватсонов. Он находил ключ к разгадке в хаосе улики и, по выражению одного автора, «превращал жестокие преступления – рудименты звериного в человеке – в интеллектуальные головоломки»¹¹⁶.

Тем не менее преклонение перед частными детективами с самого начала мешалось с отвращением. Не имевшие специальной подготовки, никем не контролируемые, они часто сами имели криминальное прошлое. Зависимость от того, кто платит, делала их в массовом сознании шпионами, вынюхивающими чужие секреты. Само название профессии происходит от латинского глагола, означающего «срывать крышу», и так как, по преданию, приспешники сатаны могли тайно заглядывать в дома, поднимая крыши, детективов называли «учениками дьявола»¹¹⁷. В 1850 году Алан Пинкертон основал первое американское частное детективное агентство. В рекламных объявлениях девиз его компании «Мы никогда не спим» печатали под эмблемой в масонском стиле – огромным недреманым оком. В руководстве по общим принципам и нормам, служившем программным документом компании, Пинкертон признавал, что порой детектив вынужден «отступать от строгой истины»¹¹⁸ и «прибегать к обману». И все же даже множество людей, презиравших эту

¹¹³ Документы завещания Анны Браун, «Application for Authority to Offer Cash Reward», NARA-FW.

¹¹⁴ H. L. Macon, «Mass Murder of the Osages», West, декабрь 1965 года.

¹¹⁵ Ada Weekly News, 23 февраля 1922 года.

¹¹⁶ Summerscale, *Suspicious of Mr. Whicher*, xii.

¹¹⁷ Подробнее о происхождении выражения «ученики дьявола» см. Lukas, *Big Trouble*, 76.

¹¹⁸ Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.

профессию, считали ее неизбежным злом. Как выразился один частный сыщик, он может быть «жалким пресмыкающимся»¹¹⁹, но при этом и «тихим, тайным и действенным мстителем поправленного величия Закона, когда все прочие средства исчерпаны».

Хэйл нанял мрачного частного детектива из Канзас-Сити, известного как Пайк. Чтобы не раскрываться, Пайк, с просмоленными от постоянного курения кукурузной трубки усами, встретился с заказчиком в укромном месте неподалеку от Уизбанга (столпы общества вроде Хэйла считали это название непристойным и именовали город «Денойя» в честь прославленной осейджской семьи). Разговор состоялся под небом, закопченным дымом с нефтяных месторождений, после чего взявшийся за расследование Пайк ускользнул так же незаметно, как появился.

Частных детективов, по распоряжению Молли и ее семьи, нанял и управляющий имуществом Анны. Это был Скотт Мэтис, владелец «Биг Хилл Трейдинг Компани», уже давно в качестве опекуна ведавший финансовыми делами Анны и Лиззи. Правительство США утверждало, что большинство осейджей неспособны распоряжаться своими деньгами, и требовало от Управления по делам индейцев определить, кто может и кто не может делать это сам. Несмотря на решительные возражения племени, многих, в том числе Лиззи и Анну, признали «недееспособными» и заставили нанять белого опекуна из местных, который контролировал и одобрял все их расходы, вплоть до покупки зубной пасты. Один осейдж, прошедший Первую мировую войну, жаловался: «Я сражался за эту страну во Франции¹²⁰, а мне не разрешают даже подписывать собственные чеки». Опекунов обычно выбирали из числа самых видных белых граждан округа Осейдж.

Мэтис и опекун Уайтхорна собрали по целой команде частных сыщиков. Большинство расследовавших дела о смерти осейджей детективов работали в «Международном детективном агентстве Уильяма Дж. Бёрнса». Бёрнс, бывший агент Секретной службы США, стал следующим после Пинкертонса самым известным в мире сыщиком. Невысокий крепкий мужчина с пышными усами и копной рыжих волос, Бёрнс в молодости хотел стать актером и тщательно выстраивал свой образ загадочной всесильности, для чего, в частности, сам писал на материале своих дел детективные рассказы. В одной из подобных книг он заявлял: «Меня зовут Уильям Дж. Бёрнс, и мой адрес – Нью-Йорк, Лондон, Париж, Монреаль, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиэтл, Новый Орлеан, Бостон, Филадельфия, Кливленд... – везде, где у законопослушного гражданина может возникнуть нужда в людях, которые знают, как хладнокровно выкурить из засады затаившегося наемного убийцу или разоблачить преступника, подстерегающего ничего не подозревающую жертву»¹²¹. Хотя за безудержную саморекламу его окрестили «детективом первой полосы», послужной список у него был впечатляющий, включая поимку виновных в теракте 1910 года в редакции «Лос-Анджелес таймс», унесшего жизни 20 человек. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала Бёрнса «пожалуй, единственным воистину великим детективом, единственным гением сыска, рожденным этой страной»¹²², а сэр Артур Конан Дойл наградил самым желанным для сыщика прозвищем – «американский Шерлок Холмс».

Правда, в отличие от последнего Бёрнс мошенничал с присяжными, однажды, как утверждают, похитил подозреваемого и вообще регулярно использовал грязные приемы. Пойманный при попытке вломиться в нью-йоркскую адвокатскую контору с целью похищения улики, он заявил, что подобные методы порой необходимы для добычи

¹¹⁹ McWatters, *Knots Untied*, 664–665.

¹²⁰ Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»

¹²¹ William J. Burns, *Masked War*, 10.

¹²² *New York Times*, 4 декабря 1911 года.

доказательств и что такие приемы «тысячу раз»¹²³ применялись частными детективами. Бёрнс был идеальным воплощением новой профессии.

В то лето¹²⁴ команда нанятых Мэтисом сыщиков начала проникать в округ Осейдж. В ежедневных отчетах каждый из них указывал только зашифрованный номер. Вначале агент № 10 попросил Мэтиса, бывшего присяжным при расследовании, показать ему место преступления. «Мы поехали туда, где было найдено тело»¹²⁵, – писал № 10.

Один из них поговорил с экономкой Анны. Та показала, что после обнаружения тела получила ключи хозяйки и с ее сестрой Ритой Смит вошла в дом. Невероятно, но никто из управления шерифа еще не произвел там обыск. Женщины с опаской открыли дверь и ступили в тишину. Ювелирные украшения, одеяла и картины – все ценное, собранное Анной за всю жизнь, – теперь были словно развалины покинутого города. Горничная, помогавшая Анне одеваться в день исчезновения, вспомнила: «Все осталось как тогда» – все, кроме одного¹²⁶. Сумочка из крокодиловой кожи, с которой Анна ходила на обед к Молли, теперь валялась на полу, «вывернутая наизнанку».

Больше в доме, похоже, ничего не украли, а наличие сумочки свидетельствовало о том, что после обеда Анна, видимо, действительно побывала дома. Деверь Молли Брайан, очевидно, говорил правду. Но не он ли заехал за Анной еще раз? Или это был кто-то другой?

Агент № 10 обратился к другому многообещающему источнику информации: записям о входящих и исходящих звонках Анны. В те дни соединение производилось вручную телефонисткой, причем междугородняя связь часто осуществлялась через несколько последовательных коммутаторов. При этом обычно велся учет звонков. Согласно журналу телефонной станции Фэрфакса, в вечер исчезновения Анны, примерно в 8.30, ей позвонили из конторы в Ралстоне, городе в шести милях к юго-западу от Грей-Хорс. Записи показали, что кто-то, предположительно сама хозяйка, взял трубку. Это означало, что в 8.30 Анна, очевидно, еще была дома – новое доказательство правдивости слов Брайана.

Частный детектив, предчувствуя прорыв в расследовании, поспешил в Ралстон. Владелец конторы, однако, утверждал, что Анне не звонил и никто другой его аппаратом воспользоваться не мог. Более того, ни на одной телефонной станции Ралстона не нашлось записи о соединении с Фэрфаксом. «Этот звонок кажется загадкой»¹²⁷, – писал № 10. Он подозревал, что на самом деле ралстонский номер был фальшивкой – телефонистке заплатили за уничтожение истинной записи в журнале, зафиксировавшей настоящий источник. Похоже, кто-то заметал следы.

Агент № 10 планировал внимательней присмотреться к Оде Брауну. «Главное подозрение¹²⁸ падает на бывшего мужа», – писал он. Однако было уже поздно, и детектив закончил свой отчет словами: «Расследование приостановлено в 11 вечера».

Через неделю другой член команды – № 46 – отправился искать Брауна в городе Понка,

¹²³ Цитируется в Hunt, *Front-Page Detective*, 104.

¹²⁴ Описание деятельности частных детективов позаимствовано из их служебных ежедневников, включенных в отчеты бюро Джеймса Финдли, июль 1923 года, FBI.

¹²⁵ Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

¹²⁶ Свидетельские показания перед большим жюри Анны Ситтерли, NARA-FW.

¹²⁷ Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

¹²⁸ Там же.

в 25 милях к северо-западу от Грей-Хорс. По прерии пронеслась страшная буря и превратила дороги в реки грязи, поэтому детективу удалось добраться до места только с наступлением темноты и лишь для того, чтобы обнаружить, что Брауна здесь нет. Говорили, что он уехал в Перри, штат Оклахома, где жил его отец. На следующий день № 46 поездом отправился на юг, но Брауна не оказалось и там – по слухам, он был в округе Пауни. «Поэтому я первым же поездом уехал из Перри»¹²⁹, – писал в отчете № 46. Рутинное расследование, о котором не прочтешь в рассказах о Шерлоке Холмсе, – ложные следы и тупики.

Бесцельно проехав взад-вперед, в округе Пауни № 46 наконец нашел того, кого искал – сублильного мужчину с сигаретой во рту, с волосами цвета ржавчины и хитрым взглядом матово-серых глаз. Ода Браун был с индианкой-пауни, на которой, по имеющимся сведениям, женился после смерти Анны. № 46 следовал за ними как тень и в удобный момент попытался сблизиться с Брауном. Составленное Пинкертоном руководство советовало: «Бдительный детектив¹³⁰ подловит преступника в момент слабости и, проявив сочувствие и втеревшись в доверие, выудит гложащую того тайну». № 46 так и сделал. Когда Браун упомянул, что его бывшую жену убили, детектив попытался выведать, где тот находился в момент ее смерти. Возможно, подозревая, что его новый друг – сыщик, Браун сказал, что уезжал с другой женщиной, но не скажет куда. № 46 пристально посмотрел на Брауна. Согласно все тому же руководству, тайна преступника становится его внутренним «врагом» и «ослабляет силу его сопротивления»¹³¹. Однако Браун, казалось, совсем не нервничал.

Пока № 46 работал с Брауном, другой агент – № 28 – узнал от молодой женщины из племени кау, жившей близ западной границы округа Осейдж, важнейшую информацию. В подписанном заявлении она утверждала, что Роуз Осейдж, индианка из Фэрфакса, призналась ей, что убила Анну после того, как та попыталась соблазнить ее парня, Джо Аллена. Роуз сказала, что они втроем ехали в машине и она «выстрелила ей в макушку»¹³², а затем с помощью Джо сбросила тело в Три-Майл-Крик. Поскольку одежда Роуз была забрызгана кровью, она ее сняла и тоже кинула в ручей.

Рассказ звучал мрачно, однако агенту № 28 это открытие весьма подняло настроение. В своем ежедневном отчете он писал, что провел несколько часов с Мэтисом и шерифом Фрисом, чей судебный процесс был еще впереди, в поисках этой «улики, кажется, ведущей к разгадке дела»¹³³.

Однако детективам никак не удавалось подтвердить историю осведомительницы. Анну ни с Роуз, ни с Джо никто не видел. В ручье рядом с телом одежды не нашли. Может, доносчица элементарно лгала ради получения вознаграждения?

Шериф Фрис, трясая складками жира на шее и груди, убеждал частных детективов отказаться от этой версии. Потом предложил другую: якобы с Анной незадолго до ее смерти видели двух крутых парней из лагеря нефтяников, а потом те смылись. Сыщики согласились расследовать и этот слух. Однако что касается заявления против Роуз, агент № 28 также обещал «не оставлять этот след»¹³⁴.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.

¹³¹ Там же.

¹³² Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

Частные детективы поделились тем, что им стало известно, с зятем Молли Биллом Смитом, продолжавшим собственное расследование. Двадцатидевятилетний Смит, прежде чем породниться с осейджами и их деньгами, был конокрадом. Сначала он женился на сестре Молли Минни, а затем в 1918 году – всего через несколько месяцев после ее смерти от таинственной «скоротечной болезни» – состоялась его свадьба с другой сестрой, Ритой. Напиваясь, Билл не раз поднимал на жену руку. Впоследствии слуга вспоминал, что после одного из скандалов «она была вся в синяках»¹³⁵, а Билл сказал ему: «С этими скво только так и можно поладить». Рита часто грозилась уйти от мужа, но так и не сделала этого.

Рита обладала острым умом, но, по мнению близких, его затмевала любовь, которую кое-кто из них назвал «воистину слепой»¹³⁶. У Молли в отношении Билла имелись сомнения: не был ли тот как-то причастен к смерти Минни? Хэйл дал понять, что тоже не доверяет ему, а как минимум один местный адвокат заявлял, что Билл «осквернил священные узы брака погоней за грязной выгодой»¹³⁷.

Однако в деле об убийстве Анны Билл, по всей видимости, энергично стремился установить виновного. Узнав, что у одного портного в городе может быть информация, он с частным детективом отправился задать ему вопросы. Однако выяснилось, что речь идет лишь об уже известном слухе, будто Анну в припадке ревности убила Роуз Осейдж.

Отчаявшись добиться прорыва, сыщики решили установить «жучок» для прослушивания разговоров Роуз и ее приятеля. Четких законов об электронном наблюдении тогда еще не существовало, и Бёрнс был завзятым приверженцем применения диктографа – примитивного подслушивающего устройства, которое можно было спрятать в часах или люстре. «Бёрнс стал первым американцем¹³⁸, увидевшим огромные возможности этого инструмента в детективной работе, – писал в 1912 году «Литерари дайджест». – Он настолько влюблен в него, что всегда носит в кармане». Подобно тому, как в XIX веке Аллан Пинкертон стяжал известность «глаза», в XX столетии Бёрнс прославился как «ухо».

Спрятавшись в другой комнате, детективы надели наушники и принялись подслушивать прерываемые помехами голоса Роуз и ее приятеля. Однако, как часто случается в ходе наблюдения, прилив энтузиазма быстро сменился утомлением от погружения во внутреннюю жизнь других людей, и в конце концов сыщики уже не спешили записывать подслушанные ими безобидные подробности.

Тем не менее, прибегнув к более традиционным методам, им удалось сделать потрясающее открытие. Таксист, подвозивший в день исчезновения Анну в дом Молли, рассказал, что пассажирка попросила его сначала остановиться на кладбище Грей-Хорс. Она вышла и побрела меж надгробий, пока не остановилась у могилы отца. На мгновение Анна замерла рядом с местом, где вскоре похоронят и ее саму, словно вознося про себя скорбную молитву. Затем вернулась к машине и попросила водителя прислать кого-нибудь принести цветы на могилу отца. Ей хотелось, чтобы место его упокоения всегда была красивым.

Когда они двинулись дальше к дому Молли, Анна повернулась к водителю – он почувствовал запах алкоголя – и доверила ему тайну: у нее скоро будет «малыш»¹³⁹.

¹³⁵ *Mollie Burkhart et al. v. Ella Rogers*, Supreme Court of the State of Oklahoma, NARA-FW.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ «Scientific Eavesdropping», *Literary Digest*, 15 июня 1912 года.

¹³⁹ Свидетельские показания перед большим жюри Боба Картера, NARA-FW.

- Боже мой, не может быть, – ответил он.
- Может, – сказала она.
- Правда?
- Да.

Впоследствии детективы нашли подтверждение еще у двух близких Anne людей – им она тоже рассказала о своей беременности. Однако кто отец ребенка, осталось неизвестным.

В один из летних дней в Грей-Хорс появился незнакомец с чаплиновскими усиками и предложил детективам помощь. Вооруженного короткоствольным «бульдогом» 44-го калибра мужчину звали А. У. Комсток, он был местным адвокатом и опекуном нескольких осейджей. Кое-кто из местных считал его орлиный нос и смуглую кожу свидетельством примеси индейской крови, и тот ради успеха своей адвокатской практики не слишком стремился это опровергать.

«То, что он походил на краснокожего, видимо, должно было помочь ему ладить с ними?»¹⁴⁰ – скептически вопрошал другой адвокат. Уильям Бёрнс некогда вел против Комстока расследование – якобы тот содействовал нефтяной компании в подкупе племенного совета осейджей для получения выгодных условий аренды, – однако обвинение так и не было доказано.

Учитывая широкие связи Комстока среди осейджей, частные сыщики приняли его предложение о помощи. В то время как они пытались установить связь между убийствами Чарльза Уайтхорна и Анны Браун, Комсток нарыл несколько любопытных фактов через свою сеть информаторов. Поговаривали, что вдова Уайтхорна Хэтти жаждала заполучить деньги мужа и ревновала его к другой женщине. Не к Anne ли? Из подобной гипотезы логично вытекал следующий вопрос: не был ли Уайтхорн отцом ее ребенка?

Детективы установили за Хэтти наблюдение. В этом они были мастерами и тенью скользили за ней повсюду, сами оставаясь незамеченными: «Агент следует¹⁴¹ за миссис Уайтхорн из Окл. – Сити в Похаску. ... Выехал из Окл. – Сити вслед за целью в Гатри. ... Сопровождаю объект из Талсы в Похаску». Однако и это не принесло результатов.

К февралю 1922 года, через девять месяцев после убийства Уайтхорна и Анны Браун, следствие, казалось, окончательно зашло в тупик. Детектив Пайк, нанятый Хэйлом, сдался и уехал. Вышел из игры и шериф Фрис – его отстранили от должности после признания виновным в неисполнении своих обязанностей.

Одним холодным вечером того же месяца в доме 29-летнего осейджа Уильяма Степсона, чемпиона родео, раздался телефонный звонок, после которого он выехал в Фэрфакс. Некоторое время спустя Степсон, всегда бывший в отличной форме, вернулся к жене и двоим детям откровенно больной. Буквально в считанные часы он скончался. После вскрытия было установлено, что кто-то, кого он встретил в короткой поездке, подсыпал ему отраву, возможно, стрихнин – горький белый алкалоид, который один медицинский трактат XIX века называл «обладающим большей пагубной силой»¹⁴², чем практически любой другой яд. В трактате описывалось, как лабораторные животные после инъекции стрихнина «возбуждаются и дрожат, а потом застывают и дергают конечностями»¹⁴³, и далее: «эти симптомы нарастают до тех пор, пока не начинается приступ мощного общего спазма, при

¹⁴⁰ In proceedings of *Ware v. Beach*, Supreme Court of the State of Oklahoma, Comstock Family Papers.

¹⁴¹ Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

¹⁴² Christison, *Treatise on Poisons in Relation to Medical Jurisprudence, Physiology, and the Practice of Physic*, 684.

¹⁴³ Там же.

котором голова откидывается назад, позвоночник напрягается, конечности разбрасываются и коченеют, а дыхание прекращается из-за паралича грудного отдела». Последние часы Степсона, вероятно, были страшно мучительны: мышцы дергались, как от ударов электрическим током, шея вытянулась, челюсти сжались; он пытался вдохнуть, но легкие сводило, пока он в конце концов не умер от удушья.

К тому времени ученые разработали множество методов обнаружения яда в теле. Можно было взять образец ткани трупа и проверить на присутствие целого ряда токсичных веществ – от стрихнина до мышьяка. Однако на большей части территории США эти судебно-медицинские методы применялись еще реже, чем сличение отпечатков пальцев или баллистические экспертизы. В исследовании 1928 года, проведенном Национальным научно-исследовательским советом, содержался вывод о том, что в большинстве округов коронеры «не имели должной подготовки и квалификации»¹⁴⁴ и располагали лишь «посредственным штатом помощников и не отвечающим необходимым требованиям оборудованием». В таких местах, как округ Осейдж, где вообще не было коронеров-криминалистов и экспертно-криминалистических лабораторий, отравление становилось безупречным способом убийства. На полках аптек и бакалейных магазинов яды были представлены в изобилии и в отличие от оружейного выстрела действовали тихо. При этом симптомы нередко напоминали течение естественных заболеваний – рвоту и понос при холере или конвульсии при сердечном приступе. Во времена сухого закона было такое множество смертей от метанола и других токсичных примесей в бутлегерском виски, что убийца мог запросто бросить отраву в стакан самогона и ни у кого не возникло бы подозрений.

26 марта 1922 года, меньше чем через месяц после убийства Степсона, в смерти одной осейджской женщины также заподозрили отравление. И снова токсикологическая экспертиза не была проведена. Позднее, 28 июля, Джо Бейтс, осейдж возрастом за тридцать, приобрел у незнакомца виски, сделал глоток и упал с пеной у рта. Причиной смерти власти назвали неустановленный яд. У Бейтса остались жена и шестеро детей.

В августе того же года, когда число подозрительных смертей перевалило за дюжину, делегация осейджей убедила Барни Макбрайда, богатого 55-летнего белого нефтепромышленника, отправиться в Вашингтон и ходатайствовать перед федеральными властями о проведении расследования. Макбрайд был некогда женат на индианке из народа криков, уже покойной, и воспитывал падчерицу. Он много занимался делами индейцев Оклахомы, и осейджи ему доверяли; один журналист характеризовал его как «добросердечного седовласого мужчину»¹⁴⁵. Принимая во внимание его обширные связи в Вашингтоне, Макбрайд был идеальным посланцем.

В столичной гостинице он нашел присланную коллегой телеграмму: «Будьте осторожны»¹⁴⁶. Макбрайд, везде носивший с собой Библию и револьвер 45-го калибра, отправился вечером поиграть в бильярд. Когда нефтепромышленник выходил из клуба, его схватили и натянули на голову джутовый мешок. Следующим утром труп Макбрайда обнаружили в дренажной трубе в Мэриленде. На теле насчитали более двадцати ножевых ран, череп проломлен, из одежды остались только носки и ботинки, в один из которых сунули его визитку. Результаты судмедэкспертизы свидетельствовали о том, что нападавший был не один, и власти подозревали, что преступники следили за жертвой от самой Оклахомы.

¹⁴⁴ Oscar T. Schultz and E. M. Morgan, «The Coroner and the Medical Examiner», *Bulletin of the National Research Council*, июль 1928 года.

¹⁴⁵ *Washington Post*, 17 ноября 1935 года.

¹⁴⁶ *Washington Post*, 6 сентября 1922 года.

Новость быстро долетела до Молли и ее семьи. Убийство, названное газетой «Вашингтон пост» «жесточайшим в криминальных анналах округа Колумбия»¹⁴⁷, казалось, было больше чем просто убийством. В нем чувствовалось предупреждение, угроза. Заголовок более поздней статьи в «Вашингтон пост» указывал на становившееся все более и более ясным: «ЗАГОВОР С ЦЕЛЮ УБИЙСТВА БОГАТЫХ ИНДЕЙЦЕВ»¹⁴⁸.

Глава 6 Вяз миллионеров

Однако даже убийства не могли остановить нефтяных баронов. Каждые четыре месяца, в десять утра, крупнейшие нефтепромышленники мира – в том числе Э. У. Марлэнд, Билл Скелли, Гарри Синклер и Фрэнк Филлипс с братьями – прибывали на вокзал Похаски в собственных роскошных вагонах. Об их приезде газеты возвещали статьями под заголовками: «ПРИБЫВАЕТ ЭКСПРЕСС МИЛЛИОНЕРОВ»¹⁴⁹, «СЕГОДНЯ ПОХАСКА – ГОРОД МИЛЛИОНЕРОВ»¹⁵⁰, «МИЛЛИОНЕРЫ ЛОВЯТ ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ»¹⁵¹.

Бароны приезжали на аукцион аренды осейджских нефтяных участков – мероприятие, проводимое примерно трижды в год под патронатом министерства внутренних дел. Один историк окрестил их «осейджским Монте-Карло»¹⁵². К началу аукционов в 1912 году лишь часть обширной подземной резервации округа Осейдж была открыта для бурения, и предложения цены за один арендный участок площадью обычно в 160 акров доходили до заоблачных высот. В 1923 году газета «Дейли Оклахомэн» писала: «Герой романа «Миллионы Брюстера»¹⁵³ едва не заработал нервный срыв, пытаясь потратить 1 000 000 долларов за год. Окажись он в Оклахоме... он мог бы сделать это одним легким кивком головы».

В хорошую погоду аукционы проводились под открытым небом на вершине холма в Похаске, в тени огромного дерева, прозванного Вязом Миллионеров. Зрители съезжались за много миль. Иногда мероприятие посещали и Эрнест с Молли, как и другие ее соплеменники. «Среди публики присутствует и толика цветных, поскольку осейджи... нередко также являются сюда невозмутимыми, но заинтересованными зрителями»¹⁵⁴, – сообщало, не отходя от общепринятых стереотипов, информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс». Большой интерес к аукционам проявляли и другие местные жители, в том числе такие видные поселенцы, как Хэйл и Мэтис. Деньги от нефтяного бума, рекой текущие в общину, помогали выстраивать бизнес и реализовывать некогда фантастические мечты о превращении дикой прерии в маяк торговли.

Аукционист – высокий белый мужчина с редяющими волосами и раскатистым голосом

¹⁴⁷ *Washington Post*, 14 июля 1923 года.

¹⁴⁸ *Washington Post*, 12 марта 1925 года.

¹⁴⁹ *Pawhuska Daily Journal*, 18 марта 1925 года.

¹⁵⁰ *Pawhuska Daily Capital*, 14 июня 1921 года.

¹⁵¹ *Pawhuska Daily Capital*, 5 апреля 1923 года.

¹⁵² Rister, *Oil!*, 190.

¹⁵³ *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.

¹⁵⁴ *Ada Evening News*, 24 декабря 1924 года.

– вставал под деревом. Обычно на нем была рубашка в яркую полоску, целлулоидный воротничок и длинный галстук, а из кармана свисала металлическая цепочка карманных часов. Кёнэл Элсуорт Уолтерс вел все осейджские аукционы. Умелый шоумен, он подбадривал участников торгов шутками и прибаутками вроде: «Ну же, смелее, парни, эта «темная лошадка» может принести много жеребят!»¹⁵⁵

Поскольку первыми на торги выставлялись наименее ценные участки, обычно нефтяные бароны являлись не сразу, предоставляя делать начальные ставки новичкам. Присутствовавший на ряде осейджских аукционов Жан Пол Гетти вспоминал, как покупка могла полностью изменить судьбу предпринимателя: «Нередко нищий «дикий» нефтеразведчик на последние деньги арендовал один участок и, не располагая ни наличными, ни кредитом для покупки большего... попадал на месторождение и становился богачом»¹⁵⁶. В то же время неудачный выбор мог привести к банкротству: «Состояния составлялись и терялись каждый день».

Нефтепромышленники внимательно изучали геологические карты и пытались добыть секретные сведения о выставляемых на торги участках через специально нанятых геологоразведчиков и шпионов. После перерыва на ланч аукцион продолжался более ценными лотами, и взгляды толпы неизбежно обращались к нефтяным магнатам, чье могущество соперничало с влиятельностью железнодорожных и стальных баронов XIX века, если не превосходило ее. Некоторые из них уже начинали своей властью менять ход истории. В 1920 году Синклер, Марлэнд и другие помогли финансировать успешную президентскую кампанию Уоррена Гардинга. Один нефтепромышленник из Оклахомы признался другу, что это обошлось им в миллион долларов. Однако оно того стоило – по замечанию историка, от предвкушения будущих выгод «у нефтепромышленников слюнки текли»¹⁵⁷.

Под прикрытием подставной компании Синклер перевел новому министру внутренних дел, Элберту Б. Фоллу, 200 000 долларов, а другой нефтепромышленник передал ему через сына еще 100 000 в черном чемодане. Взамен министр разрешил баронам разрабатывать бесценные стратегические нефтяные запасы ВМФ. Синклер получил эксклюзивное право аренды месторождения «Типот-доум» в Вайоминге. Глава «Стандарт Ойл» предупреждал бывшего советника Гардинга: «Вижу, министерство внутренних дел готово заключить договор на аренду «Типот-доум», хотя эта сделка дурно пахнет. ... Я положительно считаю, что вам следует доложить обо всем президенту»¹⁵⁸.

Публика еще не ведала о взятках и почтительно расступалась, когда капиталистические короли шли к Вязу Миллионеров. В ходе торгов напряжение порой достигало точки кипения. Однажды Фрэнк Филлипс и Билл Скелли кинулись в драку и покатались по земле как бешеные еноты, а Синклер тем временем кивнул аукционисту и остался триумфатором. Репортер писал: «Ветераны Нью-Йоркской фондовой биржи не видели более захватывающей борьбы за место под солнцем, чем известные на весь штат и всю страну владельцы нефтяных компаний, дерущиеся за участки»¹⁵⁹.

18 января 1923 года, пять месяцев спустя после убийства Макбрайда, многие крупные

¹⁵⁵ *Daily Journal-Capital*, 29 марта 1928 года.

¹⁵⁶ Gunther, *The Very, Very Rich and How They Got That Way*, 124.

¹⁵⁷ Цитируется в Allen, *Only Yesterday*, 129.

¹⁵⁸ Цитируется в McCartney, *The Teapot Dome Scandal*, 113.

¹⁵⁹ *Pawhuska Daily Capital*, 6 апреля 1923 года.

нефтепромышленники собрались на очередной аукцион. В зимнее время он проходил в театре «Константин», в Похаске¹⁶⁰. Театр с греческими колоннами, фресками и ожерельем огней рампы считался «прекраснейшим общественным зданием в Оклахоме»¹⁶¹. Аукционист по традиции начал с менее ценных аренд.

– Сколько даете? ¹⁶² – выкрикнул он. – Помните, ни один участок не продается дешевле пятисот долларов.

Голос из толпы:

– Пятьсот.

– Пять сотен есть, – гремел аукционист. – Кто даст шесть? После пяти идет шесть. Пять сотен, шесть сотен, пять сотен, шесть сотен – спасибо – шесть сотен, теперь нужно семь сотен, шесть сотен, семь сотен... – Он сделал паузу и выкрикнул: – Продано тому джентльмену за шестьсот долларов.

В течение дня выставяемые в аренду участки постоянно росли в цене: десять тысяч... пятьдесят... сто...

– Уолл-стрит просыпается, – съязвил аукционист.

Участок № 13 ушел Синклеру более чем за 600 000 долларов.

Аукционист сделал глубокий вдох.

– Номер четырнадцать, – проговорил он. Этот участок располагался посреди богатого месторождения Бербанк.

Толпа притихла. Затем бесцветный голос из середины зала произнес:

– Полмиллиона.

Это был представитель «Джипси Ойл Компани», дочки «Галф Ойл», сидевший с картой на коленях и не поднимавший от нее глаз.

– Кто даст шестьсот тысяч?

Аукционист славился умением разглядеть малейший кивок или жест участника торгов. Фрэнк Филлипс и один из его братьев пользовались едва заметными сигналами – поднятием бровей или вспышкой огонька сигары. Фрэнк шутил, что однажды брат обошелся им в лишние сто тысяч, прибавив муху.

Зная свою аудиторию, аукционист указал на седовласого мужчину, сжимавшего в зубах незажженную сигару. Тот представлял консорциум, включавший Фрэнка Филлипса и Скелли – давних соперников, а ныне объединивших усилия союзников. Седовласый едва заметно кивнул.

– Семьсот тысяч, – выкрикнул аукционист, тут же указав на первого предложившего. Еще один кивок.

– Восемьсот тысяч.

Вновь поворот к первому участнику торгов, мужчине с картой.

– Девятьсот тысяч, – произнес тот.

Снова кивок седовласого мужчины с незажженной сигарой.

– Один миллион долларов, – проревел аукционист.

Однако ставки продолжали расти.

– Миллион сто тысяч, кто даст миллион двести?

На сей раз в зале наконец повисло молчание. Аукционист уставился на седовласого, продолжавшего жевать незажженную сигару. Журналист в зале заметил:

– Кому-то хочется на свежий воздух.

¹⁶⁰ Мое описание аукциона основано на материале статей из местных газет, в особенности подробной статьи в *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.

¹⁶¹ Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 1989.

¹⁶² *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.

Аукционист проговорил:

– Это Бербанк, ребята. Не смотрите в пол.

Никто не проронил ни слова.

– Продано! – прокричал аукционист. – За один миллион сто тысяч долларов.

Каждый следующий аукцион, казалось, превосходил предыдущий как величиной отдельного предложения, так и общей вырученной суммой. Аренда одного участка ушла почти за два миллиона, а максимальный сбор достиг без малого 14 миллионов долларов. Журналист ежемесячника «Харперс мансли мэгэзин» писал: «Когда это закончится? С каждой новой пробуренной скважиной индейцы богатеют все больше и больше»¹⁶³. И добавлял: «Осейджи становятся настолько богатыми, что с этим нужно что-то делать»¹⁶⁴.

Всевозрастающее число белых американцев тревожило богатство осейджей – возмущение умело подогревала пресса. Журналисты рассказывали часто приукрашенные дикими подробностями истории про осейджей, выбрасывавших рояли на лужайки у дома или покупавших новый автомобиль, когда у старого прокалывалась шина. Журнал «Трэвел» писал: «Сегодня индеец-осейдж – король расточительности. По сравнению с ним мотовство блудного сына с его любовью к внешней мишуре – просто образец бережливости». В том же духе было выдержано и письмо в редакцию еженедельника «Индепендент», где осейджи приводились как пример никчемных людей, разбогатевших «просто потому, что правительство, к несчастью, поселило их на земле, богатой нефтью, которую мы, белые, для них добыли»¹⁶⁵. Джон Джозеф Мэтьюз с горечью вспоминал журналистскую братию, «потешавшуюся с обычным самодовольным благоразумием стороннего наблюдателя над причудливым влиянием внезапного богатства на людей неолита»¹⁶⁶.

При этом в статьях почти или совсем не упоминалось о множестве осейджей, разумно вложивших свои деньги, или традициях предков, считавших проявление щедрости престижным для всего племени¹⁶⁷. К тому же в «ревушие двадцатые», время, названное Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом «величайшим и самым веселым кутежом в истории»¹⁶⁸, осейджи были отнюдь не одиноки в своей расточительности. Нефтяной магнат Марлэнд, открывший месторождение Бербанк, возвел в Понка-Сити 22-комнатный особняк, который потом забросил ради еще большего дворца. Интерьеры последнего повторяли убранство флорентийского палаццо Даванцати XIV века, здесь было 55 комнат (в том числе бальный зал с покрытым сусальным золотом потолком и люстрами уотерфордского хрусталя), 12 ванных комнат, 7 каминов, 3 кухни и лифт, отделанный бизоньими шкурами. В угодах располагался плавательный бассейн, поля для игры в поло и гольф и пять озер с островами. На вопрос об излишествах Марлэнд даже не думал оправдываться: «Для меня предназначение денег состоит в том, чтобы покупать и строить. Что я и сделал. Если вы это имеете в виду, тогда я виновен»¹⁶⁹. Однако всего через несколько лет он был настолько

¹⁶³ Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»

¹⁶⁴ Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

¹⁶⁵ Цитируется в Harmon, *Rich Indians*, 181.

¹⁶⁶ Там же, 185.

¹⁶⁷ Подробнее об этом см. там же.

¹⁶⁸ F. Scott Fitzgerald, *The Crack-Up* (1945; repr., New York: New Directions, 2009), 87.

¹⁶⁹ Gregory, *Oil in Oklahoma*, 40.

разорен, что не мог оплатить счета за электричество, и вынужденно съехал из особняка. После пробы сил в политике он попытался открыть еще один нефтяной фонтан, но потерпел неудачу. Его архитектор вспоминал: «В последний раз я видел его где-то на северо-востоке от города, сидящим на какой-то бочке. Шел дождь, он был в плаще и зюйдвестке и просто сидел не двигаясь, совершенно подавленный. Два или три человека работали на переносной буровой установке в надежде найти нефть. Я ушел буквально с комом в горле и слезами на глазах»¹⁷⁰. Еще один известный нефтепромышленник в Оклахоме так же быстро промотал 50 миллионов долларов и остался на бобах.

Многие осейджи, в отличие от прочих богатых американцев, не могли тратить свои деньги как им заблагорассудится, потому что федеральное правительство учредило систему финансовых опекунов (один из них утверждал, что взрослый осейдж «как шестилетний или восьмилетний ребенок – едва видит новую игрушку, как тут же хочет ее купить»¹⁷¹). Закон устанавливал, что опекуны назначались всякому индейцу, которого министерство внутренних дел сочтет «недееспособным». На практике решение, фактически поражавшее в гражданских правах, почти всегда основывалось на доле индейской крови владельца собственности или том, что Верховный суд штата определял как «расовую слабость»¹⁷². Опекун неизменно назначался чистокровному индейцу и редко – человеку смешанного происхождения. Сирота и наполовину сиу Джон Палмер, усыновленный осейджской семьей и сыгравший столь важную роль в отстаивании прав племени на полезные ископаемые, призывал конгрессменов: «Пусть не доля белой или индейской крови определяет, что забрать и что оставить членам племени. Дело не в ней. Вы, господа, не должны этим заниматься»¹⁷³.

Подобные призывы, разумеется, игнорировались, и конгрессмены собирались в обшитых деревянными панелями залах заседаний комитетов и часами в мельчайших подробностях изучали траты осейджей, словно на карту была поставлена государственная безопасность. На слушаниях подкомитета Палаты представителей 1920 года законодатели произвели тщательный анализ отчета государственного ревизора, направленного изучить характер текущих расходов племени, в том числе и семьи Молли. Тот, в частности, с порицанием представил одно из приложений: счет в мясной лавке на 319 долларов и 5 центов, накопившийся перед смертью у матери Молли Лиззи.

Ревизор настаивал на том, что соглашение о правах племени на нефть было заключено правительством не иначе как под властью дьявольского наваждения. Исполненный мрачного негодования, он возгласил: «Я побывал и работал в большинстве городов нашей страны и более или менее знаком с их отвратительными язвами и ужасающими клоаками. Но пока не приехал к этим индейцам, никогда до конца не понимал истории Содома и Гоморры, уничтожение и гибель которых были карой за их грехи и пороки»¹⁷⁴.

Он умолял Конгресс принять более активные меры. «Любой белый в округе Осейдж скажет вам, что индейцы буквально сорвались с цепи»¹⁷⁵, – заявил он и добавил: – Пришел день, когда мы должны ограничить их траты или изгнать из наших сердец и совести всякую надежду сделать из осейджа настоящего гражданина».

¹⁷⁰ Там же, 43.

¹⁷¹ *Modifying Osage Fund Restrictions*, 73.

¹⁷² Из решения по делу *Barnett v. Barnett*, Supreme Court of Oklahoma, 13 июля 1926 года.

¹⁷³ *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 399.

¹⁷⁴ Х. С. Трэйлор Като Селлс, в *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 201.

¹⁷⁵ Там же, 204.

Отдельные конгрессмены и свидетели попытались смягчить кампанию по превращению осейджей в козлов отпущения. На следующих слушаниях даже сам бывший опекуном судья признал, что богатые индейцы тратят деньги точно так же, как и белые. «В этих осейджах немало человеческого»¹⁷⁶, – сказал он. Хэйл также утверждал, что правительство не вправе диктовать членам племени финансовые решения.

Однако в 1921 году, так же, как когда-то в качестве оплаты за захваченные у осейджей земли ввели систему пайков – и, как всегда, превращая проповедь просвещения в молот принуждения, – Конгресс принял еще более драконовский закон, регулирующий, как индейцам распоряжаться своими деньгами. Опекуны не только продолжили контролировать финансы подопечных – по новому закону «ограничивались» даже осейджи с опекунами. Теперь каждый из них ежегодно мог потратить из своей доли фонда нефтяных доходов не более нескольких тысяч долларов. При этом не принималось во внимание, что деньги могли потребоваться на оплату образования или лечения заболевшего ребенка. «У нас много маленьких детей»¹⁷⁷, – выступил в прессе последний потомственный вождь племени, которому было уже за восемьдесят. – Мы хотим их растить и учить. Мы хотим, чтобы они жили в комфорте, и не хотим, чтобы кто-то, кому нет дела до нас, придерживал наши деньги. Они нужны нам сейчас. Они у нас есть. Они наши, и мы не желаем, чтобы какой-то самодур не позволял нам ими пользоваться... Это несправедливо. Мы не желаем, чтобы с нами обращались как с малыми детьми. Мы взрослые люди и способны сами о себе позаботиться». Молли, как чистокровная осейджка, также оказалась в числе тех, на чьи деньги налагались ограничения. По крайней мере, ее опекуном был муж, Эрнест.

В финансовые дела племени вмешивалось не только федеральное правительство. Вокруг денег осейджей так и кружили хищники – «стая стервятников»¹⁷⁸, как посетовал один индеец на заседании совета. За их счет всячески стремились поживиться продажные местные чиновники. На деньги в банках нацеливались грабители. Торговцы заламывали «особые» – то есть вздутые до небес – цены. Поражением чистокровных осейджей в правах пользовались нечистые на руку бухгалтеры и юристы. В Орегоне нашлась даже тридцатилетняя белая женщина, в поисках состоятельного мужа прямо писавшая в совет племени: «Пожалуйста, скажите самому богатому индейцу, которого знаете, что я добродетельна и честна настолько, насколько возможно»¹⁷⁹.

На одном из слушаний в Конгрессе другой вождь осейджей по имени Бэкон Ринд заявил, что белые «загнали нас сюда, в глушь, в самые дикие земли Соединенных Штатов, думая: «Отправим этих индейцев туда, где нет ничего, кроме большой кучи камней – пусть живут там»¹⁸⁰. А сейчас, когда оказалось, что куча камней стоит миллионы долларов, все хотят сюда попасть и получить часть этих денег».

Глава 7 Темное дело

¹⁷⁶ *Modifying Osage Fund Restrictions*, 60.

¹⁷⁷ *Pawhuska Daily Capital*, 19 ноября 1921 года.

¹⁷⁸ Стенограмма заседания племенного совета осейджей, 1 ноября 1926 года, ONM.

¹⁷⁹ *Pawhuska Daily Capital*, 22 декабря 1921 года.

¹⁸⁰ *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 281.

В первые дни февраля 1923 года резко похолодало. Ледяные ветры проносились над равниной, завывая в оврагах и ломая ветви деревьев. Прерия стала тверда как камень, с неба пропали птицы, а Солнце-Отец казалось бледным и далеким.

Двое мужчин в это время охотились в четырех милях к северо-западу от Фэрфакса, когда заметили на дне скалистой котловины машину^[181]. Не решившись подойти самим, охотники вернулись в город и сообщили властям. Для расследования прибыли помощник шерифа и городской маршал. В закатном свете они спустились по крутому склону к машине. Окна, как часто в автомобилях той эпохи, были закрыты шторками, и «Бьюик» напоминал черный гроб. С водительской стороны, однако, кое-что просматривалось, и помощник шерифа заглянул внутрь. За рулем угадывалась сгорбленная фигура мужчины.

– Пьяный, наверное, – сказал помощник шерифа^[182].

Однако когда он открыл дверцу, то увидел кровь на сиденье и на полу. Мужчину застрелили в затылок. Угол входа пули и отсутствие оружия исключали суицид. «Я сразу понял, что это убийство», – вспоминал впоследствии помощник шерифа^[183].

После жестокой расправы над нефтепромышленником Макбрайдом прошло почти полгода без подозрительных смертей. Однако при виде человека в машине оба правоохранителя поняли, что убийства не прекратились. Холод сохранил тело, и проблем с идентификацией жертвы не было: Генри Роан, сорокалетний осейдж, женат, отец двоих детей. Волосы он когда-то заплетал в две длинные косы, которые в школе-интернате заставили состричь, как и изменить прежнее имя Роан Хорс (Roan Horse – Чалый Конь. – *Прим. перев.*). Высокая стройная фигура и удлиненное, красивое лицо – даже без кос, погребенный в автомобиле, он по-прежнему выглядел воином-осейджем.

Стражи порядка вернулись в город, где доложили обо всем мировому судье. Они позаботились также известить Хэйла, поскольку, как вспоминал мэр Фэрфакса: «Роан считал У. К. Хэйла своим лучшим другом»^[184]. Один из чистокровных индейцев, чей доступ к собственным средствам официально ограничили, Роан часто просил у фермера в долг. «Мы были хорошими друзьями, и он искал у меня поддержки в трудный момент»^[185], – вспоминал впоследствии Хэйл. Он выдал Роану столько кредитов, что тот вписал его получателем выплат по своему полису страхования жизни размером в 25 000 долларов.

За пару недель до смерти Роан позвонил Хэйлу, убитый горем – он узнал, что его жена спуталась с неким Роем Банчем. Хэйл зашел к другу и попытался его утешить.

Несколько дней спустя он наткнулся на Роана в банке в центре Фэрфакса. Тот попросил одолжить ему несколько долларов; он все еще был мрачнее тучи и хотел залить горе вином. Хэйл пытался его отговорить: «Генри, лучше не надо»^[186]. Тебе это во вред». И предупредил, что его «могут поймать». «Я не собираюсь проносить спиртное в город, – сказал Роан. – Я осторожно».

И исчез, пока не обнаружили его тело.

Снова начались неизбежные макабрические ритуалы. Помощник шерифа и маршал вместе с Хэйлом вернулись в лощину. К тому времени место преступления окутала тьма, и мужчины выстроили машины на холме, чтобы фары освещали то, что один из стражей порядка назвал «настоящей долиной смерти»^[187].

Хэйл остался стоять на вершине и наблюдал за началом коронерского расследования, участники которого суетились вокруг силуэта «Бьюика». Один из братьев Шоун заключил, что смерть наступила примерно десять дней назад. Правоохранители запротоколировали положение тела Роана – «руки сложены на груди, голова лежит на сиденье»^[188] – и то, как пуля вышла через правый глаз и затем разбила ветровое стекло. Отметили осколки, разбросанные на капоте и на земле вокруг. Описали найденное при убитом: «20 долларов банкнотами, два серебряных доллара и ... золотые часы»^[189]. Также обнаружили поблизости в замерзшей грязи следы шин другого, предположительно принадлежавшего убийце, автомобиля.

Весть о новом убийстве вновь воскресила чувство зябкого страха. На первой полосе газеты «Осейдж чиф» – в том же номере, где воздавалась дань уважения Аврааму Линкольну

как источнику вдохновения для американцев, – был помещен заголовок: «ГЕНРИ РОАН ЗАСТРЕЛЕН НЕИЗВЕСТНЫМ»^[190].

Молли новость потрясла. В 1902 году, больше чем за десять лет до встречи с Эрнестом, она была замужем за Роаном, хоть и совсем недолго. До нас не дошло подробных сведений об их отношениях, однако, скорее всего, это произошло по сговору родителей жениха и невесты ради сохранения исчезающих традиций. Молли на тот момент едва исполнилось пятнадцать. Поскольку брак был заключен по обычаю осейджей, в юридическом разводе необходимости не возникло, и через некоторое время они просто разошлись. Тем не менее у обоих сохранились воспоминания о мимолетной близости, закончившейся без горечи, а, возможно, даже с некоторой потаенной теплотой.

На похороны Роана пришло множество жителей округа. Старейшины опять пели традиционные песни, только теперь они, казалось, адресовались живым, тем, кому приходилось претерпевать существование в этом жестоком мире. Хэйл вновь нес гроб близкого друга. Одно из любимых стихотворений фермера эхом вторило Нагорной проповеди Христа:

Слаб разумением человек, но все ж есть Тот,
кто «праведен вовек».
И потому на жизненном пути храни всегда завет:
«С другими поступай, как хочешь, чтобы с тобой
поступили в ответ»^[191].

Молли неизменно помогала властям, однако когда те приступили к расследованию смерти Роана, ей сделалось тревожно. На свой лад она, в соответствии с американским духом, «сделала себя сама». Подробности своего прошлого она, словно убираясь в доме, замела под ковер и никогда не рассказывала второму мужу, инстинктивно ревнивому, о первом, осейджском браке. Эрнест очень поддерживал ее в эти ужасные времена, и недавно у них родился третий ребенок, девочка, которую они называли Анной. Сообщив Молли властям о былой связи с Роаном, ей пришлось бы признаться Эрнесту, что все эти годы она его обманывала. Поэтому она решила не говорить ни слова ни мужу, ни властям^[192]. У всех есть свои тайны.

После смерти Роана на осейджских домах начали появляться электрические лампочки, свисающие с крыши и карнизов и над черными ходами. Их общий свет разрывал темноту. Оклахомский журналист писал: «Ночью в Похаске, куда бы вы ни поехали, вы заметите на смутно вырисовывающихся в темноте домах индейцев электрическое освещение, которое чужак в этих местах мог бы принять за нарочитую демонстрацию нефтяного богатства. Однако на самом деле осейджи зажигают огни ради защиты от тайного приближения мрачного призрака, невидимой угрозы, нависшей над их землями и превратившей обширные акры, которые другие племена с завистью считают едва ли не раем на земле, в Голгофу и кладбище мертвых костей... «Кто станет следующим?» – вот страшный вопрос, кажется, навсегда застывший в воздухе округа»^[193].

Убийства создали атмосферу страха, разъедавшую общину. Люди подозревали соседей, подозревали друзей. Вдова Чарльза Уайтхорна говорила, что уверена – убийцы ее мужа скоро «покончат и с ней»^[194]. Приехавший в Фэрфакс впоследствии вспоминал, что люди были охвачены «парализующим страхом»^[195], а журналист писал: «Темный плащ тайных преступлений и страха ... опустился на окропленные нефтью холмы и долины округа Осейдж»^[196].

Несмотря на растущую опасность, Молли и ее семья продолжали искать убийц. Билл Смит признался паре человек, что его расследование «на верном пути»^[197]. Однажды ночью они с Ритой были у себя дома, на некотором отдалении от Фэрфакса, когда им послышалось какое-то движение снаружи. Затем все прекратилось. Несколько ночей спустя они вновь

услышали шум. Злоумышленники – кто же еще? – крутились возле дома, чем-то громыхали, что-то искали, а потом пропали вновь. Билл сказал другу: «Рита напугана»^[198], хотя и сам, похоже, утратил бесшабашную самоуверенность.

Не прошло и месяца после смерти Роана, как Билл и Рита сбежали оттуда, бросив большую часть имущества. Они переехали в элегантный двухэтажный особняк с верандой и гаражом почти в центре Фэрфакса, купленный у доктора Джеймса Шоуна, близкого друга Билла. У соседей были сторожевые псы, которые лаяли при малейшем шорохе и наверняка дали бы знать, если злодеи вернутся. «Может быть, теперь, когда мы переехали, – сказал другу Билл, – они оставят нас в покое»^[199].

Вскоре после этого на пороге Смитов появился мужчина. Он сказал, что слышал, будто Билл продает свою землю. Билл ответил, что он ошибся. Вид у мужчины был как у закоренелого преступника, и он все время зыркал по сторонам, будто присматриваясь, как половчее забраться в дом.

В начале марта у соседей начали одна за другой околевать собаки. Трупы находили валяющимися на крыльце и на улицах. Билл не сомневался, что их отравили. Вокруг сгущалась напряженная тишина. Билл признавался другу, что уверен – «жить ему осталось недолго»^[200].

Девятого марта, когда по прерии гулял ветер, они вдвоем поехали на ранчо бутлегера Генри Грэммера, находившееся у западной границы резервации. Билл сказал другу, что ему нужно выпить. Однако все было не так просто – Грэммер, которого «Осейдж чиф» называл «самой зловещей фигурой округа»^[201], ведал все тайны и управлял целым невидимым миром, о чем Билл хорошо знал. В ходе расследования убийства Роана выяснилось: перед исчезновением тот сказал, что собирается за выпивкой на ранчо Грэммера – и там же, по странному совпадению, часто находила виски сестра Молли Анна.

Нынешний бутлегер был некогда звездой родео, выступал в Мэдисон-сквер-гарден и стал даже чемпионом мира в связывании бычков. Утверждали, что он также грабил поезда, занимал центральное место в мире контрабанды, имел связи с мафией Канзас-Сити и чуть что хватался за оружие. Рыхлая правовая система, казалось, неспособна его сдержать. В 1904 году в Монтане он застрелил стригальщика, но получил всего трехлетний срок. Позднее, уже в округе Осейдж, в больницу, истекая кровью, вошел человек и простонал: «Я умираю, я умираю»^[202]. Он сказал, что в него стрелял Грэммер, и потерял сознание. Однако очнувшись на следующий день и поняв, что не отправится к небесному Отцу – по крайней мере, не сейчас, – принялся утверждать, что понятия не имеет, кто нажал на курок. С ростом своей бутлегерской империи Грэммер постепенно собрал целую армию бандитов. Среди них были грабитель Аса Кирби, сверкавший золотыми передними зубами, и угонщик скота Джон Рэмси, казавшийся самым безобидным среди прочих.

Билл с другом прибыли на ранчо в сгущающейся темноте. Перед ними черными тенями замаячили большой деревянный дом и амбар. В лесу по соседству были спрятаны медные самогонные аппараты объемом в пятьсот галлонов. Грэммер построил собственную частную электростанцию, чтобы его банда могла работать день и ночь – свет луны для тайного самогонования больше не требовался.

Узнав, что хозяин уехал, Билл попросил одного из рабочих налить несколько фляг виски и отхлебнул глоток. На соседнем пастбище обычно паслись призовые жеребцы Грэммера. Бывшему конокраду было легче легкого вскочить на одного из них и исчезнуть. Билл выпил еще немного. Затем они с другом вернулись в Фэрфакс, проехав мимо гирлянд лампочек – «тревожных огней», как их прозвали, – дрожащих на ветру.

Билл подвез друга и, вернувшись домой, загнал свой «Студебекер» в гараж. Рита была дома с Нэтти Брукшир, 19-летней белой служанкой, которая часто оставалась на ночь. Скоро супруги легли спать. Незадолго до трех часов ночи сосед услышал оглушительный взрыв. Ударной волной сломало деревья и столбы и выбило стекла в окрестных домах. Сидевшего у окна городской гостиницы ночного портье осыпало осколками и бросило на пол. Одного из постояльцев отшвырнуло к стене. Ближе к эпицентру взрыва в щепки разбило двери,

деревянные балки треснули, как кости. Свидетель, бывший в то время мальчишкой, писал: «Казалось, тряска в ту ночь не прекратится никогда»^[203].

Молли с мужем тоже ощутили взрыв. «Все содрогнулось, – вспоминал Эрнест^[204]. – Сначала я решил, что это гром». Испуганная Молли вскочила, подбежала к окну и увидела далеко в небе отблески пожара, словно ночью вспыхнуло солнце. Эрнест, оказавшись рядом с ней, тоже взглянул на жуткое зарево, потом натянул штаны и выскочил наружу. Спотыкаясь спросонья, горожане в ужасе высыпали из домов. Толпа, пешком и на машинах, двинулась к месту взрыва. Люди несли фонари и стреляли в воздух, предупреждая и призывая других присоединиться к увеличивающемуся потоку. Подошедшие ближе кричали:

– Это у Билла Смита! Это дом Билла Смита!^[205]

Только дома больше не было. Осталась только груда обугленных досок, покореженного металла и обломков мебели, которую Билл и Рита всего за несколько дней до того купили в «Биг Хилл Трейдинг Компани», обрывки постельного белья, свисающие с телефонных проводов, и частицы пыли, поднятой в черный, отравленный воздух. Разнесло даже «Студебекер». Свидетель позднее не мог даже подобрать слов: «Это было ни на что не похоже»^[206]. Очевидно, под дом заложили и взорвали бомбу.

Бушевавшее среди обломков пламя пожирало оставшиеся фрагменты дома, жаркие языки вырывались в небо. Добровольные пожарные носили из колодцев воду и пытались погасить огонь. Все искали Билла, Риту и Нэтти.

– Сюда, ребята, здесь женщина, – закричал один из спасателей^[207].

К поискам подключился мировой судья, а также Мэтис и братья Шоун. Еще до того, как нашли останки, со своим катафалком прибыл гробовщик «Биг Хилл Трейдинг Компани», а также его конкурент, и оба кружили у места, как грифы.

Когда разбирали завалы, Джеймс Шоун, бывший хозяин дома, зная, где расположена главная спальня, копался поблизости и услышал призывы о помощи. Другие тоже различили слабый, но отчетливый голос: «Помогите!.. помогите!..» Кто-то указал на тлеющий холм, из-под которого тот доносился. Пожарные облили кучу водой, и в повалившем влажном дыму все принялись разгребать обломки. По мере продвижения работ голос становился все громче, перекрывая другие звуки. Наконец показалось лицо, почерневшее и искаженное мукой. Это был Билл Смит. Он корчился рядом с постелью, его ноги ужасно обгорели, так же как спина и руки. Впоследствии Дэвид Шоун вспоминал, что за все годы работы врачом никогда не видел человека в таком жутком состоянии: «Он скулил и страшно страдал»^[208]. Джеймс Шоун попытался успокоить Билла, сказав ему: «Я избавлю тебя от страданий».

Продолжая разбирать завалы, группа мужчин увидела лежащую рядом в ночной сорочке Риту. На ее лице не было ни царапины, и она, казалось, продолжала мирно спать. Однако, подняв ее, они увидели, что у нее разбит затылок. Женщина была мертва. Когда Билл осознал это, он издал пронзительный крик.

– Рита умерла, – повторял он^[209]. И сказал стоявшему рядом другу: – Был бы у тебя пистолет...

Эрнест, накинувший от холода данный кем-то банный халат, не мог оторвать взгляда от ужасного зрелища и только бормотал: «Огонь, огонь»^[210]. Гробовщик «Биг Хилл» попросил у него разрешения забрать останки Риты, и Эрнест кивнул. Ее следовало набальзамировать, прежде чем увидит Молли. Что она скажет, узнав, что убита еще одна ее сестра? Все считали, что из-за диабета Молли умрет первой, а теперь она одна осталась в живых.

Нэтти найти так не смогли. Мировой судья решил, что молодую женщину, замужнюю и с ребенком, «разорвало на части»^[211]. Останков не хватило даже для опознания, хотя конкурирующий гробовщик счел этого достаточным, чтобы потребовать плату за похороны.

– Я решил вернуться с катафалком и забрать служанку, но он меня опередил, – сказал позже его коллега из «Биг Хилл»^[212].

Доктора и еще несколько человек подняли едва дышавшего Билла Смита, отнесли к машине «Скорой помощи» и доставили в больницу Фэрфакса, где Дэвид Шоун сделал ему

несколько инъекций морфия. Единственный выживший, Билл, потерял сознание, прежде чем его удалось опросить.

Местным стражам порядка потребовалось время, чтобы добраться до больницы. Городской маршал и другие официальные лица были в Оклахома-Сити, на судебном процессе. «Время взрыва также выбрано неслучайно»^[213], – отметил позднее следователь. Все произошло в тот момент, когда никого из правоохранителей «не осталось в городе». Узнав новости и вернувшись в Фэрфакс, стражи порядка установили у главного и черного входа больницы прожекторы на случай, если убийцы решат добить Билла там. Поставили и вооруженную охрану.

В бреду, между жизнью и смертью, Билл время от времени бормотал:

– Они достали Риту, а теперь, видать, и меня^[214].

«Он говорил очень невнятно, – вспоминал навестивший его друг, ездивший с ним на ранчо Грэммера. – Я ничего не мог понять»^[215].

Почти два дня спустя Билл очнулся. Он спросил о Рите – хотел узнать, где ее похоронили. Дэвид Шоун надеялся, что Билл, чувствуя приближение смерти, расскажет о взрыве и убийцах. «Я пытался выудить это из него, – говорил впоследствии врач^[216]. – Я спрашивал: «Билл, ты знаешь, кто это сделал?» Я старался изо всех сил». Однако тот так и не сообщил ничего важного. 14 марта, через четыре дня после взрыва, Билл Смит скончался – еще одна жертва того, что уже стали называть «эпохой террора осейджей».

В передовице одной из газет Фэрфакса писали, что взрыв был за пределами добра и зла – «превосходящим нашу способность уразуметь, насколько низко могут пасть люди»^[217]. Газета потребовала, чтобы представители закона «предприняли все возможное для раскрытия преступления и привлечения виновных к ответственности». Пожарный на месте происшествия сказал Эрнесту, что сотворивших такое «надо самих бросить в огонь и сжечь заживо»^[218].

В апреле 1923 года губернатор Оклахомы Джек К. Уолтон направил в округ Осейдж своего главного следователя Германа Фокса Дэвиса. Адвокат и бывший частный детектив агентства Бёрнса, Дэвис был холемым франтом. Он попыхивал сигарой, неизменно глядя из-за завесы синего дыма. Один из стражей закона назвал его олицетворением «детектива из грошового романа».

Многие осейджи пришли к убеждению, что местные власти вступили в сговор с убийцами и только человек со стороны вроде Дэвиса сможет одолеть коррупцию и раскрыть растущий вал преступлений. Однако всего через несколько дней тот был замечен с Генри Грэммером и другими известными криминальными лидерами округа. Чуть позже другой следователь поймал Дэвиса на получении взятки от главы местного игорного синдиката в обмен на разрешение продолжать вести незаконный бизнес. Вскоре стало ясно, что специальный следователь штата, назначенный для раскрытия дел об убийстве осейджей, сам сильно нечист на руку.

В июне 1923 года Дэвис признал себя виновным в получении взятки и был осужден на два года, однако всего через несколько месяцев губернатор его помиловал. Затем Дэвис с сообщниками ограбил и убил видного адвоката и на сей раз получил пожизненное. В ноябре уже против самого губернатора Уолтона выдвинули обвинения и отстранили от должности, отчасти за злоупотребление правом помилования и условно-досрочного освобождения (и «натравливание на честных граждан штата орды убийц и преступников»^[219]), а отчасти за получение незаконных подношений от нефтепромышленника Э. У. Марлэнда, пошедших на строительство роскошного особняка.

Среди этой расцветшей пышным цветом коррупции появился порядочный человек – 55-летний адвокат из Похаски У. У. Воган^[220]. Бывший прокурор, обещавший ликвидировать разгул преступности, «паразитирующей на тех, кто зарабатывает на жизнь честным трудом»^[221], он тесно сотрудничал с частными детективами, пытавшимися раскрыть убийства осейджей. В один из дней июня 1923 года Вогану позвонили. Говорил друг

Джорджа Бигхарта, племянника легендарного вождя. Бигхарта, которому было 46 лет и который когда-то написал в школьном сочинении, что надеется «помочь нуждающимся, накормить голодных и одеть раздетых»^[222], с подозрением на отравление срочно доставили в больницу Оклахома-Сити. Друг сказал, что у Бигхарта есть информация об убийствах осейджей, но говорить он будет только с Воганом, которому доверяет. Когда тот спросил о состоянии потерпевшего, ему было сказано поспешить.

Перед отъездом Воган сообщил недавно родившей десятого ребенка жене о тайнике, где спрятал собранные им улики по делам об убийствах. Если что-нибудь случится, сказал адвокат, она должна немедленно передать их властям. Там же она найдет деньги для себя и детей.

Когда Воган прибыл в больницу, Бигхарт был еще в сознании. В палате находились посторонние, и он знаком попросил их выйти. Затем, очевидно, передал Вогану всю имевшуюся у него информацию, в том числе уличающие документы. Воган пробыл у постели Бигхарта несколько часов, до самой его смерти, после чего позвонил новому шерифу округа Осейдж и сказал, что располагает теперь всеми необходимыми доказательствами и первым же поездом выезжает домой. Шериф спросил, известен ли убийца Бигхарта. Воган ответил, что знает гораздо больше.

Повесив трубку, он отправился на вокзал, где его видели садящимся в ночной поезд. Однако когда на следующий день поезд прибыл, Вогана там не было. «Талса дейли уорлд» вышла с заголовком: «ПРОПАЛ, ОСТАВИВ ОДЕЖДУ В ПУЛЬМАНОВСКОМ ВАГОНЕ^[223]. ОКУТАННОЕ ПОКРОВОМ ТАЙНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ У.У. ВОГАНА, АДВОКАТА ИЗ ПОХАСКИ».

Для поисков собрали даже бойскаутов, чей первый в США отряд был организован в 1909 году в Похаске. По следу пустили ищеек. 36 часов спустя тело Вогана обнаружили лежащим со сломанной шеей у железнодорожных путей, в 30 милях севернее Оклахома-Сити. Его сбросили с поезда, раздев почти донага, как нефтепромышленника Макбрайда. Переданные Бигхартом документы украли, а когда вдова Вогана открыла тайник, тот оказался пуст.

Прокурор спросил мирового судью, считает ли он, что Воган слишком много знал. Судья ответил: «Да, сэр, и у него при себе были ценные документы»^[224].

Официальное число жертв «эпохи террора осейджей» увеличилось минимум до 24. Среди них оказались еще два человека, пытавшиеся помочь расследованию: один, известный в округе осейдж-скотовод, слетел, накачанный наркотиками, с лестницы, другого, направлявшегося сообщить властям некую информацию по делу, застрелили в Оклахома-Сити. Новости об убийствах начали распространяться. В статье «Страшное проклятие осейджей» общенациональный журнал «Литерари дайджест» писал, что индейцев «расстреливают на уединенных пастбищах, набивают свинцом в автомобилях, медленно убивают ядом и взрывают спящими в своих постелях»^[225]. Далее там же говорилось: «Проклятию не видно конца. Когда оно закончится, не ведает никто». Сообщество самых богатых в мире на душу населения людей стало самым истребляемым в мире. Газеты называли эти убийства «темными и отвратительными, как любая история убийств этого века»^[226] и «самой кровавой главой в американской криминальной истории»^[227].

Все попытки разгадать загадку потерпели провал. Из-за анонимных угроз мировой судья был вынужден прекратить расследование последних убийств. Он был настолько напуган, что даже просто для обсуждения дел уходил в заднюю комнату и запирает дверь. Новый шериф округа не пытался создать хотя бы видимость каких-то действий.

«Я не хотел впутываться, – признавался он позже, загадочно добавив: – Это как ключ в лошине. Сейчас он пересох, его нет, но под землей он бьет»^[228]. О расследовании он сказал: «Это крупные дела, и шерифу с несколькими помощниками их не раскрыть. Тут должно подключиться правительство».

В 1923 году, после взрыва дома Смита, племя осейджей стало требовать от федеральных властей прислать следователей, которые, в отличие от шерифа и Дэвиса, были бы не связаны

с чиновниками округа или штата. Совет племен принял официальную резолюцию, в которой говорилось:

«ПОСКОЛЬКУ ни по одному из дел преступники не пойманы и не привлечены к судебной ответственности, а также

ПОСКОЛЬКУ Совет племени осейджей считает необходимым сохранение жизней и собственности членов племени, должны быть предприняты срочные и энергичные меры по поимке и наказанию преступников ...

ДАЛЕЕ ПОСТАНОВЛЯЕТ просить distinguished министра внутренних дел добиться у министерства юстиции помощи в поимке и судебном преследовании убийц членов племени»^[229].

Позднее адвокат и наполовину сиу Джон Палмер направил письмо Чарльзу Кёртису, сенатору США от штата Канзас. Тот, наполовину кау, наполовину осейдж, в ту пору был самым высокопоставленным из когда-либо избранных государственных деятелей с признанной индийской родословной^[230]. Палмер написал, что ситуация ужаснее, чем можно себе представить, и если Кёртису и другим влиятельным лицам не удастся заставить министерство юстиции действовать, «исчадия ада», стоящие за «самой отвратительной серией преступлений, когда-либо совершенных в этой стране», ускользнут от правосудия»^[231].

Пока племя ожидало ответа от федерального правительства, Молли жила в страхе, зная, что может стать следующей мишенью очевидного заговора по истреблению ее семьи. Она не могла забыть ночь за несколько месяцев до взрыва, когда лежала в постели с Эрнестом и слышала возле дома шум. Кто-то влез в ее машину. Муж успокаивающе прошептал: «Лежи тихо»^[232], и преступник умчался в угнанном автомобиле.

Когда произошел взрыв, Хэйл был в Техасе и теперь, вернувшись, увидел обгорелые развалины дома, словно после военных действий – «ужасающий памятник»^[233], как назвал их один из следователей. Хэйл пообещал Молли, что отомстит за кровь ее семьи. Когда он узнал, что группа преступников, возможно, виновная в терроре против осейджей, запланировала ограбить ювелирную лавку и украсть бриллианты из сейфа, то сам взялся за дело. Хэйл предупредил хозяина, который устроил засаду. На его глазах взломщики и впрямь проникли в магазин, и он выпустил в одного из них заряд из одноствольного дробовика 12-го калибра. После того как другие преступники сбежали, мертвеца пришли осмотреть представители властей и увидели золотые передние зубы. Это был Аса Кирби, подручный Генри Грэммера.

Спустя время пастбища Хэйла подожгли. Огонь распространился на мили, земля почернела и была усеяна тушами скота. Даже король Осейдж-Хиллз оказался уязвимым. Молли, так долго искавшая правосудия, отступила и скрылась за закрытыми дверями и ставнями своего дома. Она перестала принимать гостей или ходить в церковь – казалось, убийства сокрушили даже ее веру в Бога. Жители округа шептались, что Молли заперлась ото всех, чтобы не сойти с ума, или что она уже повредила умом, не выдержав напряжения. Ее диабет также, казалось, ухудшался. В Управлении по делам индейцев получили записку от одного из ее знакомых, где было сказано, что «состояние ее здоровья ухудшилось, и ей осталось недолго»^[234]. Мучимая страхом и болезнью, Молли отдала своего третьего ребенка, Анну, на воспитание родственнице.

Время стирает все. Об этом этапе жизни Молли сохранилось мало свидетельств, по крайней мере, авторитетных. Никаких документов о состоянии ее здоровья в период, когда агенты Бюро расследований – малопонятного подразделения министерства юстиции, в 1935 году переименованного в Федеральное бюро расследований, – наконец прибыли в город. Никаких записей о том, что она думала о врачах, братьях Шоун, постоянно приходивших и уходивших и коловших ей «новый чудодейственный препарат» – инсулин. Казалось, сыграв свою трагическую роль, она просто сошла со сцены.

В конце 1925 года местный священник получил от Молли тайное послание. Ее жизнь, писала она, в опасности. Вскоре сотрудник Управления по делам индейцев получил еще одно сообщение: Молли умирает вовсе не от диабета, ее тоже травят ядом.

Хроника вторая Следователь

Заговор – это все, чем не является обычная жизнь.

Игра изнутри, холодная, уверенная, сосредоточенная, навеки закрытая от нас. Это мы – несовершенные, наивные, пытаемся извлечь приблизительный смысл из ежедневной толкотни. У заговорщиков – недостижимые для нас логика поведения и дерзость. Все заговоры – одна и та же напряженная история людей, обретающих связность в преступном деянии.

Дон Делилло, «Весы»

(Перевод Я. Токаревой, Ю. Смирновой)

Глава 8

Министерство легкого поведения

В один из летних дней 1925 года Том Уайт, ведущий специальный агент регионального управления Бюро расследований в Хьюстоне, получил срочный приказ из штаб-квартиры в Вашингтоне. Новый начальник, Джон Эдгар Гувер, вызывал его для беседы – личной. Уайт собрался мгновенно. Гувер требовал, чтобы его сотрудники носили темные костюмы, неяркие галстуки и черные, до блеска начищенные туфли. Агенты должны были также соответствовать определенному американскому типу: белые, юристы, профессионалы. Казалось, новое предписание – новый запрет – он издавал ежедневно, и Уайт с вызовом нахлобучил большую ковбойскую шляпу.

Он попрощался с женой и двумя сыновьями и сел в поезд, совсем как в пору службы железнодорожным детективом, когда в погоне за преступниками носился от станции к станции. Теперь Уайт преследовал лишь собственную судьбу. Приехав в столицу, сквозь шум и огни он добрался до штаб-квартиры. Как ему сказали, у Гувера есть для него «важная информация»^[235], но какая, он понятия не имел.

Уайт был прославленным стражем закона старой закалки. На рубеже веков он служил техасским рейнджером и немалую часть жизни провел в седле, рыская вдоль юго-западной границы с винчестером или перламутровой рукояткой шестизарядного револьвера в руке в поисках беглых преступников, убийц и грабителей. Шести футов четырех дюймов (193 см. – *Прим. перев.*) ростом, Уайт был жилист и обладал пугающим хладнокровием отличного стрелка. Даже втиснутый в узкий, застегнутый на все пуговицы костюм, словно ходящий от двери к двери коммивояжер, он казался персонажем из эры героев. Годы спустя работавший с Уайтом агент бюро писал, что он был «образцом благочестия, подобным отважным защитникам миссии Аламо»^[236]. И добавлял: «Весь его облик в замшевой ковбойской шляпе и выправкой от макушки до пят как по отвесу производил сильнейшее впечатление. Ступал он как кошка – величаво, мягко и бесшумно. Говорил так же, как смотрел и стрелял – точно в цель. Он пользовался беспрекословным уважением и внушал благоговейный ужас юнцам с Восточного побережья вроде меня, взиравшим на него со смешанным чувством почтения и страха. Однако, посмотрев в его серо-голубые глаза внимательнее, ты встречал в них блеск благожелательности и понимания».

На работу в Бюро расследований Уайт поступил в 1917 году – из-за перенесенной не так давно операции ему пришлось уйти из рейнджеров. Он говорил, что работа специальным агентом была для него возможностью послужить стране, но это была лишь часть правды. На самом деле он понимал, что племя старых хранителей Фронттира, к которому он

принадлежал, исчезает. Хотя ему еще не исполнилось и сорока, он опасался превратиться в ходячий реликт из бродячего цирка «Легенды Дикого Запада».

Президент Теодор Рузвельт создал Бюро в 1908 году, надеясь заполнить вакуум федеральных правоохранительных органов (вследствие затянувшегося противодействия генеральный прокурор администрации Рузвельта действовал без одобрения законодателей, из-за чего один конгрессмен назвал новую организацию «бюрократическим ублюдком»^[237]). Когда Уайт пришел в Бюро, оно включало в себя лишь несколько сотен агентов и ничтожное число местных отделений. Юрисдикция была весьма ограниченной, и сотрудники занимались самыми разными делами: нарушения антимонопольного и банковского законодательства, нелегальный оборот между штатами угнанных машин, противозачаточных средств, фильмов с поединками профессиональных боксеров и порнографической литературы, а также побеги заключенных из федеральных тюрем и преступления, совершенные в индейских резервациях.

Как и другие агенты, Уайт должен был быть только следователем. «В те дни у нас не имелось полномочий производить арест», – вспоминал он позже^[238]. Агенты также не могли носить оружие. На Западе Уайт повидал множество убийств стражей порядка и хотя не слишком любил распространяться на эту тему, из-за них он едва не ушел из профессии. Ему не хотелось покидать этот мир ради некой посмертной славы. Мертвые мертвы. Поэтому, когда в Бюро ему доводилось быть на опасном задании, он нередко совал за пояс револьвер – и к черту запреты.

Его младший брат Дж. К. «Док» Уайт тоже был техасским рейнджером, перешедшим на работу в Бюро. Грубый и крепко пьющий, он почти всегда носил с собой шестизарядный «кольт» с костяной рукояткой, а для верности еще и нож за голенищем, и вообще был безрассуднее Тома – «жесткий и энергичный»^[239], как говорили о нем родственники. Братья Уайт были частью небольшой группы стражей порядка с Запада, которых в Бюро величали «ковбоями».

У Тома Уайта не было специального образования, и он изо всех сил пытался овладеть новыми научными криминалистическими методами, такими как расшифровка таинственных завитушек и петель отпечатков пальцев. При всем этом на страже закона он стоял с молодых лет и отточил важнейший навык следователя – способность разглядеть главный лейтмотив и превратить разрозненные факты в стройное изложение. Несмотря на развитое чувство опасности, ему случалось бывать в диких перестрелках, однако, в отличие от брата, чья карьера, по выражению одного агента, была «усеяна пулями»^[240], Тому было свойственно почти извращенное нежелание прибегать к оружию. Он гордился тем, что никого не убил, словно боясь собственных темных инстинктов и опасаясь перешагнуть тонкую грань между добром и злом.

Том Уайт был свидетелем того, как многие из его коллег в Бюро эту грань переступали. В начале 1920-х годов в пору президентства Гардинга министерство юстиции было до отказа забито политическими ставленниками и нечистыми на руку чиновниками, вплоть до самого шефа Бюро – Уильяма Бёрнса, печально известного частного детектива^[241]. После назначения в 1921 году директором он обходил законы и нанимал продажных агентов, в том числе мошенника, наладившего бойкий сбыт поблажек и помилований членам криминального мира. Министерство юстиции прозвали тогда «министерством легкого поведения».

В 1924 году комитет Конгресса обнаружил, что нефтяной барон Гарри Синклер дал взятку министру внутренних дел Элберту Фоллу за разработку месторождения из федерального нефтяного резерва «Типот-доум» – название, которое отныне всегда будет ассоциироваться со скандалом. Последующее расследование показало, насколько прогнила в Соединенных Штатах система правосудия. Когда Конгресс начал проверку действий министерства юстиции, Бёрнс и генеральный прокурор использовали всю свою власть, все имеющиеся в руках правоохранительных органов инструменты, чтобы воспрепятствовать правосудию. За конгрессменами установили слежку. В их кабинеты вломились и установили

в телефонах подслушивающие устройства. Один сенатор гневно заявлял о различного рода «интригах, шпионаже, провокациях, прослушке», применявшихся не для «фаскрытия преступлений и преследования преступников, а... для защиты спекулянтов, взяточников и фаворитов»^[242].

К весне 1924 года преемник Гардинга Калвин Кулидж избавился от Бёрнса и назначил нового генерального прокурора, Харлана Ф. Стоуна. С учетом роста территории страны и увеличения числа федеральных законов Стоун пришел к выводу, что без национальных полицейских сил обойтись невозможно. Однако для того, чтобы они могли удовлетворять предъявляемым требованиям, Бюро пришлось реформировать сверху донизу.

К удивлению многих критиков министерства, временно исполняющим обязанности главы Бюро Стоун назначил 29-летнего заместителя директора Джона Эдгара Гувера. Хотя позорного пятна «Типот-доум» тот избежал, он возглавлял прежде отдел общей разведки, шпионивший за людьми только из-за их политических убеждений. Также Гувер никогда не работал детективом, не участвовал ни в одной перестрелке и никого ни разу не арестовывал. Его покойные дед и отец служили в федеральных органах власти, а сам он, все еще живший с матерью, был до мозга костей порождением бюрократии – с ее сплетнями, особым языком, тайными сделками, бескровными, но жестокими схватками за территорию.

Стремясь воспользоваться директорством для построения собственной бюрократической империи, он утаил от Стоуна свою ключевую роль в ведении слежки на территории страны и пообещал отдел общей разведки распустить. Задуманные генеральным прокурором реформы, отвечавшие собственному стремлению Гувера превратить Бюро в современную организацию, ревностно реализовывались. В докладной записке он информировал Стоуна, что начал изучение личных дел сотрудников в поисках некомпетентных или нечистых на руку агентов, подлежащих увольнению. Он также докладывал, что в соответствии с пожеланиями прокурора повысил запросы к квалификации новых сотрудников, требуя от них юридической подготовки или знания бухгалтерского учета. «Сотрудники Бюро будут прилагать все усилия для укрепления морального духа, – писал Гувер, – а также реализации всех установок вашей политики»^[243].

В декабре 1924 года Стоун утвердил Гувера в должности, которую тот так жаждал получить. Он быстро превратил бюро в монолитную организацию, которая на протяжении почти 50 лет его директорства служила не только для борьбы с преступностью, но и для вопиющих злоупотреблений властью.

Прежде Гувер уже поручал Уайту расследование одного из первых после «Типот-доум» дел о коррупции в правоохранительных органах. Уайт занял пост директора федеральной тюрьмы в Атланте, где вел тайную операцию по поимке чиновников, за взятки предоставлявших заключенным более благоприятные условия содержания и досрочное освобождение. Однажды в ходе расследования он столкнулся с надзирателями, избивавшими двоих заключенных. Уайт в гневе пригрозил надзирателям увольнением, если те еще раз тронут хоть одного арестанта. Позже один из спасенных попросил директора о личной встрече. Желая отблагодарить Уайта, он показал ему Библию, а затем смочил белый форзац раствором йода и воды. Как по волшебству проступили буквы. Симпатическими чернилами был написан адрес, по которому скрывался грабитель банка, сбежавший до того, как Уайта назначили директором. Тайное послание помогло поймать преступника. Тем временем информацией начали делиться и другие заключенные, и вскоре удалось раскрыть то, что назвали системой «позолоченного протекционизма и неприкосновенности миллионеров»^[244]. Уайт собрал достаточно улик для выдвижения обвинений против бывшего директора, ставшего узником № 24207 той же тюрьмы. Посетивший тюрьму сотрудник Бюро написал в отчете: «Меня крайне поразило господствующее среди заключенных отношение к действиям и поведению Тома Уайта. Кажется, все испытывают чувство удовлетворения и уверенности, чувство, что теперь с ними будут обращаться справедливо»^[245]. После расследования Уайт

получил от Гувера благодарственное письмо со словами: «Вы снискали доверие и уважение не только себе, но и службе, которой мы все преданы»^[246].

Сейчас Уайт прибыл в штаб-квартиру, размещавшуюся на двух арендованных этажах в здании на углу Кей-стрит и Вермонт-авеню. Гувер вычистил из Бюро множество стражей Фронттира, и по дороге в кабинет директора Уайт увидел новую породу агентов – мальчиков из колледжа, быстрее печатавших, чем стрелявших. Старожилы насмешливо звали их «бойскаутами» с «плоскостопием высшего образования», что было не так уж и неверно, поскольку впоследствии один агент признавал: «Мы были кучкой зеленых юнцов, понятия не имевших, чем занимаемся»^[247].

Уайта провели в блиставший безукоризненной чистотой кабинет Гувера с исполинским деревянным столом и висевшей на стене картой, на которой были обозначены все региональные отделения Бюро. Перед Уайтом предстал босс собственной персоной. В ту пору Гувер был замечательно строен и мальчишески моложав. На снятой за пару месяцев до того фотографии он в стильном темном костюме. Волосы густые и волнистые, челюсти и губы крепко сжаты. Пристальный взгляд карих глаз пронзителен, как будто смотрит сквозь объектив фотоаппарата.

Уайт и его ковбойская шляпа угрожающе нависли над невысоким директором Бюро, который воспринимал свой скромный рост настолько болезненно, что редко продвигал на работу в штаб-квартиру рослых агентов, а позже установил за своим столом помост, на который вставал. Однако, если огромный техасец и испугал Гувера, тот не подал вида и сказал Уайту, что хочет обсудить с ним крайне важный вопрос, связанный с убийствами осейджей. Уайт слышал о сенсационном деле, ставшем одним из первых крупных расследований такого рода в Бюро, но не знал подробностей и обратился в слух. Гувер заговорил, выпаливая слова отрывистыми очередями – манера, выработанная им еще в юности для преодоления сильного заикания.

Весной 1923 года, когда совет племени осейджей принял резолюцию с обращением за помощью к министерству юстиции, тогдашний директор Бюро, Бёрнс, направил агента для расследования убийств уже как минимум 24 человек. Проведя в округе Осейдж несколько недель, тот пришел к выводу, что «всякое продолжение расследования бесполезно»^[248]. Всем прочим направленным туда агентам также не удалось ничего добиться. Часть расходов федерального расследования осейдгам пришлось оплачивать из собственных средств – в итоге эта сумма достигла 20 тысяч долларов, или почти 300 тысяч в пересчете на нынешние деньги. Несмотря на уже потраченные деньги, Гувер после назначения директором, стремясь спихнуть с себя ответственность за провал, решил вернуть дело штату. Агент, возглавлявший подразделение в Оклахоме, заверил, что это можно устроить, не вызвав «негативных комментариев» в прессе^[249]. Однако так было только до того, как Бюро, уже под началом Гувера, оказалось замаранным кровью. Парой месяцев ранее его сотрудники убедили нового губернатора Оклахомы освободить арестованного и осужденного за ограбление банка Блэки Томпсона, чтобы тот, действуя под прикрытием, собирал доказательства по делу об убийствах осейджей. В отчетах агенты захлеб расписывали, как их «тайный осведомитель»^[250] начал работать среди «мошенников на нефтяных месторождениях, добывая обещанные улики», с энтузиазмом добавляя: «Мы ждем великолепных результатов»^[251].

Однако якобы находившийся под пристальным наблюдением Блэки ускользнул от них в Осейдж-Хиллз. И снова ограбил банк, убив полицейского. Властям потребовались месяцы, чтобы арестовать Блэки, и, как отметил Гувер, «многим офицерам пришлось рисковать жизнью ради исправления этой ошибки»^[252]. До сих пор ему удавалось скрывать от прессы роль Бюро в этом деле. Однако за кулисами назревал политический скандал. Генеральный прокурор штата направил Гуверу телеграмму, в которой указывал, что считает его ведомство «ответственным за провал» расследования^[253]. Известный адвокат племени Джон Палмер написал разгневанное письмо сенатору США от штата Канзас Чарльзу Кёртису с намеками на коррумпированность расследования Бюро: «Полностью разделяю распространенное

воззрение, что убийцы оказались достаточно проницательны и политически и финансово состоятельны для отстранения или замены честных правоохранителей, призванных вести расследование и привлечь совершивших эти ужасные преступления злодеев к суду, на нечестных»^[254]. Адвокат из Оклахомы и опекун нескольких осейджей Комсток лично рассказал сенатору Кёртису о катастрофическом провале Бюро.

На момент разговора с Уайтом Гувер держался на волоске, внезапно столкнувшись с тем, чего всеми силами старался избежать – со скандалом. Ситуацию, сложившуюся в Оклахоме, директор Бюро назвал «непростой и щекотливой»^[255]. Сразу после «Типот-доум» конец его карьере мог положить даже намек на нарушение закона. Всего пару недель назад он направил Уайту и другим специальным агентам «секретный» меморандум, в котором подчеркивал, что «наша организация не может позволить себе публичного скандала»^[256].

Слушая Гувера, Уайт отчетливо уяснил, зачем вызван. Он – один из немногих опытных агентов, один из «ковбоев» – был необходим главе ведомства для раскрытия убийств осейджей и сохранения своего поста.

– Я хочу, чтобы вы, – сказал Гувер, – руководили расследованием^[257].

Он приказал Уайту ехать в Оклахома-Сити и принять управление местным отделением. Позже Гувер отмечал, что «из-за творящегося в регионе беззакония ему предстоит работы больше, чем, возможно, любому другому в стране, поэтому руководить им должен безукоризненно компетентный и опытный следователь, умеющий к тому же обращаться с людьми»^[258]. Уайт знал, что семье переезд в Оклахому дастся непросто. Однако он понимал, насколько высоки ставки, и ответил:

– Я достаточно человечен и честолобив, чтобы взяться за это дело^[259].

В случае неудачи Уайт в своей участи не сомневался: агентов, ведших дело до него, либо перевели в захолустье, либо вообще уволили из Бюро. «Неудаче не может быть ... оправдания», – говаривал Гувер^[260].

Уайт также знал, что некоторые из пытавшихся поймать убийц были убиты сами. Из кабинета Гувера он вышел, чувствуя себя под прицелом.

Глава 9

Ковбои под прикрытием

Вступив в июле 1925 года в должность руководителя местного отделения в Оклахома-Сити, Уайт пересмотрел пухлые папки дел по убийствам осейджей, накопившиеся за прошедшие два года. Убойные дела, если не раскрываются быстро, часто так и остаются нераскрытыми. Источники улик иссякают, воспоминания изглаживаются из памяти. С момента смертей Анны Браун и Чарльза Уайтхорна прошло больше четырех лет; обычно единственный способ найти разгадку таких преступлений – погрузиться в изучение старых материалов и отыскать не замеченный прежде ключ.

Между тем дела об убийствах осейджей представляли историю в самых общих чертах: крупницы информации без хронологической или повествовательной связи – словно роман с перепутанными страницами. Уайт принялся искать в этой неразберихе скрытые закономерности. Хотя он привык к жестоким убийствам, зверство, подробно описанное в материалах следственных дел, потрясало воображение. О взрыве дома Смитов агент писал: «Обе женщины погибли мгновенно, их тела разорвало в клочья; впоследствии куски их плоти обнаружили на стене дома в 300 футах от места взрыва»^[261]. Предыдущие расследователи сосредоточились на шести смертях, раскрыть которые казалось проще всего: гибель Риты Смит, ее мужа Билла Смита и их служанки Нэтти Брукшир от взрыва бомбы и смерть от пуль Анны Браун, Генри Роана и Чарльза Уайтхорна.

Уайт старался обнаружить связь между всеми убийствами, однако поначалу очевидным казалось лишь немного: основными мишенями были богатые осейджи, а трех жертв – Анну Браун, Риту Смит и их мать, Лиззи – роднили кровные узы. Удивительно, но агенты даже не поговорили с единственной выжившей дочерью Лиззи, Молли Беркхарт. Следователей учили видеть мир глазами других людей. Однако как мог «ковбой» Уайт постичь, как воспринимает происходящее эта женщина, родившаяся в хижине посреди дикой прерии и

внезапно разбогатевшая – только для того, чтобы пережить ужас, когда одного за другим принялись убивать ее родственников и других осейджей? По скудным записям в материалах дел трудно было понять жизнь Молли, упоминалось лишь, что она больна диабетом и заперлась в своем доме.

Немного было и других деталей, способных пролить свет на преступления. Серийные убийцы, как правило, склонны к повторению одной и той же рутины, тогда как убийства осейджей поражали многообразием способов. Никакого единого почерка не прослеживалось. Этот факт, вкупе с обнаружением тел в разных частях штата и страны, заставлял предположить, что действовал не один человек. Стоящий за преступлениями должен был использовать сообщников. Характер убийств также давал некоторое представление о вдохновителе: все они совершались не импульсивно, а тщательно планировались; их организатор достаточно умен, чтобы разбираться в ядах, и достаточно расчетлив, чтобы претворять свои дьявольские замыслы в жизнь на протяжении долгих лет.

Штудирова дела, Уайт находил одну кажущуюся правдоподобной версию за другой. Однако при внимательном изучении информация неизменно исходила все от тех же сомнительных источников: частных детективов и местных правоохранителей, чьи заключения основывались на слухах. Учитывая коррупцию, наверняка пронизавшую каждую организацию в округе Осейдж, эти источники могли преднамеренно ради сокрытия подлинной версии распространять дезинформацию. Уайт понял, что главная проблема предыдущих расследований заключалась не в том, что не получалось найти никаких нитей, а в том, что их было слишком много. Агенты хватались за одну из них, а потом либо просто бросали, либо не могли подтвердить, либо окончательно опровергали. Даже когда они, казалось, шли по верному пути, им не удавалось найти никаких приемлемых для суда доказательств.

Поскольку Уайт стремился быть следователем современным, ему приходилось изучать много новых техник, однако самой полезной оказалась старая как мир: холодное, методичное отделение слухов от фактов, которые можно доказать. Ему не хотелось вешать человека только потому, что удалось слепить соблазнительную версию. После нескольких лет неумелых и, возможно, намеренно запутанных следственных действий требовалось отсеять недостоверную информацию и выстроить бесспорную картину произошедшего, основанную на том, что Уайт называл «непрерывной цепью доказательств»^[262].

Свои дела Уайт предпочитал расследовать в одиночку, однако с учетом количества убийств и нитей, которые предстояло распутать, он понял, что ему надо собрать команду. Впрочем, даже команде было не под силу преодолеть одно из главных препятствий, вставших на пути предыдущих следователей: отказ свидетелей от сотрудничества из-за предубеждения, коррупции или, по выражению одного из агентов, «почти поголовного страха стать следующим»^[263]. Поэтому Уайт решил, что сам будет публичным лицом следствия, а большинство агентов станут действовать под прикрытием.

Гувер обещал: «Я дам вам столько людей, сколько потребуется»^[264]. Понимая пределы возможностей своих «мальчиков из колледжа», он сохранил в штате нескольких «ковбоев», в том числе брата Уайта Дока. Они еще только осваивали научные методы ведения расследования и учились печатать отчеты на пишущей машинке^[265]. Тем не менее Уайт решил, что только им одним по силам справиться с подобного рода заданием: просочиться в дикий край, жить в среде преступников, следить за подозреваемыми, сутками не смыкать глаз, не раскрыть себя даже под давлением и при необходимости прибегнуть к смертоносному оружию. Уайт начал собирать команду «ковбоев», однако Дока в нее не включил: еще со времен службы в подразделении техасских рейнджеров они с братом старались уклониться от участия в одной операции, чтобы не осиротить семью потенциальной потерей сразу двух членов.

Первым Уайт привлек бывшего шерифа из Нью-Мексико, в свои 56 лет самого возрастного члена команды^[266]. При всей сдержанности, граничившей со стеснительностью,

шериф был мастером работы под прикрытием, умея прикинуться кем угодно – от конокрада до фальшивомонетчика. Вторым пригласил коренастого белокурого и словоохотливого бывшего тexasского рейнджера^[267], по выражению начальства, готового к «любой опасной ситуации»^[268]. Кроме того, привлек сотрудника с большим опытом работы под глубоким прикрытием, скорее походившего на страхового агента – возможно, потому, что такова была его прежняя профессия^[269].

Из предыдущего состава расследователей Уайт решил оставить только одного человека – Джона Бергера. Тот досконально знал дело – от подозреваемых до улик во всех подробностях – и развернул обширную сеть информаторов, в которой было немало криминальных элементов. Поскольку в округе Осейдж Бергера прекрасно знали, ему предстояло работать с Уайтом в открытую. Как и еще одному агенту, тexasцу Фрэнку Смиту, описавшему свои увлечения так: «Стрельба из револьвера и винтовки – охота на крупную дичь – рыбалка – альпинизм – приключения – охота на человека»^[270]. В Бюро при Гувере Смита причисляли к «необразованным агентам старого образца»^[271].

Последним Уайт привлек знаменитого Джона Рена. Шпионивший некогда за вождями Мексиканской революции, Рен был, вероятно, единственным индейцем (хоть и полукровкой) в Бюро. Он принадлежал к племени юта, некогда процветавшему на территории сегодняшних штатов Юта и Колорадо. Черноглазый, с подкрученными усами, Рен был талантливым следователем, однако не так давно его уволили за неподачу отчетов и несоблюдение правил. Специальный агент, под началом которого он работал, с раздражением охарактеризовал его так: «Дела он раскрывает прекрасно, некоторые даже блестяще. Однако что толку от многих дней и ночей тяжелой службы, если результаты не отражены в отчетах? Всю информацию он не переносит на бумагу, а держит в голове»^[272]. В марте 1925 года Гувер восстановил Рена, однако предупредил: «Если вы не будете соблюдать принятые в Бюро правила, я буду вынужден просить вас об отставке»^[273].

В своей команде Уайт отводил Рену важную роль. Кое-кто из агентов, расследовавших дело ранее, в том числе Бергер, разделяли обычные для того времени предрассудки об осейджах. В совместном отчете Бергер и еще один сотрудник писали: «В большинстве своем индейцы ленивы, жалки, трусливы, распухшие»^[274], а другой их коллега утверждал, что единственный способ заставить «любого из этих развращенных, упрямых осейджей говорить и рассказать, что им известно – лишить их денежных выплат... а то и бросить в тюрьму»^[275]. Подобного рода презрительное отношение усугубило недоверие к федеральным агентам и помешало предыдущему расследованию. Однако Рен, называвший себя «индейским воином Гувера», мог уладить в резервации многие деликатные вопросы.

Уайт передал Гуверу список нужных ему людей, и те, кого еще не назначили в региональное управление в Оклахоме, получили из штаб-квартиры шифровку срочного приказа: «**НЕМЕДЛЕННО СЛЕДОВАТЬ ПОД ПРИКРЫТИЕМ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ГЛАВНОГО АГЕНТА ТОМА УАЙТА**»^[276]. Как только команда была собрана, Уайт взял револьвер и отправился в округ Осейдж, еще одним «идущим через туман».

Глава 10

Исключение невозможного

В округ Осейдж один за другим проникали члены команды. Экс-шериф явился под видом пожилого тихого скотовода из Техаса^[277]. Затем, также выдавая себя за владельца ранчо, приехал разговорчивый бывший рейнджер. Вскоре в центре Фэрфакса открыл контору бывший страховой агент и принялся торговать настоящими полисами. Наконец, якобы в поисках родственников, одетый индейским знахарем, прибыл агент Рен^[278].

Уайт советовал своим людям держаться как можно более простой легенды, чтобы не выдать себя. Двое, представлявшихся скотоводами, быстро сошлись с Уильямом Хэйлом, который принял их за сотоварищей-ковбоев из Техаса и познакомил со многими видными горожанами. Страховой агент обходил дома самых разных подозреваемых, стараясь всучить им полисы. Джон Рен регулярно посещал сходы племени и собирал информацию среди осейджей, которые вряд ли стали бы разговаривать с белым стражем порядка.

– Рен жил среди индейцев ... и отлично справлялся, – сообщал Уайт Гуверу, добавляя, что его агентам под прикрытием, похоже, «все эти тяготы нипочем»^[279].

Однако трудно было понять, с чего начинать расследование. Бумаги коронерского дознания по делу Анны Браун таинственно исчезли. Как утверждал мировой судья в Фэрфаксе: «Мой стол был взломан, и бумаги пропали»^[280].

Не осталось и почти никаких вещественных доказательств с мест преступлений, однако гробовщик припрятал кое-что – череп Анны. Размером с дыню, но полый внутри, он казался до жути легким, словно отбеленная солнцем раковина, в которой можно услышать шум моря. Уайт осмотрел череп и увидел отверстие в затылке, куда вошла пуля. Как и предыдущие следователи, он заключил, что она, скорее всего, была выпущена из малокалиберного оружия – 32-го или 38-го калибра. Отметил и странное отсутствие выходного отверстия. Если пуля осталась внутри, не найти ее во время вскрытия было невозможно. Значит, кто-то на месте преступления – сообщник или даже сам убийца – ее похитил.

Мировой судья признался, что у него возникли такие же подозрения.

– Мог ее взять один из докторов, братьев Шоун? – последовал логичный вопрос.

– Не знаю, – ответил судья^[281].

Дэвид Шоун признавал, что выходного отверстия не было, однако настаивал, что они с братом «добросовестно искали» пулю^[282]. Джеймс Шоун утверждал то же самое. Уайт был убежден, что кто-то совершил подлог улики. Однако учитывая, как много людей присутствовало при вскрытии, включая местных стражей закона, гробовщика и владельца «Биг Хилл Трейдинг Компани» Мэтиса, определить виновного не представлялось возможным.

Чтобы отделить факты от слухов, содержащихся в досье бюро, Уайт избрал простой, но элегантный подход: он постарался методично подтвердить алиби каждого подозреваемого. Как говорил Шерлок Холмс:

«Отбросьте все, что не могло иметь места,
и останется один-единственный факт,
который и есть истина»^[283].

(Перевод М. Литвиновой.)

Проводником сквозь мрак предыдущего расследования Уайт выбрал агента Бергера. Тот работал над делом полтора года и на протяжении этого времени тянул за те же ниточки, которые распутывали частные детективы, нанятые Хэйлом, Мэтисом и семьей Молли. Опираясь на результаты Бергера, Уайт смог быстро исключить множество подозреваемых, в том числе бывшего мужа Анны Оду Брауна. Его алиби – то, что он был с другой женщиной – проверили, и стало ясно, что давший против него показания арестант сфабриковал эту историю в надежде выторговать себе лучшие условия содержания. Дальнейшие расследования исключили других подозреваемых, вроде буйных рабочих-нефтяников, о которых говорил уволенный шериф Фрис.

Затем Уайт проверил слух о Роуз Осейдж, якобы убившей Анну за то, что та пыталась соблазнить ее приятеля Джо Аллена (они с тех пор успели пожениться). Уайт узнал о полученных частным детективом № 28 от индианки кау показаниях, что она якобы слышала признание в убийстве от самой подозреваемой. Агент Бюро писал в отчете: «Общеизвестно, что Роуз ... жестока и ревнива»^[284]. Городской маршал Фэрфакса также поделился с агентами подозрительной подробностью: примерно в одно время с убийством Анны он обнаружил на заднем сиденье машины Роуз темное пятно. Он сказал, что оно напоминало кровь.

Агент Бергер сообщил, что как-то раз привез Роуз Осейдж и Джо в офис шерифа для допроса. Обоих подозреваемых усадили в отдельные комнаты и оставили потомиться. Когда Бергер наконец взялся за Роуз, она настаивала, что никак не связана с убийством.

– У меня никогда не было ссоры или драки с Анной, – заявила она^[285].

Бергер перешел к Джо, который, по словам агента, был «очень замкнут, угрюм и зол»^[286]. Его уже ранее допросил другой следователь. На вопрос: «Вы были близки с Анной?»^[287] Джо ответил: «Нет, никогда».

Он также заявил о том же алиби, что и Роуз: в ночь на 21 мая 1921 года они вместе были в Пауни, в семнадцати милях к юго-западу от Грей-Хорс, и остановились в меблированных комнатах. Владелец гостиницы, одного из тех злчных мест, от которых так и разит сексом и самогоном, подтвердил это. Тем не менее следователи обратили внимание, что рассказы Роуз и Джо совпадали почти дословно, будто заученные наизусть.

Их отпустили, и агент Бергер решил обратиться за помощью к информатору – бутлегеру и наркоторговцу Келси Моррисону, казавшемуся идеальным источником. Когда-то он был женат на индианке из осейджей и близок к Роуз и другим подозреваемым. Однако прежде чем завербовать Моррисона, его требовалось найти: он сбежал из округа Осейдж после нападения на местного чиновника по надзору за соблюдением сухого закона. Бергер и другие агенты провели расследование и выяснили: Моррисон под именем Ллойда Миллера скрывался в Техасе, в Далласе. Сыщики расставили ловушку. Они послали заказное письмо на абонентский ящик, арендованный «Миллером», и схватили того, когда он пришел на почту. «Мы допросили «Ллойда Миллера», который около часа отрицал, что он Келси Моррисон, однако в конце концов признался», – докладывал Бергер^[288]. Потенциального информатора он описал как «необычайно смекалистого, дерзкого и самоуверенного преступника», одетого словно жиголо из дансинга^[289]. Высокий, со шрамом от пули, маленькими глазками и чрезвычайно нервный, он, казалось, истаивал изнутри – отсюда и его прозвище, «Тощий». «Много говорит и курит, – отметил в отчете агент Бергер^[290]. – Шмыгает носом, рот и нос почти непрерывно дергаются, как у кролика, в особенности когда волнуется».

Федералы заключили с Моррисоном сделку: они аннулируют ордер на его арест за нападение, а он станет информатором по делам об убийстве осейджей. Агент Бергер писал в штаб-квартиру: «Эта договоренность совершенно секретна и не подлежит разглашению за пределами Бюро никому и ни при каких обстоятельствах»^[291].

Был риск, что Моррисон ускользнет, и прежде чем его отпустить, агент Бергер обеспечил проведение скрупулезной процедуры, известной как бертильонаж. Разработанная в 1879 году французским криминалистом Альфонсом Бертильоном, она стала первым научным методом опознания преступников-рецидивистов. Кронциркулем и другими специальными инструментами Бергер с помощью полицейских Далласа снял с Моррисона одиннадцать мерок – в том числе длину левой ступни, ширину и высоту головы, а также диаметр правого уха.

Разъяснив Моррисону смысл этих измерений, агент также приказал сделать совмещенное фото в анфас и профиль, еще одну инновацию Бертильона. В 1894 году прославившаяся сенсационными разоблачениями журналистка Ида Тарбелл писала, что любой заключенный, прошедший процедуру бертильонажа, «опознан» раз и навсегда: «Он может свести татуировки, покрасить волосы, удалить зубы, покрыть тело шрамами, замаскировать рост – все бесполезно»^[292].

Однако на смену бертильонажу уже пришел новый научный метод, коренным образом изменивший мир криминалистической идентификации личности: дактилоскопия. Теперь подозреваемого в преступлении иногда удавалось установить даже при отсутствии свидетелей. Когда Гувера назначили исполняющим обязанности директора Бюро, он создал отдел опознания, централизованное хранилище отпечатков пальцев преступников, арестованных на территории всей страны^[293]. Такие научные методы, заявил Гувер, помогут «охранителям цивилизации перед лицом общей опасности»^[294].

Агент Бергер снял у Моррисона и отпечатки пальцев. «У нас есть его фотография, описание, измерения и отпечатки пальцев на случай, если нам потребуется его задержать», – доложил он в штаб-квартиру^[295].

Затем он дал Моррисону немного денег на расходы. Тот пообещал навестить Роуз Осейдж и Джо Аллена, а также членов криминального мира, чтобы узнать, что им известно об убийствах. Моррисон предупредил – если кто-нибудь обнаружит, что он работает на федералов, это будет означать его смерть.

Вскоре он сообщил^[296], что спросил Роуз: «Зачем ты это сделала?»^[297] Та ответила: «Тощий, черт возьми, ты же знаешь, что я не убивала Анну». В отчете агент Бергер отметил своего ценного осведомителя: «Если его устранят не слишком быстро, он может быть нам очень полезен»^[298].

Теперь Уайт мог пересмотреть всю информацию, собранную Моррисоном и агентами об этих двоих. В свете ответа Роуз на прямой вопрос и подтверждения их с Джо алиби хозяином меблированных комнат, заявление индианки кау вызывало вопросы. Удивляла, в частности, одна деталь. По словам осведомительницы, Роуз призналась, что застрелила Анну в машине, а потом бросила труп в Три-Майл-Крик вместе со своей забрызганной кровью одеждой. Это противоречило протоколам осмотра места преступления. Криминологи тогда уже знали, что после смерти кровь свертывается внизу тела и на коже появляются темные пятна. Если у найденного трупа они оказываются не в самой нижней части, значит, его перемещали. В случае с Анной врачи ничего подобного не обнаружили. Кроме того, ни в одном из описаний места преступления не упоминались следы крови, ведущие от машины до ручья.

Походило на то, что свидетельница лгала, а Роуз и Джо невиновны. Поэтому и диктограф, установленный нанятыми семьей Молли Беркхарт частными детективами, ни разу не зафиксировал ни одного уличающего в совершении преступления показания. Поэтому в ручье не нашли одежду Роуз. Агенты допросили индианку кау, и та запиралась недолго. Она призналась, что никто ей ничего не рассказывал. На самом деле к ней в дом пришел незнакомый белый, написал заявление и заставил ее подписать, хотя все это было неправдой. Уайт понял, что улики не просто уничтожались, но еще и фабриковались.

Глава 11

Третий человек

Гувер немедленно принялся настойчиво требовать от Уайта держать его в курсе событий. Однажды, когда тот был на выезде и не смог сразу ответить, Гувер отчитал его: «Не понимаю, почему в конце дня вы не можете представить мне полную картину развития ситуации»^[299].

С годами внимание директора к этому делу постепенно ослабело и затухло, однако растущая критика в его адрес из Оклахомы настолько его встревожила, что еще до приезда Уайта он принялся расследовать дела сам. Не рискуя выезжать на место (Гувер страдал бактериофобией и даже дома приказал установить специальную систему фильтров для очистки воздуха), он сидел в своем кабинете и методично изучал отчеты агентов – его глаз и ушей в пугающем мире.

Просматривая материалы об убийствах осейджей, он счел «интересным наблюдением»^[300] то, что и Анна Браун, и Роан были убиты выстрелом в затылок. «Тщательно рассмотрев дела под разным углом», Гувер пришел к убеждению, что ключ к разгадке может быть в руках у вышедшей замуж за осейджа белой женщины Несии Кенни. Та заявила агентам, что к преступлениям, возможно, причастен адвокат и опекун нескольких осейджей А. У. Комсток. Гувер считал его злобным доносчиком – он не забыл, как тот обрушился на Бюро с критикой и угрожал натравить сенатора Кёртиса. «Я убежден, что миссис Кенни на правильном пути», – сказал Гувер одному из агентов.

При этом у Кенни имелась долгая история психического расстройства – она утверждала, что одержима духами и однажды даже совершила попытку убить другого местного адвоката. Тем не менее сам Гувер не один, а целых два раза допрашивал ее в Вашингтоне и

организовал приглашение правительственного эксперта по «психическим заболеваниям» для ее освидетельствования. Врач пришел к выводу, что у женщины паранойя, однако отметил, как выразился Гувер, ее «способность воспринимать то, что ускользает от взора заурядного человека». В итоге Гувер пришел к выводу, что Кенни «может оказать нам весьма ценную услугу, выступив в роли свидетеля».

Уайт не смог обнаружить доказательств, подтверждающих обвинения Кенни, но и сам не знал, что думать о Комстоке. Тот был одним из немногих видных белых в округе Осейдж, которые, похоже, хотели оказать следователям помощь. Он заявил агентам, что наверняка сможет найти важнейшие доказательства, если получит доступ к досье Бюро. Уайт отказал ему в этом. Тем не менее Комсток продолжал регулярно заходить, делился весьма полезными крохами информации и вообще держал руку на пульсе расследования. А потом пропадал на улицах со своим блестящим «бульдогом».

К концу июля 1925 года Уайт обратил все внимание на последнего из списка подозреваемых в убийстве Анны Браун – Брайана Беркхарта, зятя Молли. Во время следствия в 1921 году тот заявлял, что в ночь исчезновения Анны отвез ее прямо домой примерно между половиной пятого и пятью. Затем он отправился в Фэрфакс, где его видели с Хэйлом, Эрнестом и приехавшими в гости дядей и тетей – они все вместе ходили на мюзикл «Воспитание отца». У него не было времени пойти к ручью, застрелить Анну и вернуться в город до начала представления. Алиби казалось железным.

Для его проверки Бергер с коллегой уже съездили в Кэмпбелл, город на севере Техаса, где жили дядя и тетя Эрнеста и Брайана. Агенты мчались старыми ковбойскими тропами, на смену которым пришли вагоны для перевозки скота, которые тащили пронзительно свистящие локомотивы. Где-то здесь же, всего в нескольких милях от Кэмпбелла, в лесной хижине вырос и Хэйл. Его мать умерла, когда ему было три года – у короля Осейдж-Хиллз тоже было нелегкое прошлое.

Прибыв в городок, агенты постучались в скромный и простой дом родственников Брайана. Дяди не оказалось, но тетя пригласила следователей зайти и пустилась в пространные желчные разглагольствования о том, как Эрнест женился на одной из этих краснокожих миллионерш. Бергер спросил о ночи исчезновения Анны. Да, до них доходили слухи, что племянника обвиняли в убийстве пьяной индианки. Но все это неправда. Отвезя Анну, Брайан тут же присоединился к остальным в Фэрфаксе.

Внезапно в дверях появился дядя. Казалось, ему не по нраву видеть у себя дома двух федеральных агентов. Говорил он неохотно, однако также подтвердил, что Брайан, подвезя Анну, встретился с ними в Фэрфаксе. Дядя добавил, что после представления они с женой провели вечер под одной крышей с Брайаном. Тот все время был с ними и просто не мог совершить убийство. После этого дядя дал понять, что сотрудникам Бюро лучше убираться.

В августе 1925 года Уайт отправил агентов под прикрытием в город Ралстон. Нужно было пройти по следу, которому в свое время не уделили достаточного внимания: судя по материалам, в ночь исчезновения группа белых якобы видела Анну Браун в машине перед гостиницей на главной улице Ралстона. Следователи, занимавшиеся делом раньше, в том числе местные стражи закона и частные детективы, поговорили с ними, а затем, видимо, предали забвению то, что узнали. С тех пор как минимум один из этих ценных свидетелей пропал, и Уайт был убежден, как написал в отчете один из агентов, что «подозреваемые заплатили им, чтобы они исчезли и не возвращались»^[301].

Уайт и его люди попытались выследить некоторых, в том числе пожилого фермера, которого агент прежде уже допрашивал. В ходе того первого допроса фермер казался выжившим из ума и только хлопал глазами. Однако некоторое время спустя он оживился. Его память вдруг улучшилась, и он объяснил, что просто хотел убедиться – следователи действительно те, за кого себя выдают. Болтать об этих убийствах с кем не надо – все равно что рыть себе могилу.

С Уайтом и его людьми фермер согласился разговаривать. Согласно его показаниям, повторенным впоследствии под присягой, он хорошо помнил тот вечер, потому что часто обсуждал его с друзьями, с которыми регулярно встречался в гостинице.

– Мы старые приятели, много времени проводим в городе и обычно сидим там^[302], – сказал он. По его воспоминаниям, машина остановилась у обочины, и в открытом окне он увидел Анну – она оказалась прямо напротив. Она поздоровалась, и кто-то из сидящих ответил:

– Привет, Энни.

Жена фермера, бывшая в ту ночь с ним в Ралстоне, также была уверена, что в машине сидела Анна, хотя и не говорила с ней.

– Там у нас много индейцев^[303], – свидетельствовала она. – Иногда я говорила с кем-то, иногда нет. Иногда заговоришь с кем-то, а они молчат.

На вопрос, заметно ли было по позе, что Анна пьяна, жена фермера ответила:

– Просто сидела, как они все сидят, примерно так.

Она выпрямилась и застыла неподвижно, как статуя, копируя манеру индейцев.

Ее спросили, был ли в автомобиле с Анной еще кто-то.

– Да, сэр, – ответила жена фермера.

– Кто?

– Брайан Беркхарт.

По ее словам, он сидел за рулем в ковбойской шляпе. Другой свидетель показал, что тоже видел Брайана в машине с Анной.

– Они ехали прямо с запада через весь город, а потом я не знаю куда^[304], – заявил он.

Это была первая доказанная трещина в алиби Брайана. Возможно, он и отвез Анну домой, но потом снова куда-то поехал с ней. Как написал в своем отчете агент: «Брайан лжесвидетельствовал под присягой, заявив коронерскому расследованию ... что благополучно оставил Анну в ее доме в Фэрфаксе между 4.30 и 5 вечера»^[305].

Нужно было попытаться выяснить, куда направились эти двое после Ралстона. Сопоставив детали сообщений предыдущих информаторов агента Бергера, а также новых свидетелей, Уайт смог восстановить хронологию событий. Брайан и Анна притормозили у ближайшего подпольного бара и оставались там примерно до 10 вечера. Затем они направились к другому тайному вертепу, в нескольких милях к северу от Фэрфакса. Там с ними видели дядю Брайана – видимо, тот солгал Бергеру, прикрывая не только племянника, но и себя самого. Владелец заведения сказал агентам, что Брайан и Анна пили там до часу ночи.

Рассказы о том, куда они направились потом, становились все туманнее. Один из свидетелей показал, что они, уже вдвоем, сидели еще в одном подпольном кабаке, ближе к Фэрфаксу. Другие сообщали, что к парочке, когда они уходили, присоединился кто-то третий, но не дядя Брайана. «Якобы с Анной Браун и Брайаном Беркхартом был какой-то неизвестный человек»^[306], – отметил агент Бергер. Последний раз их, по данным следователей, видели примерно в 3 часа ночи. Свидетельница, знавшая обоих, сказала, что слышала, как рядом с ее домом в Фэрфаксе остановилась машина. Человек, в котором она узнала по голосу Брайана, крикнул: «Кончай глупить, Энни, садись в машину»^[307].

После этого следы Анны терялись – она превращалась в призрак. Однако сосед видел Брайана возвращавшимся домой на рассвете. Позже он сказал соседу никому не говорить об этом и дал ему денег за молчание.

Уайт поймал в прицел главного подозреваемого. Однако, как и во многих подобных случаях, с каждым полученным ответом возникал новый вопрос. Если Анну убил Брайан, то за что? Причастен ли он к другим убийствам? И кто был с ними третьим?

Глава 12

В зеркальном лабиринте

К концу лета, всего через два месяца после начала расследования, Уайт начал подозревать, что в его команде завелся «крот». Когда один из агентов допрашивал жуликоватого местного адвоката, по информации осведомителя, пытавшегося «задушить»^[308] правительственное расследование, тот продемонстрировал шокирующую осведомленность о внутренней работе над делом. В конце концов он признался, что «видел часть отчетов Бюро... и имел возможность ознакомиться и с другими»^[309].

Расследование долго страдало от утечек и саботажа. Один агент жаловался, что «информация, содержащаяся в отчетах, немедленно становилась достоянием посторонних бесчестных людей»^[310]. Федеральный прокурор, которому Бюро предоставляло отчеты, обнаружил, что они исчезают прямо из его кабинета. Нарушение тайны следствия ставило под угрозу жизни агентов и порождало у чиновников тайные сомнения в лояльности друг друга. Так, другой федеральный прокурор потребовал, чтобы ни одной копии его отчета «не выдавали никому из представителей штата Оклахома»^[311].

Возможно, самой большой угрозой была попытка двух частных детективов, в том числе одного из агентства Бёрнса, раскрыть главного осведомителя Бюро, Келси Моррисона. Они слили нескольким местным должностным лицам информацию о том, что Моррисон работает на федералов, а потом дошли до того, что задержали его по сфабрикованному обвинению в ограблении. Бергер назвал поведение одного из сыщиков «достойным осуждения»^[312] и «заведомо вредящим нашему расследованию». Препятствование установлению истины, заметил он, казалось «единственной целью»^[313] этих детективов, и добавил: «Кто-то должен был им за это платить». Агент докладывал, что, выйдя из тюрьмы, Моррисон выглядел «напуганным до безумия»^[314]. На одной из встреч он умолял агентов добраться до «этих сукиных сынов»^[315], имея в виду убийц, прежде чем те доберутся до него. Агент Бергер предупреждал Моррисона: «Остерегайтесь обмана и ловушек»^[316].

Уайту иногда приходилось встречаться с командой среди полей, и все кралось в темноте словно беглецы. Агенты в последнее время ощущали слежку, и он советовал своим людям, если их раскроют: «Не теряйте голову и по возможности избегайте насилия»^[317]. Предельно ясно дав понять, что они должны иметь при себе оружие, он добавил: «Но если придется сражаться за жизнь, сделайте все как надо».

Уайт обнаружил, что блуждает в зеркальном лабиринте: его работа больше напоминала шпионаж, а не уголовное расследование – «кроты», двойные, а возможно, и тройные агенты... Наибольшие подозрения вызывал частный детектив Пайк. Еще раньше к агенту Бергеру обратился некий джентльмен и представился посредником Пайка. Агенты знали, что тот был нанят Уильямом Хэйлом для расследования убийств осейджей в 1921 году, но отказался от дела после того, как не смог добиться результата.

Посредник, однако, утверждал, что на самом деле Пайк умалчал о важной информации, обнаруженной им в ходе расследования: он установил личность третьего человека, замеченного с Брайаном и Анной незадолго до ее убийства. Агент Бергер писал, что Пайк, по-видимому, «установил этого третьего и разговаривал с ним»^[318]. Однако посредник дал понять, что Пайк поделится информацией только при условии выплаты ему огромной суммы. «Ясно, что дело тут нечисто»^[319], – добавлял Бергер.

Агенты через посредника потребовали, чтобы Пайк явился сам. Но он не подчинился, с очевидным намерением вымогать деньги и препятствовать правосудию. Агенты начали охоту на Пайка, чье последнее известное место проживания находилось в Канзас-Сити. «Пайка надо найти и схватить»^[320], – писал агент Бергер. – Он изменил свой адрес вскоре после того, как стало известно, что мы его ищем. Мы уверены, что ему заплатили, чтобы он скрылся».

Вскоре Пайка поймали по подозрению в совершении разбойного нападения в Талсе. Загнанный в угол, он назвал имя местного картежника. Агентам удалось подтвердить, что в ночь на 21 мая тот был в одном из нелегальных баров с Брайаном и Анной. Тем не менее

дальнейшее расследование показало, что картежник вернулся домой слишком рано, чтобы быть тем самым третьим мужчиной.

Казалось, агентов снова обвели вокруг пальца. Однако они продолжили работать с Пайком, давить на него, и тот постепенно начал раскрывать тайную подоплеку дела. Выяснилось, что его никогда не нанимали для расследования убийства Анны Браун – в действительности его попросили скрыть местонахождение Брайана в ночь преступления. Пайк рассказал агентам, что должен был сфабриковать доказательства и найти лжесвидетелей – «состряпать алиби»^[321], по его выражению. Более того, он утверждал, что приказание ему отдавал непосредственно Уильям Хэйл.

По словам Пайка, его наниматель всячески избегал говорить прямо, что Брайан причастен к убийству Анны, однако это было ясно из того, о чем Хэйл просил. Если сыщик говорил правду, это означало, что Хэйл – образцовый поборник закона и порядка, самый стойкий защитник Молли Беркхарт – все эти годы лгал. Пайк, однако, не мог дать ответ на вопрос, который интересовал Уайта больше всего: Хэйл просто защищал Брайана или сам был частью более сложного и гнусного замысла?

Однако частный детектив раскрыл и еще один поразительный факт. На его встречах с Хэйлом и Брайаном иногда присутствовал еще один человек – Эрнест Беркхарт. Пайк добавил, что тот старался никогда не «обсуждать это дело и вообще не разговаривать с ним в присутствии жены, Молли»^[322]. Тайны вокруг семейства Беркхарт множились и множились...

Глава 13

Сын палача

Впервые Том Уайт увидел повешение преступника еще мальчиком, а палачом был его отец. В 1888 году Роберта Эмметта Уайта избрали шерифом техасского округа Тревис, куда входил Остин, в ту пору город с населением едва за 15 тысяч. Высокого роста и с густыми усами, Эмметт – он предпочитал именно это имя – был беден, суров, трудолюбив и благочестив. В 1870 году, в возрасте восемнадцати лет, он переехал из Теннесси на все еще дикий Фронтир центрального Техаса. Четыре года спустя женился на матери Тома, Мэгги. Жили они в бревенчатой хижине в дикой холмистой местности за чертой города Остина, где пасли крупный рогатый скот и ковыряли землю ради любого пропитания, которое она могла дать. Родившийся в 1881 году Том стал третьим из пятерых детей; кроме Дока, самого младшего, у него имелся и старший брат – сорвиголова Дадли, с которым они были особенно близки. Ближайшая школа – с одной комнатой и одним учителем на восемь классов – находилась в трех милях, и добираться туда Тому и его братьям и сестрам приходилось пешком.

Когда Тому было шесть, умерла мать – скорее всего, от осложнений после родов. Ее похоронили на пустоши, постепенно зараставшей травой. Эмметт остался один с детьми, которым не было и десяти лет. В книге XIX века, посвященной выдающимся техасцам, о нем говорилось: «Мистер Уайт принадлежит к тому классу крепких, основательных фермеров, которыми гордится округ Тревис. ... Здесь его хорошо знают, и люди всецело доверяют его энергичному и цельному характеру»^[323]. В 1888 году делегация горожан упростила Эмметта баллотироваться в шерифы, что он и сделал, легко одержав победу. Так отец Тома стал законом.

Как шериф, Эмметт отвечал за окружную тюрьму в Остине и переехал с семьей в дом по соседству. Тюрьма напоминала крепость – с решетками на окнах, холодными каменными коридорами и расположенными во много ярусов камерами. В первый год службы Эмметта там содержалось около 300 заключенных, в том числе 4 убийцы, 65 воров, 2 поджигателя, 24 грабителя, 2 фальшивомонетчика, 5 насильников и 24 считались душевнобольными. Впоследствии Том вспоминал: «Я рос практически в самой тюрьме. Я мог посмотреть из окна спальни и увидеть коридор и двери некоторых камер»^[324].

Перед его глазами словно бы разворачивалось Священное Писание: добро и зло, искупление и проклятие. Однажды в тюрьме вспыхнула всеобщая потасовка. Пока шериф

Уайт пытался утихомирить бунтовщиков, дети побежали в расположенное по соседству здание суда звать на помощь. Газета «Остин уикли стейтсмен» опубликовала об этом происшествии статью, озаглавленную «КРОВЬ, КРОВЬ, КРОВЬ: ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА ПРЕВРАТИЛАСЬ В НАСТОЯЩИЙ УБОЙНЫЙ ЗАГОН»^[325]. Журналист описал сцену, свидетелем которой стал молодой Том: «За время работы в газете автор этих строк навиделся много кровавого и отвратительного, но ничто не сравнится по омерзительности со зрелищем, представшим перед его взором, когда он вчера около половины пятого дня вошел в окружную тюрьму. Куда ни глянь, повсюду была одна лишь кровь».

После инцидента, в котором пять человек получили тяжелые ранения, Эмметт Уайт стал суровым, даже непреклонным шерифом. Тем не менее он относился к заключенным с уважением, а производя арест, не размахивал револьвером. Отец не особо распространялся о законе или своих обязанностях, однако Том видел, что он всегда одинаково обращался со всеми узниками – неграми, белыми или мексиканцами. В те времена линчевание – внесудебные расправы, в особенности над черными на Юге – было одним из самых вопиющих провалов американской правовой системы. Всякий раз, когда Эмметт слышал, что местные собираются устроить «галстучную вечеринку», он спешил, чтобы постараться им помешать. Однажды репортер отметил: «Если толпа попытается забрать негра у шерифа, будут проблемы»^[326]. Молодых осужденных за ненасильственные преступления Эмметт отказывался помещать в тюрьму со старшими и более опасными преступниками, а поскольку другого места для них не было, оставлял их у себя дома со своими детьми. Одна девушка прожила с ними несколько недель. Том так и не узнал, за что ее приговорили к заключению, а отец никогда об этом не рассказывал.

Мальчик часто задавался вопросом, почему преступники совершили то, что совершили. Некоторые заключенные казались испорченными до мозга костей, в них словно бы жил дьявол. Другие – душевнобольными, видевшими недоступное другим. Однако многие шли на отчаянный шаг – часто жестокий и подлый, – а потом каялись, ища искупления. В каком-то смысле они наталкивали на самые страшные раздумья, показывая, что зло способно овладеть каждым. Том с семьей посещал местную баптистскую церковь, и проповедник говорил, что все грешны – даже такой защитник справедливости, как Эмметт. Эти загадки, Том так никогда и не разрешил, хотя бился над ними, кажется, почти всю свою жизнь.

Том видел, как работает его отец. В любой час дня или ночи, даже в воскресенье, Эмметта могли вызвать преследовать преступника. Криминология оставалась примитивной: шериф хватал пистолет, собирал всех свидетелей случившегося, вскакивал на лошадь и устремлялся в погоню. Также он держал свору блаухаундов, которую порой пускал по следу.

Летним днем 1892 года, когда Тому был одиннадцать, Эмметт бросился в погоню с ищейками: прямо в седле был застрелен отец семейства. Шериф заметил, что шагах в тридцати от места, где лежал труп, земля была утоптана и валялся обгоревший пыж – там стоял стрелявший. Уайт спустил собак, те побежали по следам, но, как ни странно, привели обратно в дом. Когда шериф Уайт собрал показания свидетелей, он понял, что убийца – сын жертвы.

Спустя несколько недель отца Тома снова вызвали – на этот раз ловить насильника. Газета «Стейтсмен» писала: «ИЗНАСИЛОВАНА СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ... Стражи порядка преследуют по горячим следам безжалостного злодея, который вытащил миссис Д. К. Эванс из двуколки, жестоко избил ее и надругался над ней»^[327]. Несмотря на изнурительную погоню, поймать преступника не удалось. В таких случаях отец Тома уходил в себя, словно мучимый какой-то страшной болезнью. Журналист отмечал, как в другой раз «шериф Уайт день и ночь не мог думать ни о чем другом»^[328] до такой степени, что «поймка беглеца стала единственным смыслом его существования».

Каждый раз, когда шериф уносился в темноту, блаухаунды выли, а Тома охватывала страшная неуверенность, вернется ли отец или, как мама, навсегда исчезнет из его мира.

Хотя защита общества с риском для жизни требует огромного мужества и отваги, у подобной самоотверженности, по крайней мере в глазах близких людей, есть оттенок жестокости.

Однажды бандит приставил ствол к голове Эмметта, и тому лишь чудом удалось вырвать оружие. В другой раз, в тюрьме, заключенный выхватил нож и ударил шерифа сзади. Том видел нож, торчавший из спины, брызнувшую на пол кровь. Было удивительно, сколько ее в человеке, в его отце. Заключенный пытался повернуть лезвие, и казалось, Эмметт вот-вот испустит дух, как вдруг он ударил нападавшего пальцем в глаз и выбил его, и Том увидел, как тот свисает из глазницы. Все кончилось хорошо, однако эта картина преследовала Тома всю жизнь. Как можно простить грешника, который пытался убить твоего отца?

Первое повешение, свидетелем которого стал Том, произошло в январе 1894 года. Девятнадцатилетний чернокожий Эд Николс был осужден за изнасилование и приговорен к «повешению за шею до наступления смерти»^[329]. Исполнение казни – до того не проводившейся в округе уже добрых десять лет – было обязанностью шерифа.

Он нанял плотника для сооружения виселицы у южной стены тюрьмы, единственного места, где позволяла высота потолка. Происходило это буквально в двух шагах от камеры Николса, и приговоренный – настаивавший на своей невинности и продолжавший надеяться на помилование губернатора – слышал, как пилят и сколачивают доски, пилят и сколачивают, с каждым днем все проворнее. Отец Тома был полон решимости произвести казнь быстро и милосердно, и едва сооружение было готово, несколько раз испытал его действие на мешках с песком.

Губернатор отклонил последнее прошение о помиловании, сказав: «Да свершится правосудие»^[330]. Отец Тома передал новость Николсу, который молился в камере. Он пытался сохранять спокойствие, но руки у него задрожали. Он сказал, что хотел бы побриться и надеть на казнь хороший черный костюм. Шериф пообещал исполнить его пожелания.

В день казни 12-летний Том стоял на внутренней галерее тюрьмы. Никто его не гнал, даже отец, который повел к эшафоту одетого в новый костюм Николса. Время, оставшееся приговоренному, измерялось каждым шагом и вздохом. Том слышал, как проповедник прочел его последнее заявление:

– Шериф Уайт был ко мне очень добр. Я чувствую себя готовым к смерти. Моя душа пребывает в мире со всем человечеством^[331].

Затем проповедник произнес свое напутствие.

– Эду Николсу скоро предстоит отправиться в вечность, – сказал он^[332]. – Шериф Смерть на черном коне уже совсем рядом, скачет забрать его душу, чтобы она предстала перед высшим судом, во главе которого восседает сам Бог, заступником выступает Его сын, Иисус, а обвинителем – Дух Святой.

Когда он закончил, Том услышал знакомый голос. Это отец зачитывал смертный приговор. На шею Николса набросили петлю, а на голову надели черный капюшон. Лицо приговоренного исчезло, Том видел теперь лишь держащего рычаг отца. Без двух минут четыре он открыл люк. Тело сначала упало, а потом резко подпрыгнуло. По толпе прокатился ропот удивления и ужаса. Несмотря на всю тщательную продуманную конструкцию, Николс продолжал трепетать, жизнь не покидала его.

– Он еще долго брыкался и дергался, – вспоминал впоследствии Том. – Словно никак не желал сдаться и умереть^[333].

Наконец тело замерло, и его сняли, перерезав веревку.

Возможно, именно став свидетелем этой и других казней или того, каким тяжелым испытанием они становились для отца, или, быть может, опасаясь, что система способна обречь на смерть невинного, Том вырос со стремлением противостоять тому, что называют «узаконенным убийством». Он пришел к пониманию закона как борьбы за подавление сильных страстей не только в других, но и в себе самом.

В 1905 году, когда Тому было 24, он завербовался в подразделение техасских рейнджеров. Созданные в XIX веке как добровольное гражданское ополчение для борьбы с индейцами на Фронтире, а позже мексиканцами вдоль границы, со временем рейнджеры превратились в своеобразную полицию штата. Те, против кого они сражались, всегда презирали их за жестокость и метод «сначала стреляй, потом разбирайся». Однако белые поселенцы видели в них героев. Позднее Линдон Б. Джонсон говорил: «В Техасе каждый школьник вырос на рассказах о рейнджерах. И я не исключение»^[334].

Дадли также подпал под обаяние легенд и вступил в отряд в один год с Томом, а вскоре к ним присоединился и Док. Еще один брат, Коли, впоследствии пошел прямо по стопам отца, став шерифом округа Тревис. Док вспоминал простой совет, данный ему отцом при поступлении на службу в правоохранительные органы: «Собери все доступные доказательства, сынок. Потом поставь себя на место преступника. Хорошенько все продумай. И ничего не упусти»^[335].

Наряду с Доком и Дадли, назначенными служить в разные подразделения рейнджеров, Том получал мизерное жалованье в 40 долларов в месяц – «как у погонщика скота», по его выражению^[336]. Он прибыл в свой отряд, стоявший лагерем в шестидесяти пяти милях к западу от Абилина. Другой рейнджер как-то описывал свой приезд в лагерь: «Сцена была достойной пера»^[337]. Длиннобородые и усатые мужчины, за исключением широкополых фетровых шляп одетые кто во что горазд и сразу безошибочно узнаваемые как техасские рейнджеры по поясным ремням с револьверами, занимались стиркой одеял, чисткой и починкой оружия, готовили на кострах, ухаживали за лошадьми. Никогда еще не доводилось видеть картины более сурового быта».

В отряде Том постепенно набирался полезных навыков, беря пример с самых опытных рейнджеров^[338]. Если внимательно наблюдать и не слишком увлекаться спиртным или девицами, как многие, можно было научиться идти по лошадиному следу в густых зарослях – даже если хитрые воры, как однажды обнаружил Том, перековали подковы задом наперед. Он усвоил маленькие трюки: каждое утро переворачивать сапоги, куда мог заползти скорпион или другая тварь, а прежде чем улечься на ночь, встряхивать одеяло от гремучих змей^[339]. Узнал, как избежать зыбучих песков и найти ручей в выжженной солнцем местности. Понял, что если не хочешь ночью попасть бандитам на мушку, лучше как воплощение зла ездить на черной лошади и одеваться в черное.

Вскоре последовало первое задание: вместе с капитаном и сержантом преследовать угонщиков скота в округе Кент, к северу от Абилина. Как-то Том с сержантом остановились у магазина купить еды. Привязали лошадей и вошли, и тут сержант спросил новичка, где его винчестер. Том ответил, что в чехле у седла. Известный крутым нравом сержант заорал:

– Никогда больше не бросай оружие! ... Немедленно возвращайся, принеси его и всегда держи при себе^[340].

Получивший нагоняй Том принес винтовку и совсем скоро, когда их выследили угонщики скота, понял настойчивость сержанта. Несколько раз им пришлось уходить из-под обстрела, прежде чем они в конце концов задержали банду.

Постепенно Том набирался все больше опыта борьбы с теми, кого именовал «отребьем»: угонщиками скота, конокрадами, сутенерами, контрабандистами, грабителями, бандитами и прочими правонарушителями. Когда он вместе с другим рейнджером, Оскаром Раундтри, получил приказ очистить от сброда городок Боуи, пастор писал капитану Уайта, что был свидетелем того, как «всего два присланных вами человека изгнали из города все преступные элементы»^[341].

За время службы рейнджером Тому довелось расследовать несколько убийств. Брат Тома Док вспоминал: «У нас не было ничего – даже отпечатков пальцев. Опирались мы преимущественно на свидетелей, и отыскать их порой бывало непросто»^[342]. Что еще хуже, у отдельных рейнджеров не хватало терпения на соблюдение законных формальностей. Один из сослуживцев Тома обычно находил в городе худшего из головорезов и провоцировал нападение, чтобы его пристрелить. Том считал, что страж правопорядка всегда может

«избежать убийства, если не терять головы». Позднее он говорил своему биографу, что постоянно вступал в ожесточенные споры с тем рейнджером^[343]. Никто не вправе брать на себя роль судьи, присяжных и палача в одном лице.

В 1908 году, когда Том служил в Уэзерфорде, городке к востоку от Абилина, он встретил молодую женщину по имени Бесси Паттерсон. Она была миниатюрной – по крайней мере, рядом с ним, – с короткими каштановыми волосами и открытым взглядом. Том, большую часть жизни проводивший в мужской компании, увлекся ею. Он был спокойным и молчаливым, она – открытой и живой. Она вертела им так, как мало кто отваживался, но он, похоже, не возражал, в кои-то веки не считая нужным держать в узде окружающий мир или собственные чувства. Однако служба рейнджером не подходила для создания семьи. Капитан Дока как-то сказал: «У того, кто гоняется за отпетыми головорезами, не может быть жены и детей»^[344].

Вскоре Том оказался разлучен с Бесси. Вместе с сослуживцем и одним из ближайших друзей Н. П. Томасом его направили разбираться с преступным сбродом в городке Амарилло. Один из рейнджеров докладывал, что в окрестностях действовала одна из самых злокозненных банд штата. При этом на содействие местных сил можно не рассчитывать – более того, как писал рейнджер, «оба сына шерифа практически живут в публичном доме»^[345].

У Томаса уже была пара стычек с тамошним помощником шерифа. Январским утром 1909 года, когда рейнджер сидел в кабинете окружного прокурора, помощник шерифа выхватил ствол и выстрелил ему в лицо. Томас рухнул, изо рта у него хлынула кровь. Когда прибыли врачи, он еще дышал, однако кровотечение остановить не удалось, и он умер в мучениях.

Многие сослуживцы Тома ушли безвременно. На его глазах гибли и новобранцы, и ветераны. Он видел смерть как бесчестных, так и добросовестных стражей закона. Раундтри, ставшего заместителем шерифа, застрелил богатый землевладелец. Рейнджер, с которым Том спорил о строгом исполнении закона, присоединился к отряду линчевателей и был случайно убит одним из своих. Сержант Тома однажды получил шесть пуль, и еще две попали в случайного свидетеля. Уже лежа на земле и истекая кровью, сержант попросил лист бумаги и нацарапал на нем записку в штаб рейнджеров: «Меня изрешетили. Все тихо»^[346]. Каким-то образом он выжил, но ни в чем не повинный прохожий умер. Однажды в их роте застрелили новобранца, попытавшегося остановить преступников. Том повез тело домой к родителям, которые не могли понять, почему их мальчик оказался в гробу и кормит червей.

После смерти Н. П. Томаса Уайт с трудом сдержался. Оставивший краткий очерк о его жизни друг писал: «Борьба эмоций, охватившая Тома, была недолгой, но яростной. Надо ли ... мстить за смерть [Томаса]?»^[347] Уайт решил уйти из рейнджеров и жениться на Бесси. Генерал-адъютант писал его капитану, что Том «зарекомендовал себя как отличный офицер»^[348] и ему будет «приискорбно видеть его уход со службы». Однако решение было окончательным.

Том с Бесси поселились в Сан-Антонио, где у них родились первые двое сыновей. Том сделался железнодорожным детективом – стабильная зарплата позволяла содержать семью. Хотя порой ему еще приходилось гоняться за бандитами верхом, работа уже не была такой опасной и во многих случаях сводилась к разоблачению тех, кто подавал ложные иски о возмещении. Том считал их трусами и презирал сильнее, чем сорвиголов, рисковавших жизнью, чтобы остановить поезд.

Том был примерным семьянином, но его, как и отца, не отпускала изнанка жизни, и в 1917 году он стал специальным агентом Бюро расследований, принеся присягу: «Я буду охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов от всех врагов... И ДА ПОМОЖЕТ МНЕ БОГ».

В июле 1918 года, вскоре после поступления Тома на службу в Бюро, его брата Дадли с еще одним рейнджером отправили арестовать парочку дезертиров в отдаленном лесистом

районе восточного Техаса, известном как «Чащоба». Стояла страшная засуха, и Дадли с напарником в пыли и жаре долго искали дощатый дом, где, как они считали, могли прятаться разыскиваемые. Их там не оказалось, поэтому рейнджеры решили подождать на крыльце. В три часа ночи в темноте внезапно полыхнули выстрелы. Дезертиры устроили засаду. Второй рейнджер получил две пули и, лежа на крыльце, видел, как Дадли стоя палит из «кольта». Затем он рухнул как подкошенный, и падение его тяжелого тела развалило крыльцо. Позднее напарник вспоминал, что он «упал и больше не поднялся»^[349]. Пуля попала под самое сердце.

Новость ошеломила Тома: брат, у которого была жена и трое малых детей, казался ему неуязвимым. Двоих дезертиров поймали и предъявили обвинение в убийстве. Отец Тома каждый день ходил в суд, пока обоим не вынесли приговор.

После перестрелки тело Дадли привезли домой. В отчете рейнджеров сухо написано: «Для транспортировки тела рейнджера Уайта использован один брезентовый тент, одна простыня, одна подушка»^[350]. Тому и его семье вернули вещи Дадли, а также убившую его пулю со стальной оболочкой. Похоронили его на кладбище неподалеку от ранчо, где он родился. Как сказано в Библии: «Ибо прах ты и в прах возвратишься». На могильном камне написали:

ДЖОН ДАДЛИ УАЙТ-СТАРШИЙ
ШТАБНАЯ РОТА ТЕХАССКИХ РЕЙНДЖЕРОВ
ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ...
12 ИЮЛЯ 1918 ГОДА

Спустя две недели после похорон наконец прошел прохладный дождь, омыв прерию. К тому времени Том вернулся в Бюро расследований.

Глава 14

Предсмертные слова

В сентябре 1925 года Уайт, пытаясь установить, что за тайны скрывали Уильям Хэйл и оба его племянника, Эрнест и Брайан, спросил себя, а не раскрыл ли уже эти секреты другой человек – Билл Смит, зять Молли Беркхарт. Именно тот первым заподозрил, что Лиззи отравили, и начал расследовать, не часть ли это более обширного заговора для завладения нефтяными богатствами семьи. Если Смита убили за то, что ему удалось узнать, в полученной им информации, возможно, содержится ключ к разгадке.

Агенты спросили дежурившую в ту ночь медсестру больницы, куда после взрыва дома Смитов доставили Билла, не рассказывал ли он чего-нибудь об убийствах. Медсестра вспомнила, что в бреду тот не раз бормотал какие-то фамилии, но она так и не разобрала какие. Приходя в себя, он казался встревоженным тем, что мог наговорить чего не следовало. Незадолго до смерти к Биллу заходили оба врача – Джеймс и Дэвид Шоуны, а также адвокат. Медсестру попросили выйти из палаты – вне всякого сомнения, не хотели лишних свидетелей. Женщина подозревала, что умирающий мог назвать тогда имя ответственного за покушение на его жизнь.

Уайт, взявший на заметку проходивших по делу Анны Браун братьев Шоун после того, как не была найдена пуля, приступил к допросу всех, побывавших в палате Билла. Позднее их повторно допросили и федеральные прокуроры. Дэвид Шоун признал, что они с братом действительно вызывали адвоката в надежде на то, что Билл назовет своих убийц, но тот не сделал этого. «Даже если он действительно знал, кто его взорвал, он ничего не сказал», – утверждал врач^[351].

Один из прокуроров допытывался, почему было так важно, чтобы медсестра вышла из палаты. Шоун пояснил, что, мол, медсестры «обычно выходят из палаты, когда там появляется врач»^[352].

– Следовательно, она лжет, утверждая, что вы ее об этом сами попросили?^[353]

– Нет, сэр. Если она так говорит, значит, так и было, – ответил Шоун. Он заявил, что готов хоть дюжину раз повторить под присягой, что Билл так и не назвал своих убийц, и, показав на свою шляпу, добавил: – Это подарок Билла. Мы были друзьями.

Джеймс Шоун, брат Дэвида, стоял на том же, заявив прокурору:

– Билл не говорил, кто его подорвал^[354].

– Он должен был признаться.

– Он не сказал ни слова.

Когда спросили адвоката, тот также настаивал, что понятия не имеет, кто несет ответственность за подрыв дома Смитов.

– Для меня это дело – сплошная загадка, джентльмены, – сказал он^[355].

Однако когда его подвергли перекрестному допросу, он признался, что Смит в больнице сказал следующее: «Знаете, у меня в этом мире только двое врагов»^[356]. И назвал имена «короля Осейдж-Хиллз» Уильяма К. Хэйла и его племянника Эрнеста Беркхарта.

Повторно опросили Джеймса Шоуна, и тот наконец вынужден был признать:

– Я бы не стал утверждать, будто он говорил, что Билл Хэйл взорвал его дом, но он действительно назвал того своим единственным врагом^[357].

– А что он говорил об Эрнесте Беркхарте? – напомнил прокурор.

– Сказал, что он тоже его враг наряду с Биллом Хэйлом.

Шоуны близко знали и Хэйла, и Беркхарта, поскольку на протяжении долгого времени были врачами обеих семей. Вскоре после разговора со Смитом один из братьев сказал медсестре, что Брайан Беркхарт заболел, и попросил ее сходить к нему. Та согласилась. Когда она пришла, появился Хэйл. Он посоветовался о чем-то с Брайаном, а потом обратился к медсестре. Обменявшись с ней несколькими ничего не значащими словами, Хэйл поинтересовался у нее, не назвал ли Билл Смит перед смертью имен своих убийц. Та ответила:

– Даже если бы и назвал, я бы не стала говорить^[358].

Хэйл явно желал убедиться, известно ли женщине что-то и, вероятно, заодно пригрозить ей, чтобы держала язык за зубами.

Когда Уайт со своими агентами копнули случившееся в больнице глубже, у них возникло подозрение, что врачи организовали приватную встречу с Биллом Смитом вовсе не ради получения его показаний о виновнике взрыва, а с корыстной целью. В ходе этой встречи Джеймс Шоун был назначен управляющим имуществом убитой при взрыве жены Билла Смита Риты, что давало доктору возможность стать душеприказчиком по ее завещанию. Белые всегда стремились заполучить эту роль, поскольку она давала непомерно высокие комиссионные, а кроме того, предоставляла благоприятные возможности для злоупотреблений.

После того как группа Уайта разгадала эту схему, один из прокуроров задал Дэвиду Шоуну вопрос:

– Как врачу вам должно быть известно, насколько важно предсмертное заявление, – сказал он. – Вы не предпринимали попыток получить его?^[359]

– Нет, – едва слышно ответил Шоун.

Теперь стало окончательно ясно, почему врачи позвали не шерифа или прокурора, а адвоката Билла Смита. Они попросили его захватить с собой документы, которые Билл должен был подписать перед смертью.

Другой прокурор спросил Дэвида Шоуна, в ясном ли уме Билл принимал подобные решения.

– Он понимал, что подписывает?^[360]

– Полагаю, что понимал: на мой взгляд, он был в здравом уме.

– Как врач, вы можете утверждать это определенно?

– Да, могу.

– И он назначил вашего брата управляющим имуществом своей жены?

– Да, сэр, – ответил Шоун. И далее в ходе допроса признался: – Весьма значительным имуществом.

Чем пристальнее Уайт изучал пути нефтяных денег осейджей, тем яснее видел масштабы коррупции. Впрочем, некоторые опекуны и управляющие все же пытались действовать в интересах племени. Однако подавляющее большинство использовали свое положение в личных интересах и обманывали тех, права которых были призваны защищать. Многие опекуны закупали для них товары по завышенным ценам в собственных магазинах (один, например, приобрел автомобиль за 250 долларов и тут же перепродал его своему подопечному за 1250). Другие заключали сделку с определенными фирмами и банками, получая взамен «откаты». Или заявляли, что собираются приобрести земельные участки и дома для подопечных, а на самом деле приобретали их для себя. Или просто-напросто обворовывали. По данным одного правительственного исследования, за период до 1925 года с ограниченных счетов осейджей утекло как минимум 8 миллионов долларов. «Опека над имуществом индейцев – черная глава в истории этого государства, – заявлял вождь племени, добавив: – Миллионы долларов – не тысячи, а именно миллионы, – по праву принадлежащие осейдгам, были разбазарены и растрочены опекунами»^[361].

Как удалось установить Уайту, этот так называемый «индейский бизнес» представлял собой хитроумную криминальную схему, в которую были вовлечены представители самых разных слоев населения. Нечистые на руку опекуны и душеприказчики чаще всего происходили из самых уважаемых кругов белых граждан: предпринимателей, владельцев ранчо, юристов и политиков. Стражи порядка, прокуроры и судьи потворствовали и покрывали мошенничество (а порой и сами выступали в роли опекунов). В 1924 году Ассоциация прав индейцев – организация, стоящая на страже соблюдения законных прав индейских племен, – провела расследование, в результате которого выяснилось, что речь шла о настоящей эпидемии обмана, вымогательства и эксплуатации представителей коренного населения Америки^[362]. Организация представила документальные доказательства фактов систематического беззастенчивого обмана зажиточных индейцев штата Оклахома их опекунами, который всячески покрывали судьи, обеспечивавшие себе за подобные «услуги» победу на выборах^[363]. Они прямо говорили гражданам: «Проголосуй за меня, и я обещаю подыскать тебе достойного опекуна». Одна белая американка, вышедшая замуж за индейца из племени осейдж, рассказывала журналисту, как вели себя местные жители: «Они сколотили группу из торговцев и адвокатов, выбирали своими жертвами определенных индейцев... владевших большими нефтяными долями или крупными фермами, и не моргнув глазом сговаривались: «Ты берешь этого и этого, а я – тех». Все чиновники были подкуплены»^[364].

Иные из подобных сговоров являли собой образец бесчеловечности и аморальности. Ассоциация прав индейцев описывала случай с вдовой, которую опекун лишил большей части ее имущества. Потом он сообщил женщине, которая к тому времени уже выехала за пределы округа Осейдж, заведомую ложь – мол, у нее больше нет никаких денежных средств. Без гроша в кармане она была вынуждена владеть жалкое существование. «В доме ни у нее самой, ни у двоих ее детей не было ни кроватей, ни еды», – докладывал проводивший расследование член Ассоциации^[365]. Когда грудной ребенок женщины заболел, опекун наотрез отказался дать ей денег на его лечение, хотя она умоляла его об этом. «Вследствие недоедания и отсутствия медицинской помощи ребенок умер».

Осейджи знали о мошеннических схемах, но не в силах были их остановить. Когда индианка потеряла малыша, окружному судье были представлены доказательства факта мошенничества, однако тот попросту их проигнорировал. «Пока подобное остается повседневной практикой, никаких надежд на восстановление справедливости нет, – заключал проводивший расследование член Ассоциации прав индейцев^[366]. – Вопль отчаяния этой женщины – призыв ко всей Америке». Один индеец, беседовавший с репортером на тему опекунства, говорил: «Их приманивают наши деньги, и ты совершенно беспомощен. Все законы и вся государственная машина – на их стороне. Когда будете о нас писать, расскажите всем о том, как здесь скальпируют наши души»^[367].

Глава 15

Скрытое лицо

В тот сентябрьский день агент, действовавший под прикрытием страхового агента, разговорился с работавшей на заправке в Фэрфаксе женщиной. Он сказал ей, что желал бы присмотреть для себя домик где-нибудь поблизости. Та ответила, что здесь всеми делами заправляет некий Уильям Хэйл^[368]. Она добавила, что и сама купила дом у него же, на краю принадлежащего ему пастбища. Однажды вечером, рассказала она, загорелось несколько тысяч гектаров угодий. Один пепел остался. Никто не знал, кто виновник поджога, но она догадывалась: его устроили работники самого Хэйла по его же наущению ради получения страховки – ни много ни мало 30 000 долларов. Тут женщина вдруг замолчала, будто испугавшись, что наговорила лишнего.

Уайт попытался собрать сведения и о другом, не менее подозрительном случае – каким образом Хэйл получил страховку после смерти Генри Роана в размере 25 тысяч долларов? Когда в 1923 году того обнаружили с пулей в затылке, самый очевидный мотив был именно у Хэйла. Тем не менее шериф, как, впрочем, и другие местные блюстители закона, не начал против него следствие – упущение, которое больше не казалось случайным.

Уайт разыскал страховщика, в 1921 году продавшего Роану полис. Хэйл все это время не устал повторять, что они с Роаном друзья водой не разольешь, а выгодоприобретателем по полису тот его назначил, поскольку годами брал у него в долг. Однако страховщик поведал совсем другую историю.

Насколько ему помнилось, Хэйл сам приобрел полис, приговаривая: «Черт, это все равно что острой битой рыбу в бочке»^[369]. Он пообещал дополнительные комиссионные, и страховщик ответил:

- Ладно, давайте сделаем на десять тысяч долларов.
- Нет, я хочу на двадцать пять, – не согласился Хэйл.

Страховщик попытался объяснить, что, не будучи родственником Роана, Хэйл может стать выгодоприобретателем, только если тот должен ему деньги. На что Хэйл ответил:

- Ну, он мне действительно порядком задолжал, десять или двенадцать тысяч.

Уайт решил, что в это трудно поверить. Даже если Роан действительно задолжал Хэйлу, тому было достаточно предъявить доказательства опекунам солидного состояния индейца, и вопрос бы решился. Зачем страховать жизнь приятеля и оформлять полис, который не принес бы Хэйлу никакой выгоды, если бы Роан, которому не исполнилось и сорока, внезапно не отдал богу душу?

Страховщик признался, что польстился на комиссионные, а потому не стал требовать никаких расписок. Он неплохо знал Хэйла и, видимо, сам принадлежал к числу вовлеченных в «индейский бизнес». Роан, похоже, и не догадывался об этих махинациях. Он верил в то, что Хэйл, его лучший друг, просто хочет ему помочь. Однако в плане имелся один изъян. Роана, закоренелого пьяницу, однажды в нетрезвом виде превратившего свой автомобиль в груды металлолома, должен был осмотреть врач и счесть входящим в группу риска. Хотя один доктор и заявлял, что никто из его коллег не выпишет справки этому «алкашу-индейцу»^[370], после долгих поисков Хэйл нашел одного посговорчивей в Похаске. Тот согласился выдать справку; его рекомендацию поддержал также один из казавшихся вездесущими братьев Шоун, Джеймс.

Уайт установил, что первое поданное заявление страховая компания отклонила. Ее представитель позже сухо прокомментировал попытку приобрести полис на 25 тысяч долларов: «Не думаю, что это соответствует принятой практике»^[371]. Хэйл как ни в чем не бывало обратился к конкурентам. В графе заявления, получал ли Роан отказ в другой компании, красовалось «нет». Страховой агент, проверявший документы, впоследствии признался: «Я знал, что ответы были неверны»^[372].

На сей раз Хэйл все же предъявил расписки, доказывающие, что Роан действительно должен ему деньги. Первоначальная сумма долга в 10–12 тысяч долларов удивительным образом удвоилась, достигнув 25 тысяч, что в точности соответствовало желаемой сумме страховки. На расписке, якобы выданной Роаном, стояла дата «январь 1921 года». Это было

важно, поскольку значило, что долг образовался еще до подачи первых заявлений о страховке – таким образом, притязания Хэйла представлялись вполне законными.

Графологическая экспертиза и анализ документов становились обычными приемами в ходе следствия. И хотя этот совершенно новый судебный инструментарий вызывал едва ли не священный трепет и казался ответом на все вопросы, он нередко зависел от «человеческого фактора». В 1894 году французский криминолог Бертильон представил суду совершенно неверный анализ почерка, что в конечном итоге и предопределило ложное обвинение в государственной измене Альфреда Дрейфуса.

Тем не менее при условии разумного и аккуратного использования графология и анализ документов оказывали неоценимую помощь следователю. В 1924 году в печально известном деле Натана Леопольда и Ричарда Лёба об убийстве подростка следователи правильно установили виновных, сопоставив студенческие заметки Леопольда с напечатанным на той же машинке письмом о выкупе.

Агенты, расследовавшие убийство Роана, впоследствии передали долговую расписку эксперту министерства финансов по анализу сомнительных документов. Тот установил, что первоначально в ней было напечатано «июнь». Подчистками и дописыванием букв название месяца исправили на «январь», что подтвердили и фотографии, сделанные в направленном под углом к бумаге свете^[373].

Уайт подозревал, что Хэйл подделал документ, стремясь получить страховку и совершив поначалу промах с датой. Впоследствии федеральный агент предъявил долговую расписку человеку, который, по утверждению Хэйла, ее напечатал. Тот сказал, что никогда этого документа не видел, а на вопрос, лжет ли Хэйл, ответил утвердительно^[374].

Другая страховая компания выдала полис после того, как Хэйл вместе с Роаном посетили доктора в Похаске и добились необходимого медицинского заключения. Тот врач вспоминал, как спросил Хэйла: «Билл, ты что задумал? Прикончить этого индейца?»^[375] А тот в ответ ухмыльнулся: «Да, черт возьми»^[376].

Узнав, что на похоронах Роана Хэйл нес гроб покойного, Уайт понял, что местные блюстители закона не просто проглядели его как подозреваемого. Они скоренько соорудили версию о виновности Роя Банча, у которого в свое время был роман с женой убитого. Уайт вместе со своими агентами допросил Банча, который отрицал свою причастность к преступлению и поведал кое-что интересное о Хэйле. Тот якобы сказал ему после убийства Роана:

- Я бы на твоём месте убрался подальше из этого города^[377].
- С какой стати? Я ни в чем не виновен.
- А люди считают наоборот, – ответил Хэйл.

Он предложил Банчу денег, чтобы тот исчез. Посоветовавшись с другом, Банч все же не уехал – это означало бы для него косвенное признание вины в убийстве.

– Если смоешься, они точно повесят это на тебя, – сказал приятель, уговоривший его остаться.

Уайт вместе с агентами тщательно изучили поведение Банча и исключили его из числа подозреваемых. Один из сотрудников отмечал: «Любовная связь Банча и жены Роана намеренно выставлялась на передний план ради отвлечения внимания от истинного убийцы»^[378]. И больше всего в этом усердствовал именно «король Осейдж-Хиллз». После убийства Роана Хэйл несколько раз навещался к его вдове, пытаясь заставить ее подписать различные иски в отношении наследственного имущества. Однажды даже принес ей в подарок бутылку виски. Но она не стала даже пробовать его из страха, что он отравлен.

Хотя у Уайта имелись косвенные доказательства причастности Хэйла к убийству Роана, в деле оставалось еще много неясностей. Не было прямых улик – отпечатков пальцев или свидетельских показаний о том, что «король Осейдж-Хиллз» застрелил индейца сам или приказал племяннику либо еще кому-нибудь из сообщников. Кроме того, подозрительная страховка могла служить мотивом убийства Роана, но не других осейджей.

В ходе расследования внимание Уайта привлекла одна деталь: прежде чем добиваться получения полиса страхования жизни Роана, Хэйл попытался приобрести его долю в фонде доходов от добычи полезных ископаемых, что было куда ценнее золота или бриллиантов. Он знал, что пай нельзя продать или купить, но был уверен, что давление со стороны влиятельных белых поможет отменить этот запрет. Однажды он проговорился: «Как многие другие, я верил, что вскоре Конгресс одобрит закон, позволяющий каждому образованному индейцу распоряжаться принадлежащими ему паями нефтяного фонда по собственному усмотрению»^[379]. Однако существующий порядок изменять не стали, и Уайт подозревал, что именно это и побудило Хэйла разработать план со страхованием жизни Роана и последующим его убийством.

Один законный путь завладеть долей в фонде все же имелся – унаследовать ее. Просмотрев завещания, Уайт выяснил, что в большинстве случаев пай сыпался в карман одного и того же человека – Молли Беркхарт. А ее мужем и опекуном был Эрнест, которого «Хэйл держал в узде», как отметил в отчете один агент^[380]. Бутлегер и осведомитель Келси Моррисон заявил агенту, что и Эрнест, и Брайан Беркхарт готовы выполнить любое приказание дяди, а сам Хэйл «способен на все»^[381].

Уайт изучил одно за другим все убийства в семье Молли. Даже хронология их выглядела больше не простой случайностью, а частью злодейского плана. Анна Браун, бездетная и разведенная, почти все состояние оставила своей матери Лиззи. Убив Анну первой, преступники могли не опасаться, что ее доля нефтяных отчислений будет разделена между другими наследниками. Лиззи, завещав бо́льшую часть своего пая дочерям Молли и Рите, сразу же стала следующим кандидатом в покойники. Затем пришел черед Риты и ее мужа Билла Смита. Уайт понял, что даже необычный способ последнего убийства – подрыв дома бомбой – тоже несет в себе жуткую логику. В завещаниях супругов четко оговаривалось, что в случае их одновременной смерти большая часть пая Риты переходит к ее оставшейся в живых сестре Молли. Однако тут режиссер этого жуткого плана просчитался. Так как Билл, пусть и всего на несколько дней, но пережил жену, ее деньги перешли к нему, а после его смерти к его родственникам. Все же львиная доля семейных паев так или иначе перешла к Молли Беркхарт, то есть, по сути, оказалась под контролем Эрнеста. Уайт не сомневался, что при содействии не в меру угодливого племянника Хэйл располагает косвенным доступом к этому состоянию. Как Уайт впоследствии докладывал Гуверу: «МОЛЛИ, судя по всему, является самым подходящим инструментом для ХЭЙЛА с тем, чтобы через БЕРКХАРТОВ присвоить пай всех членов семьи»^[382].

Уайт не смог установить, задумывался ли брак Эрнеста и Молли – за 4 года до гибели Анны – с самого начала как часть преступного замысла или Хэйл принудил племянника обманывать жену уже после свадьбы. В любом случае план был настолько дерзким и бесчеловечным, что едва укладывался в голове. То есть Эрнест делил с Молли супружеское ложе, растил детей и все эти годы участвовал в заговоре против ее семьи. Совсем по Шекспиру:

О заговор,
Стыдишься ты показываться ночью,
Когда привольно злу. Так где же днем
Столь темную пещеру ты отыщешь,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.
Уж лучше ты его прикрой улыбкой...

(«Юлий Цезарь». Сцена I.
Перевод М. Зенкевича. – Прим. перев.)

Глава 16

Ради модернизации бюро

Уайт вместе с коллегами чувствовал, что продвигается вперед. Прокурор министерства юстиции направил Гуверу письмо, в котором писал о том, что за несколько месяцев, миновавших с назначения нового главы расследования, «успешно прояснились многие аспекты дел, и это преисполнило наши сердца духом энтузиазма»^[383].

И все же в ходе расследования смертей родных Молли Беркхарт всплыла та же проблема, что и при расследовании убийства Роана. Не было объективных доказательств или показаний свидетелей о том, что Хэйл совершил какое-либо из преступлений сам или чужими руками. Уайт понимал, что без неоспоримых доказательств ему не подобраться к этому субъекту, скрывавшемуся за спинами адвокатов, величавшему себя «преподобным» и пользовавшемуся покровительством шерифа, прокуроров, судей и других высокопоставленных чиновников штата.

В отчетах агенты докладывали, что Скотт Мэтис, владелец фирмы «Биг Хилл Трейдинг Компани», а также опекун Анны Браун и Лиззи, – «отъявленный мошенник и явно находится под влиянием Хэйла»^[384]. Компаньон Мэтиса, судя по всему, «шпион их обоих и практикует нечестные сделки, направленные на эксплуатацию индейцев». Начальник полиции Понка Сити «принимал от Билла Хэйла деньги», да и шеф полиции Фэрфакса «тоже никогда не выступит против Хэйла». Местный банкир и опекун «и слова не скажет против, поскольку у них много чего на него есть». Мэр Фэрфакса, «этот архиплут» – ближайший друг Хэйла. Пробывший в должности не один срок окружной прокурор – часть все той же системы, «никуда не годится» и «коррупционирован». Даже федеральный уполномоченный Управления по делам индейцев – «тоже в руках у Хэйла и сделает все, что тот ему велит».

Уайт понимал, что битва за торжество справедливости только начинается. Он писал в отчете, что Хэйл «подчинил себе всю местную систему управления и кажется неуязвимым»^[385]. На первых порах Гувер хвалил Уайта, утверждая, что с тех пор, как тот возглавил расследование, «обстановка стабилизировалась, и оснований для порицаний или критики нет, что для меня несказанное облегчение»^[386]. Теперь же нетерпение директора, прозванного одним журналистом «клубком проводов высокого напряжения»^[387], росло день ото дня.

Из нового расследования Гувер стремился сделать рекламную витрину обновленного Бюро, над реформированием которого продолжал работать^[388]. Требовалось противопоставить нечто серьезное неприглядной картине, оставшейся после деятельности Бёрнса и его коррупционированных детективов, и Гувер сделал упор на интеллект и рациональные методы управления. Основывались они на теориях Фредерика Уинслоу Тэйлора, инженера, считавшего, что предприятием необходимо управлять «на научной основе». Каждый элемент трудового процесса должен быть подвергнут детальному анализу и нормирован. Применяя данные методы в сфере государственной службы, прогрессивисты пытались создать новую модель управления, которая покончила бы с порочной традицией кумовства и коррупции. По их мнению, необходимо сформировать новый класс чиновников-технократов, которые покончат с засильем бюрократии, что напоминало стиль работы президента Герберта Гувера – «великого инженера», прославившегося оперативным управлением усилиями по оказанию гуманитарной помощи во время Первой мировой войны.

По позднейшему утверждению историка Ричарда Джиды Пауэрс, директор Гувер увидел в прогрессивизме отражение собственной одержимости организацией и общественным контролем. Кроме того, тот позволял ему, холодному кабинетному функционеру, выдавать себя за энергичного поборника новой научной эры. То, что Гувер ни разу в жизни не стрелял в преступника, данный имидж лишь укрепляло. Журналисты писали, что временам «полицейских ищек, бесшумных туфель, потайных фонариков и накладных усов» приходит конец, что отныне следователи Бюро станут перенимать технократические методы организации труда^[389]. В одной из статей о Гувере писали: «Он играет в гольф. Кто из легавых старой школы был способен на такое?»^[390]

Однако в ряном реформаторстве прогрессивистов проглядывало и кое-что неприглядное. Многие из них – преимущественно белые протестанты из среднего класса – питали глубокое предубеждение к черным и иммигрантам и были настолько уверены в своей правоте, что презирали всякие демократические процедуры. Эта сторона прогрессивизма отражалась и во взглядах самого Гувера.

Когда он радикально реформировал Бюро, упразднив дублировавшие друг друга структуры и централизовав полномочия, Уайт и другие руководители на местах получили больший контроль над агентами отделений. Однако возросла и ответственность за поступки подчиненных, как дурные, так и хорошие. Уайту вменялось в обязанность регулярно заполнять анкеты, отмечая профессиональное соответствие агентов по стобалльной шкале в таких областях, как «уровень подготовки», «умение делать выводы», «внешний вид», «работа с документами» и «любовность». Сумма всех баллов и была оценкой агента. Однажды Уайт доложил, что один из его агентов получил все 100 баллов, на что директор резко ответил: «К сожалению, лично я не способен представить, чтобы какой бы то ни было агент Бюро мог заслужить подобную оценку»^[391].

Гувер, считавший, что его сотрудники обязаны преодолевать свои недостатки, как он победил детское заикание, избавлялся от всех, кто не отвечал его высоким требованиям. «Я распорядился уволить значительное число сотрудников, – сообщил он Уайту и другим руководителям местных отделений^[392]. – Некоторым явно недоставало способности к обучению, другие не обладали достаточной моральной стойкостью». Нередко Гувер повторял одну из своих излюбленных максим: «Либо ты становишься лучше, либо деградируешь»^[393].

Хотя Гувер и допускал, что кто-то сочтет его «фанатиком», он весьма гневно реагировал на любые нарушения правил. Весной 1925 года он с возмущением сообщал, что уволил некоторых агентов подразделения в Сан-Франциско, позволявших себе пропустить стаканчик, и приказывал Уайту, который тогда еще работал в Хьюстоне – и, кстати сказать, в отличие от своего брата Дока и многих других «ковбоев» спиртного не жаловал, – довести до сведения всех своих подчиненных, что за пьянство их ожидает та же судьба. «Если кто-то становится частью Бюро, он обязан держать себя в руках, чтобы на нашу организацию не пала и тень подозрения», – заявил Гувер^[394].

Свод новых правил для сотрудников – толстенный том под стать Библии – включал в себя не только чисто этические вопросы. Он предписывал агентам, как именно собирать необходимую информацию и как ее обрабатывать. В былые времена агенты могли доложить непосредственному начальнику лично, по телефону или телеграммой. Как следствие, нередко терялись весьма ценные сведения, порой немалого объема.

До прихода в министерство юстиции Гувер работал в Библиотеке Конгресса. «Уверен, что останься он у нас, дослужился бы до директора», – вспоминал коллега^[395]. Именно там Гувер и научился систематизировать большие массивы данных с помощью десятичной системы Дьюи. Сходную модель он взял на вооружение и при организации центрального архива и общего каталога Бюро (досье на политиков со сведениями, позволявшими их шантажировать, хранились отдельно в кабинете секретаря). Теперь от агентов требовали оформлять отчеты по единой форме на одном листе бумаги. Это не только сокращало бумажную работу – еще один статистически измеряемый показатель эффективности, – но и экономило время прокурорам для принятия решения о возбуждении дела.

Уайт и сам умел быть требовательным начальником. Один из агентов, работавших под его руководством в Оклахоме, вспоминал, что все его подчиненные «обязаны были знать свою работу и делать ее»^[396]. Еще один сотрудник, которому выпало работать с Уайтом позже, говорил, что иногда тот мог «резануть правду-матку прямо в глаза»^[397]. С другой стороны, он был куда снисходительнее Гувера к недочетам и нередко старался оградить подчиненных от гнева высшего начальства. Когда директор Бюро взъярился на Уайта за то, что один из его агентов не уложился с отчетом по делу об убийстве осейджей в одну

страницу, тот ответил: «Считаю, я и сам виноват, поскольку прочел этот доклад и одобрил его»^[398].

При Гувере агентов стали считать чем-то вроде взаимозаменяемых деталей одного механизма, как сотрудников крупных корпораций. Это был принципиальный отход от традиций работы полиции, где блюстители закона набирались в основном из местных. Реформы Гувера повысили защищенность агентов от кумовства и прочих соблазнов оседлой жизни и сделали Бюро воистину общенациональной силой, однако их оборотной стороной стало игнорирование региональных различий и лишение сотрудников, постоянно перебрасываемых по стране, тепла человеческих отношений. Уайт, «исходя исключительно из интересов службы»^[399], пытался доказать, что агент, знающий район, в котором действует, и близкий к населению, куда эффективнее. Так, один из сотрудников, работавший в период расследования убийств осейджей под легендой владельца ранчо из Техаса, просто идеально подходил для операций в штатах Фронтiera – «но стоит перевести его в Чикаго, Бостон или Нью-Йорк, толку от него не будет никакого». Однако Гувер был неумолим. Один из его подпевал отмечал в служебной записке: «Тут я с мистером Уайтом совершенно не согласен. Агент, знакомый со спецификой лишь одного региона, пусть лучше подыскивает себе другую работу»^[400].

Агентов натаскивали на новые правила и методики во временном центре подготовки в Нью-Йорке (впоследствии Гувер придал этой программе официальный статус, учредив полноправную академию в Квантико, штат Вирджиния). Все больше и больше сотрудников Бюро обучались методикам, перевозносимым директором как «полицейская работа на научной основе», – таким как отпечатки пальцев и баллистическая экспертиза. Одновременно преподавались строгие методы сбора доказательств, чтобы дела не прекращались и не клялись под сукно из-за несоблюдения юридических формальностей, как это было с первыми попытками расследований убийств осейджей.

У некоторых агентов, в особенности опытных, Гувер и его предписания вызывали лишь презрение. Один ветеран советовал новобранцам: «Сначала позабудьте обо всем, что вам вбивали в головы в Вашингтоне. А потом выбросьте эти окаянные инструкции»^[401]. В 1929 году один из агентов подал в отставку, сетуя на то, что нововведения направлены «скорее против служащих Бюро, чем против преступников»^[402].

Случалось, и Уайт был недоволен предписаниями Гувера, но он не мыслил себя вне Бюро, где был участником таких событий, о которых на другой службе и мечтать не мог. Пришлось измениться. Уайт старался аккуратно, без помарок и исправлений, печатать отчеты на пишущей машинке и перевозносил преимущества научных методов ведения следствия. Позднее он сменил ковбойскую шляпу на мягкую фетровую, а также по примеру шефа освоил игру в гольф. Перекатывая мячи по безупречной зелени газона в компании могущественных и богатых бездельников, Уайт скоро стал практически неотличим от гуверовских «мальчиков из колледжа».

Глава 17

Стрелок, «медвежатник» и химик

Осенью 1925 года Уайт попытался убедить Гувера, что собрал достаточно доказательств, чтобы упрятать преступников за решетку. В докладной записке отмечалось, что агент под прикрытием постоянно следит за Хэйлом на ранчо. Давление, которое побуждало скорее покончить с делом, исходило не только со стороны Гувера. За то недолгое время, которое Уайт занимался расследованием, он видел, как вокруг домов осейджей каждую ночь горят огни, как члены племени не отпускают детей в город одних, как все больше и больше местных продают свои дома и переезжают в отдаленные штаты или даже в другие страны, такие как Мексика и Канада (впоследствии одна индианка назвала это «исходом»^[403]). Отчаяние осейджей было очевидным, равно как и их недоверие в отношении следствия. Что сделало для них правительство США? Почему они, в отличие от других американцев, вынуждены из своего кармана оплачивать работу министерства юстиции? Почему никто не арестован? Вождь племени сказал: «Я заключил с белым человеком мир и сложил оружие,

чтобы никогда больше не брать его в руки, а теперь мне и моим соплеменникам приходится страдать»^[404].

Уайт уже понял, что предвзято настроенные и коррумпированные белые граждане никого из своего круга в убийстве индейцев не обвинят, поэтому он решил изменить стратегию. Нужно было попытаться отыскать новых свидетелей в среде самых одиозных и опасных людей в Оклахоме – отверженных с Осейдж-Хиллз. Судя по сообщениям от агентов и информаторов, таких как Моррисон, можно было предположить, что кое-кто из этих головорезов что-то знает об убийствах. Рассчитывать на то, что они будут меньшими расистами, не приходилось. Тем не менее, поскольку некоторых из них недавно арестовали или осудили за совершение преступлений, в руках у Уайта хотя бы появлялись рычаги для оказания на них определенного давления. Особенно часто всплывало имя одного преступника, отбывавшего в канзасской тюрьме десятилетний срок за грабеж Дика Грегга, бывшего члена банды Эла Спенсера.

Тот как-то сказал агенту Бергеру, что кое-что знает об убийствах, но не хочет никого предавать. В отчете Бергер разочарованно писал: «Грегг стопроцентный преступник и ничего не скажет»^[405]. Адвокат и опекун Комсток хорошо знал отца Грегга и консультировал всю семью по правовым вопросам. Гувер все еще не доверял Комстоку, однако именно тот использовал свои связи, чтобы убедить молодого преступника (ему было 24) сотрудничать с Бюро.

Наконец с Греггом встретился сам Уайт. Он всегда фиксировал в уме приметы преступника, чтобы лучше его запомнить – умение, приобретенное еще во времена службы на Фронтире, когда ни фотопортретов арестованных в анфас и профиль, ни отпечатков пальцев еще не было. Когда несколько десятилетий спустя Уайта попросили описать Грегга, он ответил с замечательной точностью: «Очень невысокий, ростом около пяти футов шести дюймов и весом примерно сто двадцать пять фунтов, белая кожа, голубые глаза, светло-каштановые волосы. Довольно приятной наружности»^[406]. По словам прокурора, однако, привлекательная внешность была обманчива, за ней скрывался «холодный, жестокий и расчетливый преступник»^[407], готовый «без колебаний совершить убийство». Однако, по мнению Уайта, Грегг принадлежал к той категории правонарушителей, которые по своей сути не были плохими, а при наличии надлежащего образования могли бы даже «добиться успеха»^[408].

Несмотря на все свое хладнокровие, выдавать Хэйла Грегг побаивался. Он сказал, что, если об этом узнают, «моя жизнь не будет стоять и понюшки табаку»^[409]. Все же, надеясь скостить срок за ограбление, он согласился рассказать то, что ему было известно. Однажды летом 1922 года главарь их шайки Эл Спенсер сказал ему, что Хэйл хочет с ними встретиться, а потому Спенсер, Грегг и еще несколько сообщников направились к одному из пастбищ фермера близ Фэрфакса. Тот примчался верхом на лошади, выскочив из высоких луговых трав прерии. Собравшись на берегу ручья, они все выпили виски. Затем Хэйл отвел Спенсера в сторону. Когда они вернулись, встреча закончилась. Спенсер передал их разговор: Хэйл сказал, что заплатит ему и его банде не менее 2000 долларов за устранение супружеской пары – старика и его «скво», то есть жены-индианки. Спенсер поинтересовался, кого именно надо замочить.

– Билла Смита и его жену, – ответил Хэйл^[410].

Спенсер сказал, что не настолько жесток, чтобы убить женщину за деньги. «Это не мой стиль», как он выразился^[411]. Хэйл предложил, что исполнителем мог бы стать Грегг. Однако тот тоже с презрением отказался.

Уайт считал, что Грегг «говорит правду»^[412] и его отказ совершить заказное убийство свидетельствует о том, что он «преступник с определенным представлением о чести»^[413]. Хотя показания Грегга напрямую изобличали Хэйла как заказчика убийства, с правовой точки зрения ценность их была невелика. В конце концов, они исходили от заключенного, стремившегося сократить свой срок. Единственный человек, способный их подтвердить – Спенсер, – к тому времени уже был застрелен отрядом правоохранителей (газета «Похаска

дейли кэпитал» писала: «Известный бандит умер с пачкой десятитысячных закладных в одной руке и винчестером в другой посреди тех самых холмов, которые при жизни давали ему укрытие, а теперь стали могилой»).

Во время одного из допросов Грегг сказал, что агентам надо разыскать Керли Джонсона, который работает вместе с грабителем Блэки Томпсоном. «Джонсон знает все о подложенной Смитам бомбе и запоет, если взять его в оборот», – пообещал Грегг^[414]. Однако выяснилось, что и тот уже в могиле. Меньше года назад он скорострительно скончался – говорили, от поддельного алкоголя.

Отчаянные поиски свидетелей в конце концов вывели Уайта на Генри Грэммера, звезду родео и бутлегера, который, кажется, примерно раз в год устраивал с кем-нибудь разборку со стрельбой («Генри Грэммер снова стреляет», – гласил один из газетных заголовков^[415]). Хотя обычно они с Хэйлом вращались в разных кругах, Уайт тем не менее установил, что эти двое очень давно знакомы – еще с той самой поры, когда будущий «король Осейдж-Хиллз» явился сюда на рубеже веков. Во время соревнования по родео в 1909 году они оба выступали за команду местных ковбоев против ковбоев из округа Чероки. «Черокцы не соперники осейджским метателям лассо», – писала газета «Маскоги таймс-демократ»^[416]. К 1925 году Хэйл давно оставил свое прошлое, но с того соревнования сохранился выцветший снимок. На нем они оба, он и Грэммер, гордо восседают на лошадях, поднимая вверх смотанные лассо.

Незадолго до того как дом Смитов взлетел на воздух, Хэйл сказал друзьям, что уезжает в Форт-Уэрт, штат Техас, посмотреть выставку скота. Уайт перепроверил алиби и установил, что фермера сопровождал Грэммер. Один из свидетелей слышал их разговор, в котором проскользнуло нечто вроде того, что к «этому индейскому дельцу» все готово^[417].

Однако и Грэммера, как и других потенциальных свидетелей против Хэйла, уже не было в живых. 14 июня 1923 года, три месяца спустя после взрыва дома Смитов, он погиб, когда его «Кадиллак» потерял управление и перевернулся. Легендарный стрелок умер от потери крови на безлюдной проселочной дороге^[418].

В конце концов, некий «медвежатник» – взломщик сейфов – назвал Уайту и его людям имя еще одного свидетеля подготовки взрыва: Асы Кирби, золотозубого бандита и бывшего сообщника Грэммера. Якобы именно Кирби был «химиком» – экспертом по взрывчатым веществам, изготовившим бомбу. Однако выяснилось, что и тот не мог дать никаких показаний. Спустя несколько недель после смертельной автомобильной аварии Грэммера он посреди ночи вломился в ювелирную лавку, чтобы обчистить тайник с бриллиантами, однако там с ружьем 12-го калибра уже ждал в засаде проинформированный заранее хозяин магазина. Кирби мгновенно отправился в мир иной. То, что хозяина о готовящейся краже со взломом предупредил Уильям К. Хэйл, Уайта не слишком удивило.

Воспрепятствовав краже драгоценностей, Хэйл укрепил свою репутацию защитника правопорядка. Однако еще один уголовник поведал Уайту, что сам Хэйл и подстрекал к грабежу – рассказал Кирби о бриллиантах и предложил идеальное время для совершения кражи со взломом. Очевидно, этот план имел отношение к более масштабному заговору, и длинный список мертвых свидетелей вызывал подозрения Уайта. Он принялся выяснять подробности об автомобильной катастрофе Грэммера. Знавшие того люди считали, что рулевое колесо и тормоза его «Кадиллака» были выведены из строя. А вдова Керли Джонсона не сомневалась, что ее мужа убили – отравили – Хэйл и его сообщники. Когда Уайту в конце концов стало известно о потенциальном свидетеле по делу об убийстве Роана, выяснилось, что того забили до смерти. Казалось, любого, представлявшего опасность, устраняли. «Медвежатник» сказал, что Хэйл «позаботился о слишком многих людях», и добавил: «Так что я лучше позабочусь о себе сам»^[419].

То, что Уайту до сих пор не удавалось найти живых свидетелей, связывало ему руки. Преступник, казалось, понимал, что агенты идут по его следу. «Хэйл знает все», – сказал им информатор Моррисон. Были подозрения, что и он, возможно, ведет двойную игру^[420].

Агентам стало известно, как он сказал другу, что все знал об убийствах и до сих пор спасал Хэйлу «его чертову шею»^[421].

Тем временем Хэйл, стремясь упрочить свою власть, начал еще больше швырять деньгами направо и налево. В одном из отчетов агент Рен писал, что тот развернул «такую пропаганду, на которую только был способен, дабы завоевать популярность у всех слоев населения, раздавая подарки, одежду и даже ссуды разным людям»^[422]. Он даже «дарил мальчишкам пони».

Агент, работавший под легендой техасского скотовода, мало-помалу сдружился с Хэйлом. Тот рассказывал ему истории из дней ковбойской юности, и они вместе ездили осматривать стада. Агент докладывал, что Хэйл открыто смеялся над следователями. «Я слишком хитер и бдителен, меня так просто не возьмешь», – хвастал он^[423].

Уайт видел Хэйла на улицах Фэрфакса, в галстук-бабочке и с высоко задранном носом – воплощение всего того, с чем бывший рейнджер, его братья, а прежде их отец боролись всю жизнь. Преступник вел себя так, «словно ему принадлежит весь мир»^[424].

Когда из-за того, что обрывалась очередная многообещающая ниточка, напряжение становилось нестерпимым, Уайт порой брал винтовку и скрывался в полях. Заметив утку или другую летящую птицу, он прицеливался и стрелял до тех пор, пока воздух не наполнялся дымом, а земля не обгалялась кровью.

Глава 18

Состояние игры

Совершенно неожиданно Уайт получил новую наводку. В конце октября 1925 года он встречался с губернатором Оклахомы и обсуждал с ним дело, стараясь не говорить лишнего. После встречи помощник губернатора сказал:

– Мы получили информацию от арестанта в тюрьме города Мак-Алестер, который утверждает, что ему много известно об убийствах осейджей. Его зовут Берт Лоусон. Возможно, вам следует с ним поговорить^[425].

В надежде на новый след Уайт и агент Фрэнк Смит тотчас отправились в Мак-Алестер. О заключенном они знали мало, лишь то, что он был из округа Осейдж и уже неоднократно имел конфликты с законом. В 1922 году Лоусона обвинили в убийстве, но оправдали после того, как он заявил, что рыбак первый бросился на него с ножом. Менее чем через три года за кражу со взломом второй степени мужчину приговорили к семилетнему заключению.

Уайт предпочитал разговаривать со свидетелем в незнакомом для того месте, чтобы вывести из равновесия, поэтому Лоусона привели в комнату, примыкающую к кабинету директора тюрьмы. Уайт посмотрел на представшего перед ним человека: маленький, полный, среднего возраста, с длинными белыми волосами. Допрашивавших Лоусон называл «крутыми федералами»^[426].

– Мы слышали от губернатора, что ты что-то знаешь об убийствах осейджей^[427], – сказал Уайт.

– Так и есть, – ответил Лоусон. – Я хотел бы снять с души этот камень.

В ходе ряда допросов он рассказал, что в 1918 году батрачил на ранчо Билла Смита и там познакомился с Хэйлом и его племянниками Эрнестом и Брайаном. В подписанном показании Лоусон признавался: «В начале 1921 года я узнал о любовной связи моей жены со ... Смитом, из-за чего я в конце концов потерял и семью, и работу»^[428]. Больше года спустя его отыскал Эрнест, знавший о его ненависти к Смиту. Лоусон вспоминал, что племянник Хэйла «обратился ко мне и сказал:

– Берт, я хочу предложить тебе кое-что.

Я спросил:

– Что, Эрнест?

Тот ответил:

– Я хочу, чтобы ты взорвал Билла Смита и его жену».

Лоусон отказался. Тогда к нему пришел уже сам Хэйл и пообещал за «работу» пять тысяч долларов наличными. По его словам, можно использовать нитроглицерин – и всего-то надо заложить под дом Смита бикфордов шнур. Лоусон вспоминал:

«Затем Хэйл достал из кармана около трех футов белого бикфордова шнура и сказал:
– Я покажу тебе, как с ним обращаться.

Он взял перочинный нож и отрезал небольшой кусок ... потом вынул из кармана спички и поджег тот с одного конца».

Лоусон снова отказался, однако вскоре после того, как его арестовали за убийство рыбака, Хэйл, который в качестве заместителя шерифа имел право посещать тюрьму, опять пришел к нему:

– Берт, тебе скоро понадобятся адвокаты, а я знаю, что у тебя нет денег, чтобы им заплатить. Я хочу, чтобы ты сделал эту работу.

Лоусон сказал:

– Хорошо, Билл. Я сделаю.

Вскоре после этого однажды вечером камеру открыл другой помощник шерифа и отвел Лоусона к сидевшему в машине Хэйлу. Они поехали к одному дому в Фэрфаксе, где их уже ждал Эрнест.

Хэйл сказал ему принести «ящик», и Эрнест притащил деревянный контейнер. Внутри был кувшин, наполненный нитроглицерином, из носика торчал длинный, свернутый бикфордов шнур. Аккуратно погрузив ящик в машину, троица поехала к дому Смита.

– Я вышел, взял ящик, а Хэйл и Эрнест уехали, – сказал Лоусон. – Затем я пробрался через черный ход в подвал Смита. Там я положил коробку в дальний угол и проложил бикфордов шнур, как показал мне Хэйл. ... Затем я уселся в темноте и стал ждать.

Лоусон продолжал:

– Я увидел, что включили свет. Думаю, они раздевались и укладывались спать, потому что вскоре после этого свет погас. Я еще посидел, не знаю, сколько времени, но думаю, около часа. Потом я решил, что все уже заснули, и поджег бикфордов шнур. ... Едва тот загорелся, я рванул оттуда со всех ног.

Раздался взрыв. Хэйл и Эрнест ждали неподалеку и отвезли Лоусона в тюрьму, где другой заместитель шерифа вновь запер его в камере. Перед уходом Хэйл предупредил:

– Если вздумаешь болтать, мы тебя убьем.

Уайт и агент Смит едва сдерживали эмоции, хотя к рассказу Лоусона еще оставались вопросы. Так, он не упомянул об участии Кирби, «химика». Однако тот мог сделать бомбу для Хэйла и без ведома Лоусона. Эти нестыковки еще предстояло прояснить, но, по крайней мере, нашелся наконец свидетель, давший показания о прямом участии Хэйла в преступлениях.

24 октября 1925 года, через три месяца после того, как Уайт принял дело, он отправил Гуверу телеграмму, в которой не мог скрыть торжества:

«Получено признание Берта Лоусона в том, что он подложил бомбу под дом Билла Смита, а подстрекателями и сообщниками были Эрнест Беркхарт и У. К. Хэйл»^[429].

Гувер ликовал. Получив телеграмму, он незамедлительно отправил ответ: «Поздравляю!»^[430]

Тем временем Комсток, который помогал следователям убедить свидетелей дать показания и в котором Уайт больше не сомневался, начал получать угрозы. Спал адвокат теперь в своем кабинете, в центре Похаски, не расставаясь все с тем же револьвером 44-го калибра модели «английский бульдог».

– Однажды, подойдя открыть окно, он обнаружил за занавеской динамитные шашки, – вспоминал родственник^[431].

Их удалось обезвредить. Однако родственник добавлял:

– Хэйл со своей бандой были полны решимости его убить.

Кроме того, Уайта очень беспокоила судьба Молли Беркхарт. Хотя в донесениях говорилось, что она больна диабетом, его продолжали терзать подозрения. Хэйл нагромоздил гору трупов, преуспев в том, чтобы сделать женщину наследницей большей части семейного состояния. Однако план казался не доведенным до конца. Хэйл имел доступ к богатствам Молли через Эрнеста, однако племянник пока не контролировал их напрямую, и возможным это становилось только в том случае, если бы жена умерла и завещала состояние ему. Служанка в их доме рассказала агенту, как однажды вечером подвыпивший Эрнест пробормотал, что боится, как бы с Молли чего не приключилось. Казалось, он и сам напуган неизбежной развязкой задуманного плана.

Джон Рен, агент-индеец, недавно разговаривал со священником Молли. Тот сказал, что она перестала ходить в церковь и это на нее не похоже. До него доходили слухи, что члены семьи удерживают женщину насильно. Священник был явно встревожен своим нарушением неразглашения тайн прихожан, однако вскоре сообщил о полученном от Молли тайном послании: она боялась, что кто-то пытается ее отравить. Учитывая, что яд в виски был одним из самых вероятных методов убийства, священник в ответе предостерегал ее «ни в коем случае не пить ни капли спиртного»^[432].

Однако, скорее всего, диабет Молли позволял вводить ей яд гораздо коварнее. Кое-какие городские врачи, в том числе братья Шоун, некоторое время уже делали Молли инъекции якобы инсулина. Однако ее состояние не только не улучшалось, а скорее ухудшилось. Должностные лица из Управления по делам индейцев также выражали обеспокоенность тем, что Молли, возможно, медленно травит. Чиновник министерства юстиции писал, что ее «болезнь очень подозрительна, если не сказать больше»^[433]. «Срочно необходимо, – продолжал он, – доставить пациентку в какую-нибудь пользующуюся хорошей репутацией больницу для проведения диагностики и лечения без вмешательства ее мужа».

В конце декабря 1925 года Уайт понял, что больше ждать нельзя, хотя проверка деталей признательных показаний Лоусона была далека от завершения и оставались кое-какие противоречия. Лоусон не только не упоминал Кирби, но и настаивал, что во время взрыва Хэйл находился в Фэрфаксе, а не в Форт-Уэрте с Грэммером, как утверждал ряд свидетелей. Тем не менее Уайт срочно запросил ордера на арест Хэйла и Эрнеста Беркхарта за убийство Билла и Риты Смит и их служанки Нетти Брукшир. 4 января 1926 года ордера были получены. Поскольку сами агенты не имели права производить арест, они привлекли федеральных маршалов и других стражей порядка, включая шерифа Фриса, переизбранного после отстранения от должности.

Несколько сотрудников быстро обнаружили Эрнеста Беркхарта в его любимом заведении – бильярдной Фэрфакса – и доставили в тюрьму города Гатри, примерно в 80 милях к юго-западу от Похаски. Однако Хэйла найти не удалось. Агенту Рену стало известно, что тот заказал себе новый костюм и сказал, что намерен срочно уехать из города. Власти уже испугались, что главный подозреваемый скрылся, когда он внезапно вошел в кабинет шерифа Фриса. Вид у него был как для официального приема: в безупречно отутюженном костюме, отполированных до блеска туфлях, фетровой шляпе и пальто, на лацкане которого красовалась инкрустированная бриллиантами булавка масонской ложи.

– Я слышал, меня разыскивают, – сказал он и объяснил, что сам пришел сдаваться. – А потому посылать за мной ребят нет нужды^[434].

Когда его привезли в тюрьму Гатри, его встречал там местный журналист. Глубоко посаженные глаза Хэйла горели, а двигался он, по словам репортера, «как дикий зверь в клетке»^[435].

Журналист спросил его:

– Вам есть что сказать?

– Кто вы? – поинтересовался Хэйл, не привыкший, чтобы к нему приставали с расспросами.

– Газетчик.

– Я буду обсуждать свое дело не в газетах, а в окружном суде.

В надежде, что Хэйл хоть что-то о себе расскажет, журналист спросил:

– Сколько вам лет?

– Мне 51 год.

– Сколько вы уже живете в Оклахоме?

– Лет двадцать пять.

– Вы достаточно хорошо известны здесь, не так ли?

– Возможно.

– У вас много друзей?

– Надеюсь.

– Разве они не хотели бы услышать ваши слова, даже если вы просто заявите: «Я невиновен»?

– Я буду говорить о своем деле с судебной, а не с газетной трибуны. Не правда ли, сегодня холодный вечер?

– Да. Как в этом сезоне скотоводческий бизнес?

– Очень хорошо.

– Путь от Похаски был долгим?

– Да, но у нас в авто были подняты занавески.

– Так как насчет заявления?

Хэйл еще раз отрицательно помотал головой, и его увели. Если он и был выведен из равновесия, то лишь ненадолго. На момент допроса к нему вновь вернулась уверенность, даже дерзость. Он был убежден в своей неуязвимости и настаивал на том, что следователи совершили ошибку. Казалось, неприятности были у Уайта, а не у него.

Уайт предвидел, что Хэйл своих грехов не признает никогда, уж точно не перед стражами порядка, а может, даже и перед Богом, к которому столь часто обращался. Поэтому единственная надежда была на Эрнеста Беркхарта.

– При одном взгляде на него было сразу ясно, что он слабохарактерен, – отмечал Уайт^[436].

Работавший вместе с ним прокурор выразился еще откровеннее:

– Наш выбор пал на Эрнеста Беркхарта, потому что его можно было сломать^[437].

Беркхарта привели в камеру на втором этаже федеральной тюрьмы в Гатри, служившую временной комнатой для допросов, так называемым «ящиком». Он был в собственной одежде и, по словам Уайта, выглядел как «провинциальный денди, разодетый в стиле Дикого Запада – дорогие ковбойские сапоги, яркая рубашка, крикливый галстук и сшитый на заказ по высшему классу костюм»^[438]. Арестованный нервно ходил по комнате и облизывал губы.

Уайт и агент Фрэнк Смит приступили к допросу.

– Мы хотели бы поговорить с вами об убийствах Анны Браун и семьи Билла Смита, – сказал Уайт^[439].

– Черт, да я об этом ничего не знаю, – заявил Эрнест.

Уайт пояснил, что они допросили в тюрьме человека по имени Берт Лоусон, который сказал совсем другое – а именно, что Беркхарту об этих убийствах многое известно. Однако упоминание имени Лоусона, казалось, не произвело на того никакого впечатления – он продолжал сидеть спокойно как скала, будто это его не касалось.

– Он говорит, что вы участвовали в подготовке взрыва дома Смитов, – сказал Уайт.

– Он лжет, – твердо ответил Беркхарт.

Теперь у Уайта возникли сомнения, где-то в глубине души, возможно, всплывавшие и прежде, но подавляемые: что, если Лоусон действительно врал, просто услышав об этой истории от других преступников в тюрьме? Возможно, он надеялся, что в обмен на показания правоохранительные органы сократят ему срок. Возможно, все признание подстроил Хэйл, как еще одну интригу в грандиозном заговоре. Уайт уже не знал, чему верить. Однако если Лоусон действительно солгал, получить признание Беркхарта было еще важнее, в противном случае все дело разваливалось.

В тесной душной камере Уайт и Смит часами предъявляли собранные ими по каждому убийству доказательства, пытаясь уличить Беркхарта. Иногда в том чувствовалось некое раскаяние, словно он хотел снять груз с души и защитить свою жену и детей. Однако стоило упомянуть Хэйла, как Эрнест буквально коченел на стуле. Дядю он явно боялся сильнее, чем закона.

– Советую вам все рассказать, – произнес Уайт едва ли не умоляюще.

– Тут нечего рассказывать, – сказал Беркхарт.

К полуночи Уайт и Смит сдались и приказали вернуть допрашиваемого в его камеру. На следующий день их ждали новые неприятности. Хэйл заявил, что может доказать – в момент взрыва он находился в Техасе, поскольку получил там телеграмму и расписался за нее. Если он говорил правду – а похоже было на то, – Лоусон действительно все время лгал. Отчаянно желая добраться до преступника, Уайт совершил худший грех следователя и вопреки явным противоречиям поверил в то, во что хотел поверить. Считанные часы оставались до того, как адвокаты Хэйла представят копию телеграммы и его вместе с Беркхартом выпустят – и до того, как вести о том, что Бюро опозорилось, распространятся и в конце концов дойдут до Гувера. А один из его помощников выразился о своем начальнике так: «Того, кого он невзлюбит, он уничтожал»^[440]. Тем временем адвокаты Хэйла уже слили информацию одному журналисту, написавшему о «безупречном» алиби^[441] подозреваемого и отметившему: «Он ничего не боится».

В отчаянии Уайт обратился к человеку, который однажды уже скомпрометировал следствие и стал в глазах агентов персоной нон грата – Блэки Томпсону. Тот был преступником, в чьих жилах текла кровь чероки; в начале расследования его выпустили из заключения как информатора, а потом он убил полицейского. С момента поимки он, позорное пятно на репутации Бюро, о котором предпочли забыть, сидел в тюрьме штата.

Однако из отчетов первого расследования по делу было известно, что Блэки, возможно, располагает решающей информацией об убийствах. Не советуясь с Гувером, Уайт приказал перевести узника в Гатри. Пойди что-нибудь не так, например, соверши Блэки побег или причини кому-нибудь вред, это стало бы концом карьеры Уайта, поэтому он проследил, чтобы за транспортировку отвечал Лютер Бишоп, тот самый сотрудник правоохранительных органов штата, который убил Эла Спенсера. Когда Блэки доставили в здание федеральной тюрьмы, он был скован по рукам и ногам и окружен небольшой армией охранников. На близлежащей крыше Уайт посадил снайпера, через окно державшего заключенного на мушке.

Хотя вначале Блэки казался враждебным, мрачным и заносчивым, но как только его спросили о роли Хэйла и Беркхарта в убийствах осейджей, это настроение, кажется, изменилось. Ранее бандит с нескрываемым ядом и нетерпимостью сетовал, что в этих двоих «слишком много еврейского – они хотят получить все, не давая ничего взамен»^[442].

Агенты сообщили Блэки, что не могут заключить с ним сделку о сокращении тюремного срока. Поэтому вначале он говорил об убийствах весьма неохотно, однако постепенно выбалтывал все больше и больше. Он сказал, что Беркхарт и Хэйл дали ему и его приятелю Керли Джонсону заказ на убийство Билла и Риты Смит. В качестве части вознаграждения Блэки предложили угнать машину Беркхарта. Однажды ночью, когда Эрнест и Молли лежали в постели, бандит так и сделал. Впоследствии полиция арестовала его за кражу автомобиля, и больше он к плану убийства отношения не имел.

Осталось неясным, согласится ли Блэки повторить показания перед судом, но Уайт надеялся, что у него теперь достаточно информации, чтобы спасти дело. Он оставил узника на попечение охранников и вместе с агентом Смитом поспешил провести еще один допрос Беркхарта.

Возвратившись в «ящик», Уайт сказал Эрнесту:

– Мы не удовлетворены ответами, которые вы дали нам вчера вечером. Мы считаем, что вы о многом умолчали.

– Все, что мне известно, не более чем слухи, – сказал Беркхарт.

Тогда Уайт и Смит разыграли последнюю карту: они рассказали, что у них есть еще один свидетель, давший показания об участии Эрнеста в заговоре с целью убийства Билла и Риты Смит.

Зная, что один раз они уже блефовали, допрашиваемый заявил, что не верит им.

– Ну хорошо, если вы сомневаетесь, я прикажу его привести, – сказал агент Смит.

– Приводите, – пожал плечами Беркхарт.

Уайт и Смит ввели в камеру Блэки. В то время как снайпер с крыши держал его на мушке, он уселся напротив явно пораженного Беркхарта.

Агент Смит обратился к Блэки и спросил:

– Вы рассказали мне ... правду о предложении, сделанном вам Эрнестом Беркхартом?^[443]

– Да, сэр.

– Убить Билла Смита? – уточнил агент Смит.

– Да, сэр.

– Верно ли, что Эрнест как часть оплаты за этот заказ пообещал вам свой автомобиль?

– Да, сэр.

Блэки, явно наслаждаясь моментом, посмотрел Беркхарту прямо в лицо:

– Эрнест, я рассказал им все.

Тот побледнел. После того как Блэки увели, Уайту показалось, что Беркхарт готов сделать признание. Однако всякий раз в шаге от этого он замолкал, не решаясь обвинить Хэйла. В полночь, оставив Беркхарта под охраной других агентов, Уайт вернулся в гостиницу. Он не знал, что делать дальше. Измученный и павший духом, он повалился на кровать и заснул.

Вскоре его разбудил телефонный звонок. Опасаясь, что что-то пошло не так (например, Блэки Томпсон сбежал), Уайт схватил трубку и услышал взволнованный голос одного из агентов:

– Беркхарт готов рассказать все. Но не нам. Сказал, что будет говорить только с тобой.

Когда Уайт вошел в камеру, Беркхарт сидел на стуле поникший, усталый и сломленный. Он сказал, что никого не убивал, но знает, кто это сделал.

– Я хочу все рассказать, – произнес он.

Уайт напомнил Беркхарту о его правах, и тот подписал бумагу: «После предупреждения и без обещания мне неприкосновенности от судебного преследования я по собственной воле и желанию делаю следующее заявление»^[444].

Беркхарт начал говорить об Уильяме Хэйле, о том, как в юности восхищался им, как выполнял для него всевозможные работы и неизменно следовал его указаниям.

– Я во всем полагался на дядю Билла, – сказал он^[445].

Хэйл был вдохновителем всего дела. В деталях интриги дяди Беркхарту оставались неизвестны, тот изложил племяннику только план убийства Риты и Билла Смитов. Беркхарт сказал, что он запротестовал, услышав о намерении взорвать дом и всех, кто в нем находился, в том числе и его родственников.

– Тебе что за печаль? – ответил Хэйл. – Зато твоя жена получит деньги.

Беркхарт сказал, что в конце концов согласился с планом дяди, как всегда. Хэйл сначала обратился к уголовникам Блэки Томпсону и Керли Джонсону, которые должны были устроить кровавую расправу. В позднейших показаниях Беркхарт вспоминал: «Хэйл велел мне встретиться с Керли Джонсоном и выяснить, насколько тот действительно крут и хочет ли подзаработать, а также передать ему, что речь идет об устранении «подкаблучника краснокожей», имея в виду Билла Смита»^[446]. Когда Джонсон и Блэки не смогли сделать эту работу, выбор Хэйла пал на Эла Спенсера. Поскольку и тот отказался, Хэйл поговорил с бутлегером и звездой родео Генри Грэммером, который обещал найти подходящего человека.

– Всего за несколько дней до взрыва Грэммер сообщил, что это мог бы сделать Аса Кирби, – вспоминал Беркхарт. – Так мне передал Хэйл^[447].

Беркхарт заявил, что Лоусон никакого отношения к взрыву не имел:

– Вы взяли не того человека^[448].

(Впоследствии Лоусон признался Уайту: «Вся моя история была ложью. Все, что мне известно о взрыве дома Смитов, я узнал в каталожке... я совершил ошибку»^[449].)

Беркхарт сказал, что Хэйл с Грэммером действительно поехали в Форт-Уэрт ради алиби. Перед отъездом дядя поручил племяннику передать сообщение работавшему на Грэммера скотокраду и бутлегеру Джону Рэмси. Тот должен был сказать Кирби, что настало время выполнить «работу». Беркхарт передал сообщение и в вечер взрыва был дома с Молли.

– Когда это произошло, я лежал с женой в постели, – вспоминал он^[450]. – На севере вспыхнуло зарево. Жена подошла к окну и выглянула на улицу.

Она сказала, что, похоже, горит чей-то дом.

– Тогда я понял, что это.

Беркхарт также представил важные сведения о том, как Хэйл организовал убийство Роана, чтобы получить деньги по страховке.

– Я знаю, кто застрелил Генри, – сказал Беркхарт и назвал имя Рэмси^[451].

Дело росло как снежный ком. Уайт позвал дежурившего неподалеку агента Смита и сказал ему:

– Немедленно возьмите под стражу подозреваемого Джона Рэмси^[452].

Того арестовали и доставили на допрос. Худой и высокий, он утонул в рабочем комбинезоне, черные волосы были сальными, а ходил он, чуть прихрамывая. Один журналист сказал, что он производил впечатление «нервного – возможно, опасного»^[453].

Согласно отчетам Уайта и других агентов, Рэмси настороженно озирался и заявил, что ничего не знает. Тогда ему предъявили показания Беркхарта. Рэмси уставился на документ, словно проверяя его на подлинность. Так же, как Уайт и Смит ранее представили Беркхарту Блэки, теперь они привели самого Беркхарта, чтобы тот подтвердил свои показания. Рэмси поднял руки и сказал:

– Полагаю, теперь у меня на шее петля. Берите карандаши, записывайте^[454].

Согласно его показаниям, в начале 1923 года Грэммер сказал ему, что Хэйлу надо «сделать небольшую работу»^[455]. Когда Рэмси спросил, о чем речь, Грэммер ответил, что нужно убить одного индейца. Рэмси, называвший план «состоянием игры», в конце концов согласился и заманил Роана в каньон, пообещав виски.

– Мы присели на подножку его машины и выпили, – рассказал Рэмси. – Потом индеец, собираясь ехать, сел за руль, и я выстрелил ему в затылок. Где-то с расстояния одного или двух футов. Затем я вернулся к своей машине и вернулся в Фэрфакс.

Уайт заметил, что Рэмси все время говорил не «Роан», а «индеец». Словно оправдывая свое преступление, он добавил: «Белые в Оклахоме относятся к убийству краснокожих так же, как и двести лет назад»^[456].

Оставался еще вопрос об убийстве сестры Молли Анны Браун. Эрнест Беркхарт уклонялся от прямого ответа о роли своего брата Брайана, очевидно, не желая его впутывать. Однако раскрыл личность таинственного третьего человека, которого видели с Анной незадолго до ее смерти. Агенты его знали, и даже слишком хорошо: это был их тайный осведомитель Келси Моррисон, как раз и привлеченный для установления этого третьего. Он не просто вел двойную игру, передавая информацию Хэйлу, но и был его сообщником. По словам Эрнеста, именно Моррисон произвел смертельный выстрел в голову Анны Браун.

Власти схватили Моррисона и обеспечили Молли Беркхарт врачебный осмотр. Казалось, она была при смерти, и судя по симптомам, власти почти не сомневались в том, что кто-то тайком – медленно, чтобы не возбуждать подозрений – ее травил. В позднейшем отчете агент отмечал: «Доказанный факт, что состояние ее здоровья улучшилось сразу после вывода ее из-под контроля Беркхарта и Хэйла»^[457].

Беркхарт так никогда и не сказал, что знал об отравлении Молли. Вероятно, это был один из тех грехов, в которых он не мог признаться. Хотя, возможно, Хэйл не доверил ему убить собственную жену.

Братьев Шоун вызвали и допросили о лечении Молли. Один из работавших с Уайтом прокуроров спросил Джеймса:

– Вы кололи ей инсулин?^[458]

– Возможно, – ответил Шоун.

– Разве ее не забрали из-под вашей опеки и не отправили в больницу Похаски? Так вы не кололи ей никакого инсулина? – нетерпеливо переспросил прокурор.

Шоун сказал, что, возможно, неясно выразился:

– Я не хотел бы запутаться и навлечь на себя неприятности.

Прокурор еще раз спросил, вводил ли он ей лекарство.

– Да, я делал ей уколы.

– От чего?

– От сахарного диабета.

– И в результате ей стало хуже?

– Я не знаю.

– В конце концов, ей стало настолько плохо, что ее забрали из-под вашего попечения и доставили в больницу в Похаске, где благодаря другому врачу ее состояние сразу улучшилось?

Джеймс Шоун и его брат отрицали любые неправомерные действия со своей стороны, и Уайт не мог доказать их виновности в отравлении. Когда Молли стало лучше, власти ее допросили. Она не любила, чтобы в ней видели жертву, но однажды призналась, что была напугана и загнана в тупик. Иногда она прибегала к услугам переводчика, помогавшего ей с английским – языком, словно подернувшимся для нее завесой тайны, превосходящей понимание. Адвокат, помогавший прокуратуре допросить Молли, объяснил ей:

– Мы все ваши друзья и на вашей стороне^[459].

Он сказал ей, что ее муж, Эрнест, дал признательные показания об убийствах, вдохновителем которых, скорее всего, был Хэйл, в том числе взрыва дома ее сестры Риты.

– Билл Хэйл и ваш муж родственники? – добавил он.

– Да, сэр, – подтвердила она.

Адвокат спросил, находился ли Хэйл в момент взрыва у них дома.

– Нет. Дома были только я, муж и дети.

– В тот вечер к вам больше никто не заходил?

– Нет.

– Ваш муж весь вечер был дома?

– Да, весь вечер.

Адвокат спросил, рассказывал ли ей когда-нибудь Эрнест о заговоре Хэйла. Она ответила:

– Он ничего мне об этом не говорил.

По ее словам, все, что она хотела, это наказать тех, кто сотворил это с ее семьей.

– Независимо от того, кто они? – спросил адвокат.

– Да, – решительно ответила она. Но она не могла, не хотела поверить, что Эрнест участвовал в заговоре. Впоследствии один автор приводил ее слова: «Мой муж хороший, добрый человек. Он бы этого не сделал. Он никому не причинил бы вреда и никогда не причинил бы вреда мне»^[460].

Адвокат спросил ее:

– Вы любите мужа?

После секундной паузы она сказала:

– Да.

Вооруженный показаниями Эрнеста Беркхарта и Рэмси, Уайт приступил к допросу Хэйла. Сидя напротив него, с виду безупречного джентльмена, следователь, однако, твердо знал, что на совести этого человека убийства почти всех родных Молли, а также нескольких свидетелей и участников составленного им заговора. Кроме того, открылось еще одно шокирующее обстоятельство: если верить некоторым близким к Анне Браун людям, у Хэйла был с ней роман и забеременела она от него. Если это так, значит, он убил собственного неродившегося ребенка.

Уайт пытался сдержать клокотавшие внутри эмоции, когда Хэйл поприветствовал его и агента Смита с той же отменной вежливостью, которую продемонстрировал при аресте. Беркхарт как-то сказал, что при первой встрече его дядя производил впечатление лучшего из всех «виденных вами дотоле людей, но лишь пока вы не узнавали его поближе», и добавлял: «Встретившись с ним, вы в него буквально влюблялись. Так же он действовал и на женщин. Но чем дольше вы с ним оставались, тем вернее он до вас добирался и впивался в вас»^[461].

Уайт времени не терял. Как он вспоминал впоследствии, он сказал Хэйлу:

– У нас есть неоспоримые признания, что вы стояли за убийствами Генри Роана и семьи Смит. Улик достаточно для предъявления вам обвинения^[462].

Однако, даже когда Уайт подробно изложил Хэйлу сокрушительные показания против него, тот казался невозмутимым, как будто оставался хозяином положения. Келси Моррисон уже говорил агентам об уверенности Хэйла в том, что «в округе Осейдж деньги способны защитить любого, независимо от преступления, в котором его обвиняют»^[463].

Уайт не мог предвидеть ожесточенной, наделавшей много шума судебной баталии, докатившейся до Верховного суда США и едва не стоившей следователю карьеры. Поэтому, надеясь закрыть дело как можно аккуратнее и быстрее, он сделал последнюю попытку убедить Хэйла признаться.

– Думаю, вы не захотите ввергнуть [вашу семью] в пучину долгого судебного разбирательства со всеми его грязными разоблачениями, стыдом и позором, – сказал Уайт^[464].

Хэйл взглянул на него с веселым энтузиазмом и ответил:

– Я буду бороться^[465].

Глава 19 Предатель собственной крови

Вести об арестах и ужасные подробности преступлений шокировали нацию. Газеты писали о «хорошо организованной, дьявольски безжалостной банде, устранявшей богатых осейджей – наследников нефтеносных земель – пулями, ядами и бомбами»^[466]; об убийствах, перед которыми «меркнут времена Фронтiera»^[467]. Сообщалось и об усилиях федерального правительства по привлечению к уголовной ответственности и справедливому наказанию предполагаемого «короля убийц»^[468].

До сих пор внимание Уайта было сосредоточено на делах членов семьи Молли Беркхарт и Роана. Связать Хэйла со всеми двадцатью четырьмя убийствами в округе Осейдж или гибелью адвоката Вогана и нефтепромышленника Макбрайда пока не удавалось. Тем не менее Уайт и его команда смогли показать, какую выгоду Хэйл извлек как минимум из двух других смертей. Первым было предполагаемое отравление осейджа Джорджа Бигхарта, перед смертью передавшего информацию Вогану. От свидетелей Уайту стало известно, что незадолго до того, как Бигхарта спешно доставили в больницу, с ним видели Хэйла, а после смерти индейца тот подал иск на 6000 долларов к его наследникам, предъявив подделанное заемное письмо. Эрнест Беркхарт рассказал, что дядя специально практиковался писать похожим почерком. Также вскрылась причастность к отравлению осейджа Джо Бейтса в 1921 году. После того как тот, женатый и имевший шестерых детей, внезапно умер, Хэйл предъявил сомнительный документ на его землю. Позже вдова Бейтса написала в Управление по делам индейцев письмо: «Хэйл спаивал моего мужа больше года, приходил в дом и просил его продать наследственные земельные доли. Джо, как ни был пьян, неизменно

отказывался. Я никогда не поверю, что он продал эту землю, он и за несколько дней до смерти говорил мне, что не продаст. ... И все же Хэйл получил ее»^[469].

Несмотря на жестокость преступлений, многие белые не скрывали своей увлеченности этой ужасной историей. «Захватывающий заговор с целью убийства индейцев-осейджей», – писала «Рино ивнинг гзетт»^[470]. Под заголовком «Старый Дикий Запад не умер в краю убийств осейджей»^[471] телеграфное агентство распространило общенациональный бюллетень о том, что история, «хотя и удручающая, тем не менее пропитана романтическим и авантюрным духом времен первых поселенцев Фронттира, которого, как мы полагали, давно уже не существует. И это само по себе потрясающе. Настолько, что первым делом задаешься вопросом, неужели подобное произошло в современной Америке XX века?» В кинотеатрах демонстрировалась кинохроника под названием «Трагедия Осейдж-Хиллз»^[472]. На афише было написано: «Подлинная история самой запутанной серии убийств в анналах преступности. История любви, ненависти и человеческой алчности. Основано на реальных событиях, какими они раскрыты в поразительных признаниях Беркхарта».

Посреди этого разгула сенсационной шумихи осейджи пытались добиться, чтобы Хэйл и его сообщники не ускользнули от ответственности, чего многие опасались. Как писала вдова Бейтса: «Мы, индейцы, не можем добиться своих прав в таких судах, и у меня нет никаких шансов сохранить эту землю для моих детей»^[473]. 15 января 1926 года Общество индейцев Оклахомы приняло следующую резолюцию:

«Индейцы племени осейдж были подло убиты за свои паи нефтяного фонда...

Виновники этих предполагаемых преступлений подлежат неукоснительному судебному преследованию, а в случае осуждения должны понести наказание по всей строгости закона»^[474].

Однако Уайт знал, что правовые институты Америки, как и полиция, пронизаны коррупцией. Многие юристы и судьи брали взятки. Свидетелей запугивали, на присяжных оказывали давление. Даже Кларенса Дэрроу, великого защитника угнетенных, обвиняли в подкупе будущих членов жюри. Редактор «Лос-Анджелес таймс» вспоминал, что тот как-то раз сказал ему: «Имея дело с кучей жуликов, приходится играть по их правилам. Почему я не должен этого делать?»^[475] Хэйл имел огромное влияние на шаткую юридическую систему Оклахомы. Приезжий журналист отмечал: «Люди в городе – из всех слоев общества – говорят о нем полупешотом. Влияние его и его союзников ощутимо повсюду»^[476].

С учетом могущества Хэйла, федеральный прокурор предупредил, что «не только бесполезно, но и положительно опасно», судить его в правовой системе штата^[477]. Однако, как и со многими другими преступлениями против американских индейцев, вопрос о том, какой государственный институт обладает юрисдикцией в отношении этих дел, был запутанным. Федеральные власти могли претендовать на подсудность, только если преступление произошло на индейской территории. Однако земли осейджей подверглись выделению, и большинство убийств, в том числе Анны Браун, было совершено на участках, которые в отличие от недр племени уже не принадлежали. По заключению должностных лиц министерства юстиции, эти дела могли рассматриваться исключительно в суде штата.

Тем не менее после лихорадочного анализа всех случаев все же было найдено исключение. Генри Роана убили на участке, не проданном белым, а принадлежавшем индейцу-осейджу, к тому же его владелец находился под опекой и защитой федерального правительства. Работавшие с Уайтом прокуроры решили начать с процесса по этому делу. Хэйлу и Рэмси предъявили обвинение в убийстве Роана в федеральном суде. Им грозила смертная казнь.

Собранная для процесса команда прокуроров впечатляла. В нее вошли два высокопоставленных должностных лица из министерства юстиции, а также молодой Рой Сент-Льюис, совсем недавно назначенный федеральным прокурором, и женатый на индианке-осейдж местный юрист Джон Лэхи, нанятый советом племени для представления его интересов в различных судебных инстанциях.

Хэйл окружил себя множеством адвокатов – среди них, по выражению одной из газет, были «лучшие юридические умы Оклахомы»^[478]. В их число входил Сарджент Прентисс Фрилинг, бывший генеральный прокурор штата и непоколебимый защитник его интересов. Он часто совершал поездки по округе с лекцией под названием «Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения», в которой предупреждал: «Когда низкий человек в потакании своей подлой натуре доходит до совершения злодеяния, он берет себе в помощь бессовестного адвоката»^[479]. Для защиты Джона Рэмси, предполагаемого убийцы Роана, Хэйл нанял Джима Спрингера, мастера теневых сделок. По его совету Рэмси быстро отказался от признательных показаний, сделанных в ходе следствия, и заявил: «Я никого не убивал»^[480]. Эрнест Беркхарт сказал Уайту, что Хэйл заранее заверил подручного, чтобы тот «не волновался, поскольку у него все под контролем: от дорожного смотрителя до губернатора»^[481].

В начале января, вскоре после начала слушаний перед большим жюри, одного из дружков Хэйла – пастора – обвинили в лжесвидетельстве под присягой. Чуть позже другого пособника арестовали за попытку отравить свидетелей. С приближением непосредственно судебного процесса свидетелей принялись преследовать и даже пытались устранить нечистоплотные частные детективы. Бюро представило словесный портрет одного из них^[482], который, как опасались агенты, мог быть нанят для совершения убийств: «Длинное лицо ... всегда в сером костюме и легкой фетровой шляпе с узкими полями ... несколько золотых зубов ... имеет репутацию очень хитрого и скользкого типа»^[483].

Был нанят также стрелок для убийства бывшей жены Келси Моррисона Кэтрин Коул, индианки-осейдж, согласившейся давать показания в суде. Киллер впоследствии показал: «Келси предложил сделку, чтобы избавиться от своей жены, поскольку она слишком много знала об убийстве Анны Браун. Он сказал, что передаст мне записку для Билла Хэйла и тот обо всем позаботится»^[484]. Хэйл заплатил стрелку и сказал: «Напои ее, а потом раздайся с ней»^[485]. Однако в последний момент тот не смог довести дело до конца, а после ареста по обвинению в ограблении рассказал о преступном плане властям. Тем не менее на этом все не закончилось.

Уайт, приказавший своим людям для безопасности работать парами, получил информацию о появлении в Похаске бывшего члена банды Эла Спенсера с целью устранения федеральных агентов. Уайт сказал Смит: «Нам лучше действовать на опережение»^[486]. Вооружившись автоматическими пистолетами 45-го калибра, они явились в дом, где остановился бандит.

– Мы слышали, вы угрожали выместить нас из города, – сказал Уайт.

Тот смерил полицейских взглядом и сказал:

– Я просто друг Билла Хэйла. Случайно оказался в городе, вот и все.

Впоследствии Уайт писал Гуверу: «Прежде чем этот человек смог выполнить свою грязную работу, он ушел ... так как ему дали понять, что для его же блага лучше находиться в другом месте»^[487].

Уайта больше всего беспокоил Эрнест Беркхарт. Позднее Хэйл признался одному из подручных, что племянник был единственным свидетелем, которого он боялся. «Любой ценой доберись до Эрнеста», – приказал он. Иначе «со мной все будет кончено»^[488].

20 января 1926 года Беркхарт, которому пока еще не предъявили конкретных обвинений – они зависели от того, насколько тот станет сотрудничать, – сказал Уайту, что не сомневается в своем «устранении»^[489].

– Вы получите от меня всю возможную защиту, которую только может предоставить государство, – обещал ему глава расследования. – Все, что будет необходимо^[490].

Уайт приказал Рену и другому члену своей команды тайно увести Беркхарта из штата и охранять его до начала судебного разбирательства. Агенты никогда не регистрировали Беркхарта в отелях под настоящим именем, называя только «Э.Дж. Эрнест». Позже Уайт писал Гуверу: «Мы считаем вероятным, что Беркхарта попытаются убить. Безусловно,

прилагаются все усилия, чтобы этому помешать, но есть много способов это сделать. Друзья Рэмси и Хэйла могут его отравить»^[491].

Тем временем Молли все еще не хотела поверить в «преднамеренную виновность» Эрнеста^[492]. После многодневной разлуки с ним она пришла в отчаяние. Все ее родные были убиты, а теперь, казалось, она потеряла и мужа. Один из юристов, выступавших на стороне обвинения, спросил, будет ли ей лучше, если агенты организуют ей встречу с Эрнестом.

– Это единственное, чего я хочу, – сказала она^[493].

После этого к Молли пришел Уайт. Он обещал, что ее муж скоро вернется, а до той поры супруги смогут переписываться.

После того как Молли получила от Эрнеста письмо, в котором он писал, что в безопасности и здоров, она ответила: «Дорогой муж, сегодня утром получила твое письмо и очень обрадовалась. У нас все хорошо, и Элизабет снова пошла в школу». Она упомянула, что ее болезнь отступила. «Сейчас мне лучше», – писала она. Цепляясь за иллюзию сохранения брака, Молли завершила письмо словами: «Ну вот и все, Эрнест, пора заканчивать. Надеюсь скоро получить от тебя весё. Досвиданье. Твоя жена Молли Беркхарт»^[494].

1 марта 1926 года Уайт и сторона обвинения потерпели сокрушительную неудачу. Судья согласился с возражением защиты и постановил, что, хотя Роан был убит на выделенном осейджу земельном участке, тот не эквивалентен племенной территории, а потому дело подпадает исключительно под юрисдикцию штата. Прокуроры немедленно обжаловали это постановление в Верховном суде, однако поскольку в ближайшие несколько месяцев принятия решения не ожидалось, Хэйла и Рэмси предстояло освободить из-под стражи. «Похоже, адвокаты Билла Хэйла, как и предсказали его друзья, хорошенько смазали шестеренки государственной машины», – отмечал писатель^[495].

Подсудимые уже праздновали свое освобождение, когда к ним подошел шериф Фрис. Он пожал Хэйлу руку и сказал:

– Билл, у меня ордер на твой арест^[496].

Чтобы оставить Хэйла и Рэмси за решеткой, пришлось обратиться к генеральному прокурору Оклахомы, выдвинувшему против них обвинение от имени штата. Теперь не оставалось другого выхода, кроме как начать процесс в суде штата в Похаске, столице округа Осейдж и цитадели Хэйла. «Очень немногие, если вообще кто-нибудь, верит, что нам удастся собрать здесь суд присяжных, который займется рассмотрением этого дела, – писал Уайт Гуверу. – В ход неизбежно пойдут все возможные методы обмана и мошенничества»^[497].

На предварительном слушании 12 марта в зале суда собрались члены племени, чтобы увидеть все воочию. Многие из них были родственниками жертв. Жена Хэйла, его 18-летняя дочь и многочисленные шумные приверженцы столпились позади стола защиты. Журналисты толкались в проходах. «Редко, если вообще когда-нибудь, такая толпа собиралась в зале суда», – писал репортер газеты «Талса трибьюн»^[498]. Холеные бизнесмены бились за стоячие места с работягами. Светские дамы сидели рядом с индианками в ярких одеялах. Ковбои в широкополых шляпах и вожди осейджей в расшитых бисером одеяниях ловили каждое слово свидетельских показаний. Школьницы тянули шеи, чтобы все расслышать. Все космополитическое население богатейшего участка земли – королевства Осейдж – пришло, чтобы стать свидетелями «драмы крови и золота». Местный историк позднее писал, что суд над убийцами осейджей получил большее освещение в прессе, чем так называемый «Обезьяний процесс» в Теннесси о праве преподавать теорию эволюции в школах штата, прошедший годом раньше.

Многие на галерке сплетничали об индианке, тихо и одиноко сидевшей на скамье. Это была Молли Беркхарт, отторгнутая обоими мирами, между которыми вечно разрывалась: белые поддерживали Хэйла и избегали ее, а многие осейджи сторонились за то, что она привела в племя убийц и не отреклась от Эрнеста. Журналисты изображали ее «ни о чем не

ведавшей индианкой». Пресса настойчиво призывала ее высказаться, но она отказывалась. Позже репортер сделал снимок, запечатлевший гордое и спокойное выражение ее лица, и тот немедленно разлетелся по всему миру как «новая эксклюзивная фотография Молли Беркхарт»^[499].

В зал суда под охраной ввели Хэйла и Рэмси. Тогда как последний казался безучастным, первый обнадеживающе приветствовал жену, дочь и своих сторонников. «Хэйл – человек с магнетической притягательностью, – писал журналист «Трибьюн»^[500]. – Его друзья теснились в каждом уголке зала суда, мужчины и женщины встречали его подбадривающими выкриками». В тюрьме Хэйл записал по памяти следующие строки стихотворения:

Не суди! Тучи мнимой вины славу брата
могут затмить,
Ибо самое светлое имя способна судьба очернить^[501].

Уайт сел за стол обвинителей. Один из адвокатов Хэйла тотчас запротестовал:

– Ваша честь, я требую, чтобы находящегося здесь Т. Б. Уайта, главу Бюро расследований в городе Оклахома-Сити, обыскали на предмет наличия огнестрельного оружия и вывели из зала суда^[502].

Сторонники Хэйла захлопали и затопали ногами. Уайт встал и расстегнул пальто, показывая, что не вооружен.

– Я уйду, если суд прикажет, – сказал он.

Судья сказал, что в этом нет необходимости. Уайт снова сел, и толпа притихла. Слушания продолжались спокойно до того дня, когда в зал вошел человек, которого в округе Осейдж несколько недель никто не видел: Эрнест Беркхарт. Молли смотрела, как ее муж неуверенной походкой идет по длинному проходу к свидетельской трибуне. Хэйл злобно взглянул на племянника, которого один из адвокатов защиты назвал «предателем собственной крови»^[503]. Всего пару минут назад Беркхарт признался прокурору, что в случае дачи показаний «они меня убьют». Когда Эрнест занял место за свидетельской трибуной, было ясно видно, что все силы, с которыми он собрался, оставили его.

Один из адвокатов Хэйла встал и попросил разрешения переговорить с Беркхартом с глазу на глаз.

– Это мой клиент! – заявил он^[504].

Судья спросил Беркхарта, действительно ли этот человек его законный представитель, и тот, покосившись на Хэйла, ответил:

– На самом деле он не мой адвокат ... но я готов с ним поговорить^[505].

Уайт и прокуроры недоверчиво смотрели на то, как Беркхарт сошел со свидетельской трибуны и вместе с адвокатом Хэйла исчез в комнате судьи. Прошло пять, десять, двадцать минут... Наконец судья приказал пристава их привести. Адвокат Хэйла Фрилинг вышел из комнаты и сказал:

– Ваша честь, я хотел бы попросить суд разрешить мистеру Беркхарту до завтра посоветоваться с защитой.

Судья дал согласие, и Хэйл прямо в зале успел сказать племяннику несколько слов. На сей раз заговор разворачивался прямо на глазах Уайта. Лэхи, адвокат, нанятый советом племени осейдж, описывал происходящее как «самое беспардонное и из ряда вон выходящее поведение со стороны адвоката»^[506]. Когда Беркхарт вышел из зала, Уайт попытался привлечь его внимание, но не смог пробиться сквозь толпу приверженцев Хэйла.

На следующее утро один из обвинителей огласил то, чего ожидал и Уайт, и каждый зритель переполненной галерки: Эрнест Беркхарт отказался давать показания перед судом штата. В своей докладной записке Гуверу руководитель расследования объяснял, что их главный свидетель «потерял самообладание после того, как ему разрешили встретиться с

Хэйлом, который снова взял над ним власть, и никакой надежды на дачу показаний не осталось»^[507]. Вместо этого Беркхарт выступал теперь как свидетель защиты. Один из адвокатов задал ему вопрос, говорил ли он когда-нибудь с Хэйлом об убийстве Роана или кого-либо еще из осейджей.

– Нет, никогда, – пробормотал Беркхарт^[508].

Когда адвокат захотел узнать, просил ли его когда-нибудь Хэйл заказать убийство Роана, Беркхарт снова ответил отрицательно.

Шаг за шагом, тихим монотонным голосом он опроверг свое признание. Прокуроры попытались спасти положение, выдвинув отдельные обвинения против него самого и инкриминировав ему соучастие в заговоре с целью подрыва дома Смитов. В надежде укрепить свои позиции, сначала осудив Беркхарта, прокуратура назначила процесс против него первым. Однако два важнейших столпа изобличающих Хэйла доказательств – признания двух его подручных – рухнули. Уайт вспоминал, что «Хэйл и Рэмси [в зале суда] торжествуя ухмылялись», и добавлял: «Король снова был на высоте положения»^[509].

Когда в конце мая начался процесс против Беркхарта, Уайт оказался в еще худшем положении. Хэйл встал за свидетельскую кафедру и показал под присягой, что во время допроса руководитель следствия и другие агенты, в том числе Смит, пытались жестокостью выбить из него признание. «Король Осейдж-Хиллз» заявил, что люди из Бюро сказали ему, будто у них есть способы заставить говорить любого.

– Я обернулся, – продолжал он^[510], – потому что услышал щелчок курка прямо у себя за спиной. Едва я повернул голову, Смит прыгнул через комнату, схватил меня за плечи и сунул большой пистолет прямо мне в лицо.

Хэйл заявил, что агент угрожал вышибить ему мозги, а Уайт сказал: «Придется тебя поджарить». После чего допрашиваемого якобы силой усадили на особый стул, прикрепили к телу провода, надели черный шлем и маску наподобие бейсбольной. «Они говорили о том, что сейчас пустят ток и мне не поздоровится, и потом в самом деле дали разряд», – сказал Хэйл.

Беркхарт и Рэмси тоже заявили, что они подверглись такому же жестокому обращению и только из-за этого признались. Когда Хэйл стоял на свидетельском месте, он дико жестикулировал, показывая, как дергался от электрического разряда. Один агент, утверждал он, принялся и закричал: «Вы что, не чувствуете, что уже пахло паленым?»

В то утро в начале июня Гувер находился в Вашингтоне. На завтрак он всегда ел яйцо-пашот на тосте. Один из его родственников как-то сказал, что Гувер «в том, что касалось еды, был настоящим тираном» и регулярно приказывал вернуть яйцо на кухню, если желток хоть немного потек^[511]. Однако в то утро директор Бюро вышел из себя не из-за этого. Открыв «Вашингтон пост», он с изумлением обнаружил наверху полосы следующий заголовок:

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ОБВИНЯЕТ АГЕНТОВ В ПЫТКАХ ТОКОМ...

Его пытались заставить признаться в убийствах. «Запахло паленым?»^[512]

Хотя сам Гувер не особо церемонился с соблюдением тонкостей закона, он не мог поверить, что Уайт способен на такое. Единственное, что беспокоило директора, это скандал или, по его выражению, – «позор». Он отправил Уайту срочную телеграмму с требованием объяснений. Тот, хотя предпочел бы игнорировать «смехотворные» измышления^[513], немедленно ответил, что обвинения «сфабрикованы от начала до конца, поскольку я не применяю допрос с пристрастием. За всю свою жизнь я никогда к нему не прибегал»^[514].

Уайт и его агенты дали показания в суде, опровергая голословные утверждения Хэйла. Несмотря на это, Уильям Б. Пейн – сенатор США от штата Оклахома, нефтяной магнат и к тому же поборник системы опеки – начал лоббировать среди правительственных чиновников увольнение Уайта и его людей из Бюро.

Страсти на процессе Эрнеста Беркхарта было уже невозможно сдержать. Когда адвокат защиты заявил, что правительство совершило мошенничество, прокурор крикнул: «Того, кто это сказал, я встречу за дверью зала суда»^[515]. Парочку пришлось разнимать.

Поскольку дело разваливалось, прокуроры в конце концов решили вызвать свидетеля, который, как они полагали, сможет склонить присяжных на их сторону: бутлегера и бывшего информатора Бюро Келси Моррисона. Ранее, узнав о его обмане, с ним уже разбирались Уайт и другие агенты. Казалось, у Моррисона был лишь один мотив – собственная выгода. Пока он считал, что Хэйл сильнее правительства США, то работал двойным агентом на «короля Осейдж-Хиллз», а как только того поймали, переметнулся и признал свою роль в заговоре.

Под аккомпанемент разразившейся снаружи грозы информатор дал показания, как Хэйл планировал убить всех членов семьи Молли и прямо говорил, что хочет избавиться от «всей их проклятой шайки»^[516], чтобы «Эрнест мог получить все». Что касается Анны Браун, то Хэйл поручил «устранить эту индианку» самому Моррисону и дал ему для этого оружие – пистолет 38-го калибра^[517]. Брайан Беркхарт действовал как сообщник.

Предварительно позаботившись, чтобы Анна напилась до бесчувствия, они отвезли ее к Три-Майл-Крик. С ними была тогдашняя жена Моррисона Коул – ей он велел оставаться в машине. Затем он вместе с Брайаном вытащил Анну из авто. Она была настолько пьяна, что не могла идти самостоятельно, вспоминал Моррисон. Они отвели ее в овраг. Наконец Брайан усадил Анну на камень у ручья.

– Он помог ей сесть прямо, – сказал Моррисон^[518].

Адвокат защиты спросил:

– Он приподнял ее?

– Да, сэр.

В зале суда воцарилась тишина. Молли Беркхарт смотрела и слушала, стараясь не пропустить ни слова.

Адвокат продолжал:

– Вы сказали ему, как ее держать, пока вы стреляете ей в голову?

– Да, сэр.

– Итак, вы стояли там, на дне оврага, и указывали Брайану Беркхарту, как держать эту пьяную, беспомощную индианку, пока вы готовились застрелить ее?

– Да, сэр.

– И когда он придал ей нужное положение, вы выпустили в нее пулю из автоматического пистолета 38-го калибра?

– Да, сэр.

– Вы перемещали тело после выстрела?

– Нет, сэр.

– Что произошло после того, как вы в нее выстрелили?

– Мы ее отпустили, и она упала на спину.

– Просто упала?

– Да, сэр.

– Она закричала?

– Нет, сэр.

– Вы стояли и смотрели, как она умирает?

– Нет, сэр.

– Вы убедились, что этим выстрелом в голову убили ее?

– Да, сэр.

На вопрос о том, что он делал после убийства, Моррисон ответил:

– Я поехал домой ужинать.

Коул, бывшая жена Моррисона, подтвердила его показания, заявив, что раньше не говорила об этом, потому что тот угрожал «забить меня до смерти». Она сообщила: «Я

оставалась одна в машине около 25 или 30 минут, а потом они вернулись. Анны Браун с ними не было, и живой я больше никогда ее не видела»^[519].

3 июня, в самый разгар процесса, Молли спешно покинула суд. Умерла их с Эрнестом младшая дочь, Анна, которая жила у родственницы с тех пор, как мама серьезно заболела. Девочке было четыре года. Маленькая Анна в последнее время была нездорова, и врачи приписывали ее смерть болезни, поскольку никаких признаков преднамеренного убийства, как представлялось, не было. Однако каждая смерть теперь вызывала сомнение – действительно ли это Божья воля или человеческий промысел?

Молли присутствовала на похоронах. Она отдала дочь в другую семью, чтобы та была в безопасности, а теперь смотрела, как маленькую Анну в маленьком простом гробу опускали в могилу. Все меньше и меньше оставалось осейджей, которые помнили старые заупокойные молитвы. Кто будет каждое утро на рассвете молиться за умершую?

После похорон Молли направилась прямо к зданию суда – холодному каменному зданию, казалось, скрывавшему тайны ее горя и отчаяния. Она села на галерке, не говоря ни слова, только слушая.

7 июня, несколько дней спустя после смерти дочери, Эрнеста Беркхарта вывели из зала суда и повезли в камеру окружной тюрьмы. По дороге ему удалось незаметно сунуть записку помощнику шерифа.

– Прочтите ее позже, – шепнул Беркхарт^[520].

Когда тот позже развернул записку, то увидел, что она адресована прокурору Джону Лэхи. В ней было написано только: «Сегодня вечером приходите встретиться со мной в окружной тюрьме. Эрнест Беркхарт».

Помощник шерифа передал записку Лэхи, который нашел заключенного безостановочно расхаживающим взад и вперед по своей камере. У него были темные круги под глазами, как будто он несколько ночей не спал.

– Довольно с меня лжи, – сказал Беркхарт, захлебываясь словами^[521]. – Этот процесс я больше не выдержу.

– Так как я представляю обвинение, я не могу дать вам совет, – сказал Лэхи. – Почему вы не поговорите со своими адвокатами?

– Я не могу им сказать, – сказал Беркхарт.

Лэхи с сомнением уставился на него, не веря, что обещание признания не очередной трюк. Однако Беркхарт, казалось, был искренен. Смерть дочери, преследующее его каждый день процесса лицо жены, осознание, что улики против него растут как снежный ком, – все это становилось для него непосильной ношей.

– Я совершенно беспомощен, – сказал Беркхарт. Он умолял Лэхи пригласить к нему Флинта Мосса, знакомого адвоката.

Лэхи согласился, и 9 июня, уже переговорив с Моссом, Беркхарт вернулся в зал суда. На сей раз он не сел за стол к адвокатам Хэйла, а вышел вперед к судье и что-то ему прошептал. Потом отступил на шаг и, тяжело дыша, произнес:

– Я хотел бы отказаться от своих адвокатов. Меня будет представлять мистер Мосс^[522].

Со стороны защиты был подан протест, однако судья признал требование законным. Мосс встал рядом с Эрнестом и сказал:

– Мистер Беркхарт хочет отозвать свое заявление о невиновности и вместо этого признать себя виновным.

Зал суда замер.

– Ваше желание действительно таково, мистер Беркхарт? – спросил судья.

– Да.

– Федеральные органы власти или органы власти штата предоставили вам иммунитет или помилование за изменение показаний?

– Нет.

Беркхарт решил сдаться на милость суда, признавшись перед этим Моссу:

– Я измучен и ... хочу признаться во всем, что совершил^[523].

Затем Беркхарт зачитал заявление, в котором подтверждал, что передал Рэмси сообщение от Хэйла. Рэмси следовало уведомить Кирби, что пришло время взорвать дом Смитов.

– Теперь я понимаю, что сделал это только потому, что меня просил об этом мой дядя, – сказал Беркхарт^[524]. – Правду от меня самого знают многие люди, и я решил, что честнее и достойнее будет прекратить этот процесс и признать свою вину.

Судья сказал, что прежде чем он сможет принять это признание, ему необходимо задать вопрос: «Принуждали ли вас федеральные агенты подписать признание под угрозой оружия или пыток электричеством?» По словам Беркхарта, за исключением того, что допросы длились допоздна, сотрудники Бюро обращались с ним прекрасно. Позднее он также заявил, что некоторые из адвокатов Хэйла настойчиво убеждали его солгать под присягой.

Судья сказал:

– В таком случае ваше признание вины принимается^[525].

Зал суда буквально взорвался. Газета «Нью-Йорк таймс» на первой полосе писала: «Беркхарт признался в убийствах в Оклахоме, заявив, что нанял человека, взорвавшего дом Смитов ... а также в том, что во главе заговора стоял его дядя»^[526].

Уайт послал отчет Гуверу, докладывая, что Беркхарт «был взволнован до крайности и заявил мне со слезами на глазах, что лгал, а теперь намерен сказать правду ... и повторить это признание перед любым судом в США»^[527].

Признание Беркхарта положило конец всем попыткам уволить Уайта и его сотрудников. Генеральный прокурор Оклахомы сказал:

– Заслуги этих джентльменов невозможно преувеличить^[528].

Тем не менее завершена была только часть дела. Предстояло еще добиться осуждения других сообщников, в том числе Брайана Беркхарта и Рэмси, но в первую очередь, разумеется, коварного Хэйла. После козней на процессе Эрнеста Уайт был уже менее уверен, что с последним это удастся. Тем не менее по крайней мере одна новость обнадеживала: Верховный суд постановил, что место убийства Роана – действительно индейская земля. «Это возвращает нас в федеральный окружной суд», – отметил Уайт^[529].

21 июня 1926 года Беркхарт был приговорен к пожизненному заключению и каторжным работам. Однако окружающие заметили облегчение у него на лице. По выражению одного прокурора, теперь осужденный походил на того, «чей ум свободен, поскольку он снял со своей измученной души бремя страшной тайны и теперь ищет покаяния и прощения»^[530]. Прежде чем на него надели наручники и увезли в тюрьму, Беркхарт обернулся и слабо улыбнулся Молли. Однако выражение ее лица осталось бесстрастным, даже холодным.

Глава 20

Да поможет вам Бог!

В последнюю неделю июля 1926 года, когда летняя жара превратилась в пекло, в кирпичном здании суда в городке Гатри начался процесс по обвинению Хэйла и Рэмси в убийстве Генри Роана. «Все готово к развязке драмы: занавес над ужасной трагедией осейджей понемногу поднимается – начинается давно ожидаемый федеральный процесс против двух ковбоев минувших времен, – писала «Талса трибьюн»^[531]. – Суд над Эрнестом Беркхартом, хотя и завершившийся мелодраматической кульминацией признания в убийстве Смитов и участия в возглавляемом Хэйлом заговоре, был всего лишь прологом к трагедии жизни и смерти, которая разыграется на подмостках сегодня».

Уайт распорядился выставить в тюрьме дополнительные посты охраны – ранее уже была предпринята попытка освободить преступников, готовых свидетельствовать против Хэйла. Позднее, когда его перевели этажом выше камеры Блэки Томпсона, он сумел передать тому записку, воспользовавшись дырой в потолке рядом с трубой отопления. Как Блэки признался следователям, Хэйл спрашивал его, что он хочет получить «за отказ от дачи признательных показаний»^[532]. Я написал ему в ответ, что не стану свидетельствовать против него, если он сумеет вытащить меня отсюда». Главарь банды пообещал устроить побег, но поставил одно

условие: прихватить заодно его племянника и избавиться от него, прежде чем тот даст свидетельские показания. «Он хотел, чтобы я сплавил Эрнеста в Мексику», – признался Блэки, добавив, что Хэйл не желал, «чтобы Беркхарта прикончили здесь, в стране, где его смогут найти».

Уайт полагал, что с учетом многочисленных неопровержимых улик против Хэйла и Рэмси вынесению обвинительного приговора может помешать только подкуп присяжных и свидетелей. В процессе Эрнеста Беркхарта первый предварительный состав жюри пришлось отстранить от исполнения обязанностей, после того как были получены доказательства, что Хэйл пытался дать им взятку. Теперь, отбирая кандидатов, прокуроры тщательно проверяли каждого, чтобы выяснить, не пытался ли кто-либо найти к ним подход. После этого судья привел двенадцать отобранных присяжных к присяге, чтобы те поклялись вынести правосудный вердикт на основе закона и имевшихся доказательств – «и да поможет вам Бог!».

Оставался один вопрос, который ни судья, ни прокуроры, ни защита не задавали, однако он был главным в процессе: накажет ли жюри, состоящее из двенадцати белых, другого белого мужчину за убийство краснокожего? Один скептически настроенный журналист заметил: «Нетрудно распознать оставшееся неизменным ... отношение первых поселенцев-скотоводов к чистокровным индейцам»^[533]. Видный член племени осейджей высказался еще прямолинейнее: «Лично я спрашиваю себя – присяжные действительно рассматривают дело об убийстве человека? Или для них это всего лишь жестокое обращение с животными?»^[534]

29 июля все ожидали начала дачи свидетельских показаний, и толпы зрителей занимали места с раннего утра. В тот день температура поднялась до 32 градусов Цельсия, и в зале суда было нечем дышать. Прокурор Джон Лэхи встал и обратился к присяжным со вступительным словом: «Достопочтенные господа присяжные! – начал он. – Уильям К. Хэйл обвиняется в подстрекательстве и пособничестве, а Джон Рэмси – непосредственно в убийстве Генри Роана»^[535]. Предполагаемые факты преступного сговора ради получения страхового возмещения Джон Лэхи изложил в сухой бесстрастной манере. Присутствовавший на процессе наблюдатель заметил: «Ветеран юридических баталий не пытается увлечь красноречием и воздействовать на эмоции присутствующих, но убеждает куда сильнее своей спокойной сдержанностью»^[536]. Хэйл едва заметно улыбался, а Рэмси откинулся на спинку стула, держа во рту зубочистку и обмахиваясь газетой.

30 июля обвинение пригласило для дачи свидетельских показаний Эрнеста Беркхарта. Многие гадали – не переметнется ли тот снова на сторону дяди, – однако Эрнест честно ответил на все вопросы. Он вспомнил, как однажды Хэйл заговорил с Генри Грэммером об убийстве Роана. Сначала, по словам Беркхарта, Рэмси не планировался в качестве исполнителя. Хэйл собирался воспользоваться давно проверенным методом – подсыпать яд в спиртное. Это стало откровением лишь для широкой публики, осейджи и без того прекрасно знали: их соплеменников систематически травят алкоголем. Роана Хэйл в конце концов все-таки решил застрелить, но пришел в ярость, узнав, что, вопреки его указаниям, Рэмси пустил индейцу пулю не в лоб и не оставил револьвер на месте преступления. «Дядя сказал мне – поступи тот, как ему было велено, все решили бы, что это самоубийство», – добавил Беркхарт^[537].

7 августа прокуроры отдыхали, и защита тотчас вызвала на свидетельскую трибуну Хэйла. Обратившись к присяжным: «Джентльмены!..», он заявил, что «никогда не замышлял убийства Роана и не желал его смерти»^[538]. Хотя говорил Хэйл весьма убедительно, Уайт не сомневался в победе обвинения. Помимо свидетельских показаний Беркхарта было предъявлено признание Рэмси, а свидетели подтвердили факт подделки страхового полиса. Прокурор Рой Сент-Льюис назвал Хэйла «безжалостным пиратом смерти»^[539]. Другой заявил: «Богатейшее на земле индейское племя сделалось незаконной добычей белых. Индейцы исчезают. И это дело – принципиальное. Граждане Соединенных Штатов внимательно следят за прессой. Пришло время, господа, исполнить ваш долг»^[540].

В пятницу, 20 августа, присяжные приступили к совещанию. Шли часы, но и на следующий день тупиковая ситуация не разрешилась. «Талса трибьюн» писала, что, хотя доказательства обвинения бесспорны, в Гатри вовсю заключают пари – «пять к одному, что присяжные так и не придут к единому мнению»^[541]. После пятидневного совещания судья пригласил стороны в зал заседаний и задал присяжным вопрос: «Есть ли возможность прийти к единому мнению и вынести вердикт?»^[542]

Поднялся старшина присяжных: «Ваша честь, единого мнения нет».

Судья спросил, хочет ли по этому поводу высказаться обвинение. Встал прокурор Рой Сент-Льюис. Он побагровел, голос дрожал. «Среди присяжных немало хороших людей, но есть и не очень», – заявил он, добавив, что ему из вполне надежных источников достоверно известно – как минимум один из присяжных подкуплен.

Судья какое-то время размышлял, после чего распустил жюри и распорядился, чтобы обвиняемые до исхода процесса оставались под стражей.

Уайт был ошеломлен. Больше года он лично работал над расследованием, свыше трех лет на него потратило в общей сложности Бюро, и теперь тупик? Ведь и по делу об убийстве Брайаном Беркхартом Анны Браун присяжные так и не пришли к единому мнению. Видимо, в здешних местах невозможно собрать двенадцать белых, способных отправить за решетку одного из своих за убийство какого-то индейца. Осейджи были вне себя, ходили слухи, что они готовы сами восстановить справедливость. Внезапно Уайту пришлось охранять того самого Хэйла, которого он так отчаянно хотел привлечь к ответственности.

Обвинение тем временем готовилось вновь предъявить Хэйлу и Рэмси обвинения в убийстве Роана. В этих условиях министерство юстиции попросило Уайта взять на себя расследование дела о подкупе жюри во время первого процесса. Вскоре удалось выявить сговор с целью воспрепятствовать правосудию, включавший подкуп и дачу заведомо ложных показаний. По словам одного свидетеля, адвокат защиты, Джим Спрингер, предлагал ему деньги за ложь под присягой. Получив отказ, Спрингер сунул руку в карман, где предположительно был пистолет, и сказал: «Тогда я убью тебя»^[543]. В начале октября следственное жюри рекомендовало предъявить ему и нескольким свидетелям обвинение в попытке грубого препятствования правосудию, выразившись так: «Подобные приемы недопустимы, в противном случае наши суды – фарс, а право поправно»^[544]. Часть свидетелей были осуждены, но против Спрингера обвинений решили не выдвигать, чтобы не дать ему возможности ходатайствовать об отсрочке второго судебного разбирательства против Хэйла и Рэмси до разрешения своего дела.

Перед возобновлением процесса по убийству Роана представитель министерства юстиции в конце октября обратился к главному обвинителю Сент-Льюису: «Вся защита – нагромождение лжи, а нам нужно полагаться на факты»^[545]. И добавил: «Если им снова удастся подкупить присяжных, виноваты в этом будем только мы сами». Сотрудникам Уайта поручили обеспечить неприкосновенность жюри.

Обвинение представило в суд практически то же дело, хотя и в несколько урезанном виде. К общему удивлению, адвокат Хэйла Фрилинг ненадолго пригласил к свидетельской кафедре Молли.

– Назовите, пожалуйста, ваше имя, – попросил он^[546].

– Молли Беркхарт.

– Вы в настоящее время являетесь женой Эрнеста Беркхарта?

– Да, сэр.

Затем Фрилинг решил раскрыть никому не известный факт, который предпочитал до этого держать в секрете, задав свидетельнице вопрос:

– Состояли ли вы ранее в браке с Генри Роаном?

– Да, сэр, – ответила Молли.

Обвинение выразило протест – вопрос не по существу, и судья согласился. Действительно, Фрилинг, кажется, не преследовал никакой другой цели, кроме как еще

больше расстроить женщину. Она опознала Роана по фотографии и вернулась в зал на свое место.

Когда к свидетельской кафедре подошел Эрнест Беркхарт, прокурор Лэхи спросил его о браке с Молли.

– Ваша жена – индианка племени осейдж? – осведомился он^[547].

– Да, – ответил Эрнест.

На предыдущем процессе на вопрос о профессии он ответил:

– Я не работаю. Я женат на индианке из осейджей^[548].

Далее один из адвокатов Хэйла спросил Эрнеста, признал ли тот себя виновным в убийстве сестры жены путем взрыва ее дома.

– Да, это так, – произнес он в ответ.

В надежде обвинить в убийствах одного Эрнеста адвокат принялся перечислять имена погибших членов семьи Молли.

– Остались ли у вашей жены в живых еще родственники, кроме двух ваших общих детей?

– Нет, других не осталось.

В зале повисла тишина. Молли продолжала смотреть, не отводя взгляда, словно воплощение немого укора. Через восемь дней допрос свидетелей обеими сторонами завершился. Прокурор выступил с заключительной речью: «Настало время, когда вам, господа, придется вступить за право, порядок и достоинство. Пришло время развенчать этого «короля». Как мужественные и порядочные люди, вы вынесете вердикт о повешении подсудимых за шею до наступления смерти»^[549]. Судья посоветовал присяжным забыть обо всех симпатиях и антипатиях к той или иной стороне. Он заявил: «Исчезнет с лица земли страна, падшая до состояния... когда ее граждане скажут: “В наших судах мы не можем найти справедливость”»^[550]. Вечером 28 октября присяжные удалились в совещательную комнату. На следующее утро стало известно, что решение принято, и участники процесса вернулись в зал суда.

Судья спросил старшину присяжных, вынесли ли они вердикт. «Да, сэр», – ответил тот и подал листок бумаги. Судья мельком взглянул и передал секретарю суда. В зале заседания было настолько тихо, что можно было слышать тиканье настенных часов. Журналист позже писал: «Лицо Хэйла застыло в напряженном ожидании, а Рэмси – уподобилось маске»^[551]. Стоя перед замершим залом, секретарь огласил вердикт присяжных, признавших подсудимых виновными в предумышленном убийстве.

Оба преступника были в шоке. Судья сказал им: «Мистер Хэйл и мистер Рэмси, жюри признало вас виновными в убийстве индейца-осейджа, а потому мой долг – вынести приговор. Закон предусматривает за предумышленное убийство смертную казнь. Однако данный состав жюри счел возможным ограничить наказание пожизненным заключением»^[552]. Присяжным хватило духу приговорить, но не повесить за убийство индейца. Судья обратился к осужденным: «Прошу вас встать». Хэйл поднялся сразу, Рэмси – чуть помедлив. Судья объяснил, что приговаривает их к «тюремному заключению до естественного окончания их жизни». И спросил:

– Мистер Хэйл, вам есть что сказать?

Хэйл смотрел прямо перед собой. Глаза его были пустыми.

– Нет, сэр, – ответил он.

– А вам, мистер Рэмси?

Не в силах говорить, тот лишь отрицательно покачал головой.

Репортеры бросились из зала суда отправлять статьи, провозглашавшие, как в «Нью-Йорк таймс», например: «“Король Осейдж-Хиллз” признан виновным в убийстве»^[553]. Позднее прокурор Лэхи приветствовал исход процесса как «один из самых великолепных примеров торжества права и закона в нашей стране»^[554]. Молли встретила приговор с одобрением. И все же Уайт понимал, что есть то, чего ни успешное расследование, ни юридическая система исправить не в состоянии.

Когда годом позже начался суд над убийцами Анны Браун, Молли также присутствовала на процессе. Тем временем Моррисон отозвал сделанное им признание, снова переметнувшись в надежде на вознаграждение. Власти перехватили его записку, адресованную Хэйлу в тюрьму. Моррисон обещал «смешать с грязью» власти, «если будет такой шанс»^[555]. Чтобы осудить его, прокуратура гарантировала Брайану Беркхарту снятие обвинений в обмен на показания. Во время процесса Молли вновь пришлось выслушать все ужасные подробности о том, как ее деверь напоил ее сестру и держал ее прямо, а Моррисон выстрелил ей в затылок – или, по выражению Брайана, «замочил»^[556].

Последний рассказал также, как неделю спустя после убийства вернулся на место преступления с членами семьи Анны для опознания разложившегося трупа. Молли этого не забыла – не смогла бы при всем желании, – но только теперь полностью осознала, что там происходило: убийца стоял рядом с ней и изображал глубокую скорбь, глядя на свою жертву.

– Вы пошли туда на опознание тела? – переспросил прокурор^[557].

– Да, мы все пошли для этого, – ответил Брайан.

– Но вы ведь заранее знали, что там лежал труп Анны? – В голосе юриста слышалось потрясение.

– Да, сэр.

В той же толпе был и Моррисон. И Эрнест, утешавший Молли, зная, что оба убийцы Анны стоят рядом. Он с самого начала знал и кто был инициатором взрыва дома Риты и Билла Смита; знал правду, когда в тот же вечер лег с женой в постель, знал все то время, когда она в отчаянии пыталась отыскать убийц. После того как Моррисон был осужден, Молли уже не могла видеть Эрнеста. Вскоре она с ним развелась, и стоило ей услышать имя бывшего мужа, она невольно вздрагивала.

Для Гувера раскрытие убийств осейджей было рекламной витриной нового Бюро. Как он и надеялся, это дело продемонстрировало очень многим в Америке необходимость создания высокопрофессиональной и соответствующим образом подготовленной общенациональной полицейской службы. «Сент-Луис пост-диспетч» писала об убийствах: «Шерифы расследовали и ничего не нашли. Прокуратура штата расследовала и ничего не нашла. Генеральная прокуратура расследовала и ничего не нашла. Только когда правительство направило в округ Осейдж агентов министерства юстиции, дело увенчалось успехом»^[558].

Гувер ревностно скрывал от огласки провалы первого расследования. Он умалчивал о том, что Блэки Томпсон сбежал, будучи под наблюдением агентов, и застрелил полицейского, о том, что из-за ошибок расследования убийства продолжались. Вместо этого Гувер слагал историю создания Бюро, основополагающий миф, в котором ведомство под его руководством подавило беззаконие в его последнем оплоте – на диком американском Фронтире. Директор понимал, что формированием общественного мнения расширит свои бюрократические полномочия и утвердит собственный культ, и просил Уайта сообщать ему информацию, которую можно безболезненно передавать прессе: «Как вы, разумеется, понимаете, есть различие между юридической и человеческой стороной дела. Газетчиков интересует последняя, поэтому я хотел бы просить вас основной упор делать именно на нее»^[559].

Гувер скармливал свою версию угодливым журналистам – так называемым «друзьям Бюро». Статья о расследовании, распространенная газетным концерном Уильяма Рэндольфа Херста, провозглашала:

«ВПЕРВЫЕ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ!

Как правительство, располагающее самой большой в мире базой данных отпечатков пальцев, одерживает победу над преступностью благодаря невиданно точным научным методам; читайте, как опытные агенты положили конец эпохе убийств на пустынных холмах индейского округа Осейдж и обезвредили самую страшную банду в истории страны»^[560].

В 1932 году Бюро начало работать с радиопередачей «Лаки страйк аур» над созданием инсценировок своих расследований. В основу нескольких первых серий легли дела об

убийствах осейджей. По просьбе Гувера агент Бергер даже дописал несколько вымышленных сценок, которые были пересланы в редакцию. В одной из них Рэмси демонстрирует Эрнесту Беркхарту револьвер, из которого планирует застрелить Роана, со словами: «Посмотри, какой красавец»^[561]. Заканчивалась радиопередача словами: «Так завершается еще одна история, а мораль ее такая же, как и у других подобных ... [преступник] – не ровня федеральному агенту из Вашингтона в этой схватке интеллектов»^[562].

В личном письме Гувер выразил благодарность Уайту и его сотрудникам за арест Хэйла с бандой и дал согласие на небольшое повышение оклада агентам – «хотя бы маленькое признание их результативности и усердной службы»^[563]. Однако их имена ни разу не упоминались в развернутой вокруг этого дела рекламной шумихе. Эти люди никак не соответствовали мифологизируемому Гувером образу идеального агента с колледжем за плечами. Кроме того, он был не из тех, кто позволил бы своим людям затмить себя.

Совет племени осейдж стал единственной инстанцией, которая публично воздала должное Уайту и его группе – включая агентов, действовавших под прикрытием. В резолюции, где все они были названы поименно, говорилось: «Настоящим мы выражаем сердечную признательность за замечательную работу по проведению расследования, привлечению к ответственности и осуждению виновных»^[564]. Между тем племя предприняло собственные шаги для защиты от будущих заговоров, убедив Конгресс принять новый закон. Теперь унаследовать нефтяные паи осейджей мог только тот, у кого была как минимум половина их крови.

Вскоре после осуждения Хэйла и Рэмси Уайту предстояло принять важное решение. Заместитель генерального прокурора США, руководивший пенитенциарной системой, предложил ему пост директора Левенуэртской тюрьмы в Канзасе. Старейшее федеральное учреждение исполнения наказаний в то время имело репутацию одного из самых страшных в стране. Ходили слухи, что тюрьма погрязла в коррупции, и заместитель генерального прокурора обратился к Гуверу, заявив, что Уайт – идеальная кандидатура на этот пост: «Жаль было бы упустить возможность получить такого добросовестного руководителя»^[565].

Гуверу не хотелось отпускать Уайта из Бюро. Он указал, что это стало бы огромной потерей для ведомства. Тем не менее окончательный ответ был таков: «Однако в отношении Уайта было бы некорректно, если бы я воспрепятствовал его повышению. Как вам известно, я питаю к нему глубочайшее уважение, как в личном, так и в служебном плане»^[566].

После мучительных раздумий Уайт в конце концов решил уйти из Бюро. Новая должность предполагала более высокий оклад и оседлую, спокойную жизнь с семьей – женой и двумя мальчиками. Не последнюю роль сыграло и то, что ему предстояло, как в свое время и его отцу, руководить пенитенциарным учреждением, правда, значительно большего масштаба.

17 ноября 1926 года – Уайт еще принимал дела – в тюрьму доставили двоих новых заключенных. Арестанты обвели взором унылое место: Левенуэрт представлял собой внушительных размеров форт, одиноко вздымавшийся среди моря кукурузных полей «гигантским мавзолеем», как в свое время описал эту тюрьму один из ее узников^[567]. Когда оба заключенных в кандалах приблизились к входу, Уайт вышел им навстречу. Оба изменились, сильно побледнели без солнца, однако он сразу их узнал: это были Хэйл и Рэмси.

– Ну, здравствуй, Том, – обратился Хэйл к Уайту^[568].

– Здравствуй, Билл, – ответил ему Уайт.

– Привет, – пробормотал Рэмси.

Уайт обменялся рукопожатиями с обоими арестантами, и тех препроводили в камеры.

Глава 21

Парилка

Это походило на рейд по катакомбам воспоминаний. Шагая по тюремным коридорам, Уайт видел перед собой картины прошлого – людей, чьи глаза блестели из-за решеток, их лоснящиеся от пота тела. Он видел Хэйла и Рэмси. Видел членов старой банды Эла Спенсера и бывшего главу Бюро ветеранов, угодившего в тюрьму за взятки в недобрые времена правления Гардинга. Уайт обнаружил здесь и обоих дезертиров, убивших его старшего брата Дадли, но ни словом им об этом не обмолвился, не желая нагонять на них страху – подобное было совершенно ни к чему.

Уайт вместе с семьей проживал на территории тюрьмы. Его жена сначала не могла спать, ее постоянно мучил вопрос: «Как растить двоих мальчишек в подобном окружении?»^[569] Руководство учреждения – рассчитанного на 1200 заключенных – напихало сюда втрое больше арестантов, что само по себе положение отнюдь не облегчало. Летом температура доходила до 46 градусов Цельсия, из-за чего заключенные прозвали Левенуэрт «парилкой». В один августовский день 1929 года, жаркий настолько, что в тюремной кухне скисло молоко, в столовой начались беспорядки. Снискавший себе дурную славу взломщик сейфов Ред Руденски вспоминал о разгуле «жуткой, смертельной ненависти»^[570]. Однако Уайт вовремя вмешался и сумел навести порядок: «Директор бесстрашно приблизился ко мне, так что нас разделяли буквально пара шагов, хотя топоры для рубки мяса и битые бутылки торчали прямо у его лица»^[571].

После этого инцидента Уайт попытался улучшить условия содержания заключенных^[572]. Один из надсмотрщиков вспоминал: «Директор был строг к заключенным, однако не терпел ни истязаний, ни вообще каких-либо притеснений»^[573]. Однажды Уайт написал Руденски записку: «Чтобы изменить жизнь, которую вы ведете уже не один год, требуется немало мужества – вероятно, даже больше, чем я могу себе представить. Но если оно в вас есть, самое время доказать это». Тот вспоминал позднее, что благодаря поддержке директора «у меня появился луч надежды»^[574].

Хотя Уайт выступал за перевоспитание преступников и всячески содействовал ему, он не питал особых иллюзий относительно многих заключенных «парилки». В 1929 году Карл Панцрам – серийный убийца, признавшийся в убийстве 21 человека и утверждавший, что у него «нет совести»^[575], – до смерти забил служащего тюрьмы. Преступника приговорили к повешению, которое надлежало привести в исполнение в тюрьме. Уайту, несмотря на то что он был противником смертной казни, выпало не только присутствовать, но и руководить экзекуцией – совсем как в свое время его отцу в Техасе. 5 сентября 1930 года, когда солнце взойшло над тюремным куполом, директор тюрьмы вывел Панцрама из камеры и повел к недавно сооруженной виселице. Уайт проследил за тем, чтобы его сыновей не было поблизости, когда приговоренному надевали петлю на шею. Панцрам поторапливал палачей: «Пока вы здесь возитесь, я бы с десятков людей прикончил!»^[576] В 6 часов 03 минуты крышка люка раскрылась, и казненный закачался на веревке. Впервые Уайт помогал лишить человека жизни.

Уильяма Хэйла после прибытия в Левенуэрт направили на работу в туберкулезную палату. Позже он вкалывал на тюремной ферме, где ухаживал за свиньями и скотом, совсем как в молодости на приграничных ранчо. В тюремном отчете сообщалось: «Заключенный имеет опыт работы скотником, даже без помощи ветеринара проводит вскрытия нарывов и кастрацию животных»^[577].

В ноябре 1926 года некий журналист написал Уайту, пытаясь получить информацию о Хэйле. Однако директор тюрьмы наотрез отказался сообщать что-либо, настаивая, что будет руководствоваться здесь теми же принципами, «как и в отношении остальных заключенных»^[578]. Уайт тщательно следил за тем, чтобы родные Хэйла не чувствовали себя ущемленными. Однажды его жена написала письмо, в котором просила директора: «Уместно было бы просить вашего позволения встретиться с мужем в следующий понедельник? С нашего последнего свидания прошло почти три недели. Я, разумеется, понимаю, что ваши правила разрешают лишь одно в месяц, но ... если бы вы предоставили мне внеочередное, я

была бы вам весьма признательна»^[579]. Уайт в ответном письме сообщил, что разрешит свидание.

За все эти годы Хэйл так и не признался, что заказал хотя бы одно убийство: ни Роана, за которое был осужден, ни множество других, к которым, по имевшимся доказательствам, был причастен и по которым, ввиду вынесенного ему приговора – пожизненного заключения, – власти не выдвигали против него обвинений. В то же время на суде фермер спокойно сознался в попытке обманным путем завладеть нефтяными паями. Видимо, это его мораль позволяла: «Для меня здесь был чисто коммерческий интерес»^[580].

Если раньше Уайт, столкнувшись с этой черной душой, пытался обращаться к священникам, теперь он искал и научное объяснение. В тюрьме Хэйла подвергли неврологическому и психологическому обследованию. Заключение эксперта гласило: пациент не демонстрирует очевидных «признаков вытеснения или явного психоза»^[581], однако структура его личности тем не менее содержит «крайне негативные составляющие». Хэйл оправдывал свою жестокость цивилизаторством, изображая из себя американского первопроходца, одного из тех, кто в условиях первозданно дикого окружения помогал выковывать нацию. Эксперт сделал вывод: «Крайне низкая способность к оценке собственного поведения выражается в постоянном отрицании своей очевидной вины. Его аффект неуместен. ... Он позабыл стыд или раскаяние, которые некогда, возможно, испытывал». Уайт ознакомился с документом, где описывалось психическое состояние заключенного, и у него сложилось впечатление, что отчасти зло так и осталось за гранью науки. Хотя Хэйл придерживался тюремного распорядка, он вынашивал планы выхода на свободу. Вероятно, он пытался подкупить апелляционный суд, а когда эта попытка провалилась, по словам эксперта, хвастал «предстоящим освобождением благодаря поддержке влиятельных друзей»^[582].

Впервые за долгое время жизнь в округе Осейдж шла своим чередом без своего могущественного «короля». Молли Беркхарт снова вернулась к людям, ходила в церковь. Впоследствии встретила некоего Джона Кобба – наполовину белого, наполовину индейца-крик. По словам близких, это была настоящая любовь, и в 1928 году они сочетались браком.

В жизни Молли произошло и еще одно серьезное изменение: она вместе с другими членами племени вступила в борьбу за отмену коррумпированного опекуинства. 21 апреля 1931 года суд решил, что она больше не должна пребывать под попечительством государства: «Далее суд постановляет, предписывает и объявляет, что поименованная Молли Беркхарт, пайщица № 285 ... настоящим полностью восстанавливается в правах. Постановление о том, что она классифицировалась как недееспособное лицо, отныне имеет статус прекращенного»^[583]. Молли в свои 44 года наконец получила права расходовать свои средства по своему усмотрению и была признана полноправной гражданкой США.

11 декабря 1931 года Уайт, находясь в своем служебном кабинете, услышал шум^[584]. Подойдя к двери, директор тюрьмы оказался перед наведенным на него оружием. Семеро самых опасных преступников – в том числе двое членов банды Эла Спенсера и уголовник, за рост и комплекцию прозванный Вагоном, – попытались совершить побег. Группа была вооружена винчестером, обрезом и шестью динамитными шашками, тайком пронесенными в тюрьму. Преступники взяли Уайта и восемь его подчиненных в заложники и благополучно вышли за ворота. Оказавшись снаружи, беглецы освободили всех, кроме Уайта, которого считали своей страховкой. Они быстро остановили проезжавший автомобиль, втолкнули директора внутрь и рванули с места.

Преступники предупредили – если что-то пойдет не так, они оставят от Уайта мокрое место. Между тем не так пошло решительно все. Машину занесло, и она вылетела с дороги – пришлось продолжить путь на своих двоих. К погоне присоединились солдаты Форты Левенуэрт. В небе кружили самолеты. Ворвавшись на какую-то ферму, арестанты захватили 18-летнюю девушку и ее младшего брата. В отчаянии Уайт умолял преступников о

снисхождении: «Я понимаю, меня вы прикончите. Но пощадите их – они вообще ни при чем»^[585].

Здоровяк по прозвищу Вагон и еще один арестант отправились на поиски автомобиля, прихватив директора с собой. В какой-то момент девушке удалось вырваться, и она побежала. Бандиты уже собирались открыть огонь, но Уайт схватил винчестер за ствол. Тот, кто держал оружие, выкрикнул здоровяку: «Пристрели его! Чего медлишь?»^[586] Вагон едва ли не уперся дулом Уайту в грудь, и тот инстинктивно поднял левую руку в попытке защититься. Прогремел выстрел. Уайт почувствовал, как пуля прошла руку, а несколько дробинок угодили в грудь. Все же каким-то чудом он удержался на ногах. Верилось в это с трудом – его должно было разнести на куски, но вот он стоял, надсадно вдыхая холодный декабрьский воздух. Потом последовал удар прикладом в лицо, и Уайт всем своим немалым весом повалился ничком в канаву, где бандиты оставили его истекать кровью.

Почти десятилетие спустя, в декабре 1939 года, известный журналист Эрни Пайл приехал в тюрьму Ла-Туна близ Эль-Пасо, штат Техас. Он попросил о встрече с директором, и его привели к Тому Уайту, которому к тому времени стукнуло без малого шестьдесят. «Смотритель пригласил меня отобедать с ним, – писал Пайл. – Я решил остаться. Мы сидели и беседовали, и наконец он поведал мне историю, которую мне не терпелось услышать. Историю его левой руки»^[587].

Уайт рассказал, что после выстрела его нашли в канаве и срочно доставили в больницу. Несколько дней врачи не знали, выживет ли он, и подумывали об ампутации. Однако каким-то образом Уайт все же оправился, и даже руку удалось сохранить, хотя она и не действовала. Одну деталь он утаил от Пайла: девушка, которую бандиты взяли в заложницы, считала, что именно Уайт уберег их с братом от смерти. «Я знаю, что они точно убили бы нас, и только благодаря мужеству директора Уайта мы спаслись», – сказала она^[588].

Сбежать никому из преступников не удалось. Они полагали, что, посягнув на кого-либо из тюремного персонала, в особенности на директора тюрьмы, им теперь лучше не возвращаться, «а те, кто все же вернется, будут очень жалеть», как признался один из них^[589]. Поэтому, когда их настигли, тот самый здоровяк Вагон застрелил двух своих приятелей, а потом пустил пулю себе в лоб. Другие хотели подорвать себя динамитом, но не успели поджечь бикфордов шнур, как их схватили. Один из них говорил: «Самое интересное, что ничего такого в тюрьме не было. Директор Уайт – мужик что надо. Он строго-настрого приказал и пальцем нас не трогать: «Оставьте их в покое и обращайтесь как со всеми остальными заключенными». Если бы не он, нам бы точно всем головы проломили»^[590].

Уайт дознался, что совершить побег им должен был помочь Руденски, но в последний момент отказался. «Постепенно у него все же выработалось чувство ответственности, – отметил Уайт в разговоре с еще одним журналистом. – Он признал, что я с ним обращался вполне корректно и искренне хотел, чтобы он стал полноправным членом общества»^[591]. В 1944 году Руденски освободили с испытательным сроком, и он сделал успешную карьеру писателя и бизнесмена.

После выздоровления Уайта направили руководить куда более спокойным местом – тюрьмой Ла-Туна. Пайл писал: «Пережитое не прошло бесследно для директора Уайта. Он стал не то что запуганным, но каким-то взвинченным, нервным». И далее: «Я не могу понять, как после такого можно чувствовать к арестантам что-то еще кроме ненависти. Но директор Уайт – человек из другого теста. То, что касается его профессии, он полностью ей соответствует. Он – серьезный и приятный человек, который научился держать эмоции под контролем»^[592].

Если результаты расследования убийств осейджей Дж. Эдгар Гувер превратил в рекламную витрину достижений Бюро, серия сенсационных преступлений в 30-е годы дала возможность перестроить и расширить вверенную ему организацию до того мощного аппарата, каким она является и сегодня. В этом ряду было похищение ребенка Чарльза Линдберга и бойня в Канзас-Сити, когда в перестрелке при транспортировке члена банды

Эла Спенсера Фрэнка «Желе» Нэша были убиты несколько полицейских. В конвое был и давний коллега Уайта, агент Фрэнк Смит, которому удалось уцелеть (журналист Роберт Унгер впоследствии писал, как Смит и еще один агент, первоначально утверждавшие, что стрелявших не запомнили, под давлением Гувера внезапно смогли их опознать). Вследствие этих происшествий Конгресс принял ряд реформ в рамках рузвельтовского «Нового курса», давших правительству первый всеобъемлющий уголовный кодекс и расширивших полномочия Бюро. Отныне агенты были вправе производить аресты и иметь при себе огнестрельное оружие, а организация вскоре получила новое название: Федеральное бюро расследований. «Прежние дни скромных возможностей подошли к концу^[593], – писал биограф Гувера Курт Джентри. – Миновали времена, когда специальные агенты были простыми следователями». Брат Уайта Док участвовал в это время во многих самых заметных расследованиях – от охоты на врагов общества вроде Джона Диллинджера до ликвидации Мамаши Баркер и ее сына Фреда. Тем временем сын Тома тоже поступил на службу в Бюро; он представлял уже третье поколение стражей закона в семье.

Гувер ревностно следил за тем, чтобы ФБР не отделяли от него самого. Президенты приходили и уходили, а этот бюрократ оставался. К тому времени он успел нарастить жирок, а щеки все больше и больше напоминали бульдожья. «Я поднял глаза и увидел Дж. Эдгара Гувера на балконе, застывшего где-то в недостижимых высотах вместе со своим туманным королевством за спиной, которое держало под контролем всех и вся от президента к президенту и от десятилетия к десятилетию», – писал репортер журнала «Лайф»^[594]. Бесчисленные подробности о злоупотреблениях полномочиями со стороны бессменного директора Бюро стали всеобщим достоянием лишь после его смерти в 1972 году. При всей проницательности Уайт был не в состоянии разглядеть манию величия своего шефа, который политизировал ведомство и все время плел интриги против заносимых в постоянно растущие списки якобы «недругов», среди которых были и индейские борцы за свои права.

Годами Уайт регулярно писал Гуверу. Так, однажды это было приглашение к родственнику: «На ранчо не придется отказываться от комфорта – там есть все удобства, кроме кондиционера, да он и не нужен»^[595]. Гувер, однако, вежливо отказался. К тому времени он был слишком занят и не особо интересовался своим хоть некогда и прославившим его, но бывшим агентом. Когда Уайт в возрасте 70 лет ушел с поста смотрителя тюрьмы Ла-Туна, Гувер послал ему открытку лишь после того, как кто-то из фаворитов подсказал, что тот будет несказанно рад «личному посланию директора Бюро по случаю выхода на пенсию»^[596].

В конце 50-х годов стало известно, что в Голливуде собираются снять фильм под названием «История агента ФБР с Джеймсом Стюартом в роли непримиримого борца с преступностью. Предполагался и эпизод о событиях в Осейдж-Хиллз. Уайт направил Гуверу письмо, в котором спрашивал, не хотели бы кинематографисты побеседовать и с непосредственным участником событий. «Я был бы рад сообщить им некоторые сведения, поскольку мне это дело известно от начала до конца»^[597]. В ответном послании директор Бюро ответил: «Непременно буду иметь в виду», однако за консультациями к Уайту так никто не обратился^[598]. Зато сам Гувер появился в эпизоде этого фильма, вышедшего на экраны в 1959 году, еще сильнее укрепив свою репутацию и известность.

Фильм имел успех, и все же дело в Осейдж-Хиллз постепенно выветривалось из памяти американцев, и скоро о нем совсем позабыли. В конце 50-х годов Уайт подумывал написать книгу об этих событиях. Он стремился запечатлеть творимые в ту пору преступления против осейджей и позаботиться о том, чтобы агенты, сотрудничавшие с ним, заняли бы подобающее место в истории. Все они так и остались людьми малоизвестными, а кое-кто до самой смерти прозябал в бедности. После смерти одного из работавших под прикрытием агентов его жена просила о получении пенсии за мужа, и сотрудник ФБР, знавший умершего, проинформировал Гувера, что семья «столкнулась с серьезными трудностями»^[599].

Несколько лет спустя после расследования убийств в Осейдж-Хиллз агент из племени юта Рен был снова уволен из Бюро, на сей раз окончательно. Покидая место работы, он сыпал проклятиями и вещами, взятыми с рабочего места. Как он писал позже, с ним обошлись «несправедливо, необоснованно и некорректно»^[600]. Однако потом гнев миновал, и незадолго до своей смерти в 1939 году Рен написал Гуверу письмо, в котором были такие слова: «Когда я читаю о вас и ваших сотрудниках, это часто наполняет меня радостью и гордостью. Тогда я вспоминаю старые времена. Я очень горжусь вами и до сих пор считаю вас своим шефом»^[601].

Конечно, Уайт стремился увековечить не только заслуги коллег, но рассчитывал отвести небольшое место в истории и для себя, хотя сам никогда бы с этим утверждением не согласился. Он написал несколько страниц, но стиль его оставлял желать лучшего:

«Директор Бюро, мистер Дж. Эдгар Гувер, уведомив меня о серьезности инцидентов, поручил мне как можно скорее возвратиться в Хьюстон, сдать дела и без промедления явиться в местное отделение в Оклахома-Сити. Он сказал, что я должен подобрать себе агентов из тех сотрудников, которых я знаю и которые наилучшим образом подходят для этой работы. ... Необходимость работы агентов под прикрытием стала для нас тем более очевидной после того, как мы, прибыв на место, выяснили, в каком страхе пребывают проживающие там индейцы»^[602].

Поняв, что писатель из него никудышный, в 1958 году Уайт взял в соавторы Фрэда Гроува, автора романов-вестернов, который сам был наполовину осейдж и на момент взрыва дома Смитов еще мальчиком жил в Фэрфаксе. Это событие до сих пор не стерлось из его памяти. Пока Гроув работал над книгой, Уайт попросил его в письме, чтобы он писал от третьего лица. «Мне хотелось бы всячески избежать яканья, ибо многие сочли бы, что все события вертятся исключительно вокруг моей персоны, – пояснил он. – Если бы мне не помогали в работе отличные агенты, мы бы это не потянули. Ни в коем случае нельзя забывать также нашего шефа Дж. Эдгара Гувера, директора ФБР»^[603].

В письме Гуверу Уайт спрашивал, не могло бы Бюро для подготовки книги предоставить ему некоторые архивные дела. Кроме того, просил написать краткое предисловие. «Надеюсь, я не требую от вас слишком многого, – писал Уайт. – Я верю, что для нас всех, кто и сейчас, и тогда кровно заинтересован в нашей выдающейся организации, Федеральном бюро расследований, это было бы очень ценным. В конце концов, и вы, и я – одни из немногих ныне здравствующих, кто стоял у ее истоков»^[604]. В памятной записке для служебного пользования заместитель директора Бюро Клайд Толсон, многолетний коллега и товарищ Гувера, с которым, по слухам, шефа ФБР связывали едва ли не романтические отношения, писал: «Предоставить кое-какие материалы можно, но только ограниченно, то есть самые обычные»^[605].

Постепенно Уайт начинал сдавать. Он страдал артритом, спотыкался при ходьбе, падал, что приводило к травмам. В сентябре 1959 года его жена говорила Гроуву: «Любая болезнь для него – катастрофа, они совершенно выводят его из себя. Мы все еще надеемся, что состояние его улучшится настолько, что он сможет в конце октября поехать в Даллас и принять участие во встрече бывших агентов ФБР»^[606]. Даже в таком состоянии Уайт помогал работать над книгой до тех пор, пока рукопись не была завершена. В письме соавтору Уайт писал: «Надеюсь, что все счастье мира улыбнется нам в лице хорошего издателя». И добавил, что держит «пальцы скрещенными»^[607]. Однако издателям повествование показалось пресным и скучным, и хотя Гроув в итоге ввел в книгу элементы вымысла и снабдил ее эффектным названием «Годы страха», рассказ об этих событиях одного из главных действующих лиц так и не был опубликован. «Мне жаль, откровенно жаль сообщать вам в этом письме такого рода новости»^[608], – писал один издатели.

11 февраля 1969 года Док умер в возрасте 84 лет на ранчо, где выросли все пятеро братьев и сестер. В письме Уайт сообщил бывшему шефу о печальном известии, добавив с тоской: «А теперь остался я один»^[609]. В октябре 1971-го он, очевидно, перенес

апоплексический удар. Ему исполнилось 90 лет, и уже ничто не могло его спасти. Ранним утром 21 декабря он просто перестал дышать. Его друг сказал: «Он умер, как и жил, спокойно и с тихим достоинством»^[610].

Один из сотрудников попросил Гувера написать вдове письмо с выражением соболезнования, подчеркнув, что в личном деле Уайта не было ничего, что могло бы «удержать от этого»^[611]. Директор Бюро послал букет цветов, который положили на гроб, перед тем как опустить его в могилу.

На какое-то мгновение, прежде чем исчезнуть в тумане забвения, Уайт вновь удостоился похвал, как добросовестный агент, установивший истину зверских убийств индейцев. Через пару лет Бюро опубликовало несколько дел о дознаниях в округе Осейдж – необходимо было напомнить об этом общественности Америки. В этих и других исторических отчетах отсутствовал тем не менее решающий пункт, нечто такое, на что даже сам Уайт не обратил внимания. Эти события имели еще одно измерение – существовал куда более значительный и далеко идущий, куда более темный и страшный заговор, который Бюро так и не раскрыло.

Хроника третья Репортер

До нас дошли лишь кое-какие изустные предания; мы извлекаем из старинных сундуков, ящиков и картонок письма без обращения и подписи, в которых некогда жившие мужчины и женщины теперь являют собой лишь инициалы или прозвища, символы каких-то теперь совершенно непонятных страстей, которые звучат для нас как санскрит или язык индейцев чокто; мы видим смутные силуэты людей, в чьей горячей плоти и крови дремали в ожидании мы сами, людей, которые, все больше и больше удаляясь в смутную глубину веков, принимают теперь размеры поистине героические и разыгрывают перед нами сцены неподвластных времени и непостижимых первобытных страстей и первобытного насилия.

*Уильям Фолкнер, «Авессалом, Авессалом!»
(Перевод М. Беккер. – Прим. перев.)*

Глава 22 Призрачная земля

Многое исчезло. С постепенным истощением огромных запасов нефти исчезли крупные нефтяные компании и леса вышек. Исчез и Вяз Миллионеров. Исчезли железные дороги, в том числе та, на которой Эл Спенсер и его банда в 1923 году совершили последнее в Оклахоме ограбление поезда. Исчезли преступники, многие из них умерев так же картинно, как и жили. Исчезли и почти все городки, возникшие на волне экономического бума, где с утра до ночи кипела жизнь. От большинства из них остались лишь заброшенные здания, населенные летучими мышами, грызунами, голубями и пауками. Об Уизбанге напоминает всего несколько поросших травой каменных развалин. Пару лет назад старожил одного из таких мест сетовал: «Исчезли магазины, исчезла почта, исчезли поезда, исчезла школа, исчезла нефть, исчезли мальчики и девочки – исчезло все, кроме кладбища, которое ширится и ширится»^[612].

В Похаске тоже множество заброшенных зданий, но это одно из немногих мест, которое сохранилось. В городе 3600 жителей. Есть школы, здание суда (то, в котором проходил процесс Эрнеста Беркхарта) и несколько ресторанов, в том числе один «Макдоналдс». Кроме того, Похаска по сию пору остается столицей народа осейдж, в 2006 году принявшего новую конституцию. Нация в 20 000 человек со своим избранным правительством. Большая их часть рассеяна по всему штату и стране, но около 4000 проживают в округе Осейдж, над подземной резервацией. Историк племени Луис Ф. Бернс отмечает, что после того как от «его народа оставались только куски и обломки»^[613], он «восстал из пепла прошлого».

В один из летних дней 2012 года я приехал в Похаску в первый раз. Приехал из Нью-Йорка, где живу и работаю журналистом. Я надеялся найти информацию о почти столетней давности убийствах осейджей. Как и большинство американцев, из учебников истории я ничего не знал об этих преступлениях, как будто их попытались стереть из истории. Случайно наткнувшись на упоминание о них, я начал расследование. С тех пор я был одержим желанием найти ответы на оставшиеся открытыми вопросы, чтобы заполнить пробелы в расследовании ФБР.

В Похаске я зашел в Музей народа осейдж, где у меня была назначена встреча с его давним директором Кэтрин Рэд Корн – женщиной за семьдесят, с широким лицом и короткими седеющими волосами. За ее дружелюбной академической манерой чувствовалась внутренняя энергия. Кэтрин показала мне фотографии многих из получивших земельные наделы 2229 осейджей, в 1906 году имевших права на землю, включая нескольких ее предков. В витрине я обнаружил фотографию сидевшей в кругу сестер счастливой Молли Беркхарт. На другой была ее мать Лиззи, и куда бы в экспозиции я ни посмотрел, я видел все новые и новые жертвы «Эпохи террора». Вот молодой, эффектный Джордж Бигхарт в ковбойской шляпе. Там Генри Роан с длинными косичками. А вон щеголевато одетый Чарльз Уайтхорн в костюме и галстук-бабочке.

Самая впечатляющая фотография занимала всю стену зала. Это был панорамный снимок членов племени вместе с известными местными белыми бизнесменами и политиками, сделанный на празднике в 1924 году. Присмотревшись, я заметил, что одной части нет, как будто кто-то вырезал ее ножницами. Я спросил Рэд Корн, что случилось с этим фрагментом.

– Это слишком больно показывать, – сказала она.

Когда я спросил – почему, она указала пустое место и произнесла:

– Прямо здесь стоял дьявол.

Она на мгновение исчезла, а затем вернулась с небольшим, слегка расплывчатым отпечатком недостающей части фотографии: с нее в объектив холодно смотрел Уильям К. Хэйл. Осейджи убрали его изображение не для того, чтобы, как большинство американцев, забыть убийства, а потому, что не могут забыть.

Несколько лет назад, рассказала мне Рэд Корн, на вечеринке в Бартлсвилле она разговорилась с одним мужчиной. «Он сказал, что у него хранится череп Анны Браун». Очевидно, речь шла о той части черепа, которую в 1921 году оставил у себя гробовщик и передал агентам Бюро для проведения следствия. Вне себя Рэд Корн сказала мужчине: «Его надо похоронить». Она позвонила вождю осейджей. Так череп Анны был передан племени и подзахоронен к ее останкам.

Рэд Корн назвала мне имена многих осейджей, которые, как она полагала, могли располагать информацией об убийствах, и обещала позже рассказать мне передаваемую из поколения в поколение историю своего деда.

– Нам трудно говорить о происходившем в «Эпоху террора», – объяснила она. – Многие осейджи потеряли мать, отца, родных или двоюродных сестер и братьев. Эта боль не утихнет никогда.

В июне на протяжении нескольких выходных осейджи проводят ритуальные танцы^[614]. Называются они «И’н-Лон-Шка», и в разное время их устраивали в Хомини, Похаске и Грей-Хорс – трех местах, где первоначально поселились осейджи, придя в 1870-х годах в резервацию. Эти танцы помогли сохранить угасающие традиции и сплотить племя. Его члены съезжаются отовсюду, чтобы встретиться с родными и друзьями, устроить пикник и вспомнить прошлое. Историк Бёрнс однажды написал: «Заблуждение думать, что осейджи прошли страшное испытание и не изменились. То, что удалось спасти, дорого нашим сердцам вдвойне, потому что сохранилось. Ушедшее тоже драгоценно, поскольку это то, чем мы когда-то были. Мы бережем наше прошлое и настоящее в глубине души и смотрим в будущее. Мы остаемся осейджами. Мы живем и доживаем до старости за наших предков»^[615].

В следующий приезд я отправился в Грей-Хорс посмотреть на танцы, а также встретиться и поговорить с одним человеком, которого, как сказала мне Рэд Корн, убийства задела очень сильно. От первоначального поселка теперь почти ничего не осталось, кроме нескольких гниющих балок и кирпичей, погребенных под ритмично колыхаемой ветром травой прерий. Для танцев осейджи возвели посреди пустоши, постепенно захватываемой природой, павильон с железной крышей в форме гриба, утрамбовали на суглинистой земле круглую площадку и расставили деревянные скамейки. Когда я прибыл туда в субботу утром, в павильоне было полно людей. В центре, у священного барабана, с помощью которого обращаются к Ва-Кон-Та, собралось множество мужчин – музыкантов и певцов. Вокруг них стояли так называемые «певицы», а еще один кружок объединял с десяток молодых и старых танцоров в кожаных штанах, расшитых лентами ярких рубахах и с привязанными под коленями бубенчиками. На каждом был также головной убор из орлиных перьев, колючек дикобраза или оленьего хвоста.

Под звуки барабанов и пение танцоры пошли по кругу против часовой стрелки, символически представляя вращение Земли. Они в такт топали ногами по мягкой почве, бубенчики звенели. Когда бой барабанов и пение хора сделались громче, танцоры слегка наклонились вперед, ускорили шаги и сошлись, не нарушая строя. Один принялся кивать, а другой раскинул руки как орел. Остальные двигались так, будто шли по следу или охотились.

В прежние времена женщинам исполнять эти танцы запрещалось, но теперь они тоже принимали в них участие. В блузках, черных хлопчатобумажных юбках и ручного плетения поясах они описывали более медленные величавые хороводы вокруг танцоров-мужчин. Подпрыгивая при каждом шаге, туловища и головы они держали прямо.

Множество осейджей, сидя на скамьях, смотрели и обмахивались от жары. Некоторые тайком косились в свои сотовые телефоны, однако большинство почтительно следили за действием. На каждой скамье стояла фамилия осейджской семьи, и, оглядевшись, я увидел с южной стороны павильона искомую с надписью: «Беркхарт».

Вскоре ко мне подошла индианка-осейдж, немного за пятьдесят, в пастельно-голубом платье и модных очках. Длинные блестящие черные волосы были забраны в конский хвост. Выразительное лицо показалось мне смутно знакомым.

– Привет, я – Марджи Беркхарт, – протягивая руку, сказала она.

Марджи оказалась внучкой Молли Беркхарт и членом правления здравоохранительной организации осейджей. Приехала на танцы из своего дома в Талкве, что примерно в 70 милях к юго-западу от Талсы. С Марджи был ее муж Эндрю Лоу, из крикского племени семинолов.

Мы все втроем сели на деревянную скамью, смотрели на танцоров и говорили о семье Марджи. Ее покойный отец – Джеймс «Ковбой» Беркхарт – был сыном Молли и Эрнеста. Он и его сестра Элизабет, тоже уже скончавшаяся, стали свидетелями «Эпохи террора» в доме своего отца. Марджи сказала об Эрнесте:

– Он отобрал у моего отца все – тетушек, двоюродных братьев и сестер, доверие.

Хотя Ковбоя терзали преступления Эрнеста, Молли он обожал.

– Он говорил о ней с любовью, – вспоминала Марджи. – Когда он был маленьким, у него постоянно сильно болели ушки, и она дула в них, чтобы утишить боль.

После развода с Эрнестом Молли жила со своим новым мужем Джоном Коббом в резервации. Марджи слышала, что это был счастливый брак, счастливая полоса в жизни ее бабушки. 16 июня 1937 года Молли умерла. Ее смерть, в которой не нашли ничего подозрительного, не вызвала сильного отклика в прессе. Газета «Фэрфакс чиф» поместила короткую заметку: «Миссис Молли Кобб, пятидесяти лет ... умерла в среду в 11 часов в своем доме после продолжительной болезни. Она была чистокровной индианкой-осейдж»^[616].

Позднее в том же году Эрнест Беркхарт был освобожден условно-досрочно. Совет племени осейдж принял резолюцию, в которой выражался протест и говорилось, что

«признанному виновным в столь подлых и варварских преступлениях не должно быть позволено вернуться на место их совершения»^[617]. «Канзас-Сити таймс» писала в передовой статье: «Досрочный выход Эрнеста Беркхарта из тюрьмы штата Оклахомы напоминает о самом поразительном деле об убийствах в истории Юго-Запада – массовом истреблении индейцев осейдж за их нефтяные права. ... Освобождение ведущего участника хладнокровного сговора после отбытия чуть более десяти лет из пожизненного заключения, похоже, демонстрирует один из сокрушительных сбоев в системе»^[618].

Марджи сказала, что впоследствии Эрнест ограбил дом осейджей и снова отправился за решетку. В 1947 году, когда он еще отбывал срок, выпустили Хэйла, отсидевшего двадцать лет в Левенуэрте. Члены комиссии по условно-досрочному освобождению обосновали свое решение преклонным возрастом – 72 года – и примерным поведением заключенного. Вождь осейджей сказал, что того «за его преступления следовало повесить»^[619], а члены племени были убеждены, что это последнее следствие политического влияния Хэйла. Ему запретили снова ступить на землю Оклахомы, однако, по словам родственников, однажды он приехал к ним и сказал: «Если бы этот чертов Эрнест держал рот на замке, сейчас мы были бы богаты...»

Марджи сказала мне, что никогда не встречала Хэйла, умершего в 1962 году в доме престарелых в Аризоне. А вот Эрнеста видела, после того как в 1959 году его снова выпустили из тюрьмы. Поскольку въезд в Оклахому ему был запрещен, он поначалу работал на овцеводческой ферме в Нью-Мексико, где получал 75 долларов в месяц. В ту пору один журналист заметил: «Вне всякого сомнения, это резко контрастировало с днями, когда, будучи мужем богатой индианки, он купался в достатке»^[620]. В надежде получить возможность вернуться в Оклахому, Эрнест в 1966 году подал прошение о помиловании. Само дело не сохранилось, но есть его заявление в комиссию штата из пяти человек, где он ссылается на сотрудничество с Бюро в ходе расследования убийств (Уайт неизменно подчеркивал, что признание Беркхарта спасло дело). Вопреки яростным протестам осейджей, тремя голосами против двух положительное решение было принято и подписано губернатором. «Помилован убийца за нефтяные пай», – провозглашала газета «Оклахомэн» и продолжала: «Осейджи в ужасе»^[621].

Согбенный и с сильно поредевшей шевелюрой, Эрнест вернулся в округ Осейдж, где сперва поселился с братом, Брайаном.

– Когда мы впервые встретились, я была подростком, – вспоминала Марджи. – Меня сильно поразило, что выглядел он милым дедушкой. Он был очень худ, с седеющими волосами и добрым взглядом. Он не ожесточился даже после стольких лет, проведенных в тюрьме. У меня в голове не укладывалось, что этот человек мог сотворить такое...

Ее голос пропал в громе барабанов. Некоторое время спустя она продолжила:

– Моему отцу пришлось очень тяжело. Он и Лиз подверглись остракизму со стороны племени, что было чрезвычайно болезненно. Они нуждались в семье и поддержке, но не получили ни того, ни другого.

И отец обозлился – обозлился на весь свет. Муж Марджи добавил, что досталось и Элизабет:

– У нее началось что-то вроде мании преследования.

Марджи кивнула и сказала:

– Тетя не могла подолгу оставаться на одном месте и постоянно меняла адреса и телефоны.

Элизабет не захотела встречаться с Эрнестом, который в конце концов поселился в трейлере с мышами на самой границе округа Осейдж. Ковбой же время от времени его навещал.

– Думаю, в глубине души он тосковал по отцу, – проговорила Марджи. – Но не мог забыть, что тот совершил. Называл его «Старый Динамит».

Когда в 1986 году Эрнест умер, его кремировали. Перед смертью он пожелал, чтобы сын развеял пепел над Осейдж-Хиллз.

– Коробка много дней просто валялась дома, – вспоминала Марджи. – Наконец однажды вечером папа вышел из себя, схватил ее и просто выбросил с моста.

В перерыве между танцами, когда солнце клонилось к закату, Марджи предложила прокатиться и показать мне Грей-Хорс. Втроем мы сели в авто и поехали по узкой пыльной дороге. Недалеко от павильона, почти полностью скрытый за дубами, находился один из немногих уцелевших домов.

– Тут я выросла, – сказала Марджи.

К моему удивлению, дом походил скорее на маленькую бревенчатую хижину, а не на особняк. Великая депрессия уничтожила состояния многих осейджей, и без того уже многократно уменьшенные ворами и опекунами. Марджи сказала, что Молли не была исключением. Цена барреля нефти, во времена бума перевалившая за 3 доллара, в 1931 году упала до 65 центов, и годовые отчисления от паев снизились до менее чем восьмисот долларов. В следующем году «Литерари дайджест» выпустила статью под заголовком «НЕФТЯНЫЕ БОГАТСТВА ОСЕЙДЖЕЙ ТАЮТ»^[622]. В ней говорилось: «Эти индейцы привыкли кататься как сыр в масле. Однако теперь ... их доходы от нефти стремительно испаряются, а это практически единственное, чем они располагали». К тому же месторождения постепенно истощались. В 1929 году, еще перед обрушением биржевого рынка, одна общенациональная газета писала: «Если нефтяная карта продолжит меняться, лет через пять племени снова придется начать работать»^[623].

В следующее десятилетие начала вымирать большая часть городков времен экономического бума, среди них и Грей-Хорс.

– Когда я была маленькой, я слышала, как работают нефтяные вышки, – вспоминала Марджи. – Потом в один день шум прекратился.

Сегодня на всей территории резервации разбросано еще около десяти тысяч скважин, но в основном так называемые «истощенные», каждая дает не более 15 баррелей в день. Когда в 2012 году в Талсе прошел аукцион аренды нефтяных участков осейджей, три ушли с молотка в общей сложности менее чем за 15 000 долларов. Марджи унаследовала от отца чуть больше половины пая и продолжает ежеквартально получать чек за свою долю. Сумма варьирует в зависимости от цен на нефть, но в последние годы обычно составляет несколько тысяч долларов.

– Конечно, это неплохое подспорье, однако жить на это невозможно, – говорит Марджи.

Как и другие племена, осейджи нашли новые источники получения доходов – в частности от семи казино, которые были открыты на их территории (и прежде назывались «Казино Вяза Миллионеров»). Они приносят миллионы долларов, позволяющие финансировать административные расходы, программы образования и здравоохранения. Кроме того, осейджам удалось вернуть по меньшей мере часть нефтяных доходов, которыми правительство США на протяжении десятилетий распоряжалось бесхозяйственно. В 2011 году, после 11-летней судебной баталии, власти согласились удовлетворить иск и выплатить 380 миллионов долларов.

Во время нашей поездки по Грей-Хорс мы оказались на поляне, где находилось старое кладбище. Мы вышли из машины, и Марджи остановилась у надгробного камня, на котором стояло имя Молли Беркхарт. Эпитафия гласила: «Она была доброй и любящей женой, заботливой матерью и общим другом». Рядом обрели последнее упокоение ее убитые сестры, зять Билл Смит, мать Лиззи и первый муж Генри Роан. Глядя на могильные камни, Марджи спросила:

– Что за человек мог это сделать?

Она наклонилась и поправила цветы, которые разложила вокруг.

– Я всегда стараюсь украсить могилы, – сказала она.

Мы продолжили наше путешествие и выехали на грунтовую дорогу, идущую по прерии. Насколько хватало глаз, простиралось зеленое море роскошного высокотравья, в котором лишь кое-где виднелись небольшие ржавые нефтяные вышки и пасущиеся коровы. Ранее,

подъезжая к Грей-Хорс, я с удивлением заметил трех бизонов, чьи склоненные головы и огромные, поросшие шерстью тела контрастировали с казавшимися невероятно тонкими ногами. В XIX веке этих животных здесь истребили, но в наши дни защитники природы восстанавливают их популяцию в прерии. Медиамагнат Тэд Тернер разводил бизонов на огромном ранчо между Фэрфаксом и Похаской, в 2016 году купленном племенем осейдж.

Пока мы ехали по прерии, за горизонт медленно опускалось солнце – сначала безупречный оранжевый диск, потом полукруг, а затем четверть, – прежде чем, ослепив последней вспышкой, полностью исчезнуть. Марджи сказала:

– Люблю, когда небо розовеет, как сейчас.

Мы вроде бы бесцельно двигались дальше по мягко очерченным холмам – будто корабль, предоставленный на волю волн. На одной из вершин машина вдруг резко остановилась. Вдали лежал овраг, на дне которого извивался поток.

– Там, внизу, застрелили Анну, – сказала Марджи. – Однажды папа посадил меня, маленькую, с собой на коня и привез сюда. Только мы, лошади и это место. Было жутковато.

В 2009 году индианка-осейдж Элиз Пашен опубликовала стихотворение «Ви'-джи-е», что означает «Молитва». Оно рассказывает об убийстве Анны Браун устами Молли Беркхарт:

Ибо она умерла там, где овраг сбегает к воде.

Ибо стащили ее к ручью.

В смерти одета в простое синее платье была.

Хоть мороз прихватил траву, она студила ноги в ключе.

Ибо я повернула колоду ногой.

Ее мокасины медленно плыли к плотине.

Ибо тело ее охотники, как потеплело, нашли.

Заканчивается стихотворение такими строками:

В пору Хта-ка Жи-га Це-те, месяца, убивающего цветы.

Перейду я реку черной рыбы, выдры и бобра.

Выберусь на берег, где бессмертная ива стоит^[624].

Когда мы двинулись дальше, прерия погрузилась в ночную тьму. Пыльную дорогу освещали только лучи фар. Марджи сказала, что, когда она была еще ребенком, родители поведали ей, что сотворили Эрнест и Хэйл.

– Всякий раз, когда я не слушалась, я спрашивала себя: «Что, если зло сидит и во мне?» – вспоминала она.

Она сказала, что по местному телевидению время от времени показывали фильм «История агента ФБР». Они смотрели всей семьей и плакали.

Слушая ее, я понял, что господство страха травмировало и продолжает травмировать целые поколения. Праправнук Генри Роана однажды сказал о следе, оставленном убийствами: «Думаю, он где-то в глубине души. Возможно, мы его не осознаем, но он есть, особенно если был убит член семьи. Просто где-то внутри ты никому не доверишь»^[625].

Прерия осталась позади, и мы въезжали в центр Фэрфакса. Хотя официально он остается городом, но, кажется, стоит на грани забвения. Население год от года сокращается и уже составляет менее 1400 жителей. Вдоль главной улицы стоят возведенные во времена бума здания в стиле Дикого Запада, но они заброшены. Мы затормозили перед большой витриной, мутной от грязи и паутины.

– Это была «Биг Хилл Трейдинг Компани», – сказала Марджи. – Когда я росла здесь, магазин еще работал. Он был огромный, с такими большими точеными перилами и старыми деревянными полами. Все пахло деревом.

Я смотрел на улицу и пытался представить себе, какой ее видели Молли Беркхарт и Том Уайт – автомобили марки «Пирс-Арроу», кафе, нефтяники и осейджская аристократия. И

разгул дикой злобы, некогда разгоревшийся здесь. Сегодня даже в субботний вечер это был «город-призрак», как выразилась Марджи.

Она поехала дальше и свернула с главной улицы к небольшому жилому району. Там еще стояла пара старых особняков, давно заброшенных и разрушающихся. Некоторые полностью заросли выюнком. Марджи замедлила ход, словно пытаясь разглядеть что-то.

– Что ты ищешь? – спросил ее муж.

– Место, где был взорванный дом.

– Это не с противоположной стороны?

– Нет... а, вот оно. – Марджи остановилась перед участком, на котором давно выстроили другой дом.

И тут она упомянула о том, о чем я не читал ни в одном отчете ФБР. Отец рассказывал ей, что они с матерью и сестрой Элизабет в ночь взрыва собирались ночевать у Смитов. Но у Ковбоя разболелись ушки, и все остались дома.

– Только из-за этого они спаслись, – сказала Марджи. – Чистая случайность.

Потребовалось время, прежде чем до меня окончательно дошло.

– Папе всю жизнь пришлось жить с мыслью, что его отец хотел его убить, – сказала Марджи.

Некоторое время мы сидели в машине, пытаясь осознать то, что не укладывалось в голове даже после всех этих лет. Наконец Марджи нарушила молчание и сказала:

– Почему бы нам не вернуться на танцы?

Глава 23

Дело не закрыто

История – безжалостный судья. Она вскрывает наши трагические просчеты, мучительные ошибки и обнажает наши самые сокровенные тайны, крепкая задним умом, как надменный детектив, знающий, чем все закончилось, с самого начала. Проштудировав исторические документы, я узнал то, чего не могла знать о своем муже Молли (как сказал один осейдж: «Можно ли поверить, что кто-то женится на тебе и убьет твою семью из-за денег?»). Я мог увидеть то, чего не мог увидеть Уайт – раскусить ложное признание Лоусона или зловещие скрытые мотивы Гувера. Копнув убийства осейджей глубже – и зарывшись в болото протоколов вскрытий, свидетельских показаний и наследственных записей, – я выявил в расследовании Бюро определенные пробелы.

Когда Хэйла и его соучастников приговорили к пожизненному заключению, власти утверждали, что виновные найдены. После того как Уайта перевели на службу в Левенуэрт, дела закрыли с величайшим триумфом, хотя Бюро не смогло связать Хэйла с каждым из 24 убийств. Действительно ли во всех виновен был он один? Кто, например, похитил в Вашингтоне Макбрайда или выбросил из мчащегося поезда У. У. Вогана?

Хэйл творил свои кровавые дела чужими руками, но нет никаких доказательств, что именно его всегдашние приспешники, такие как Брайан Беркхарт, Аса Кирби, Джон Рэмси и Келси Моррисон, отслеживали в столице страны нефтяного магната или сели в один поезд с адвокатом. Кто бы это ни сделал, преступники остались безнаказанными.

В деле Макбрайда новых следов найти не удалось, но в один прекрасный день я отправился на поиски в Оклахома-Сити и позвонил Марте Воган, внучке У. У. Вогана. Она была социальным работником и жила в Соллисо, примерно в 160 милях от столицы штата. Женщина с радостью согласилась встретиться и поговорить о дедушке.

– Ждите меня в отеле Скёрвен, – сказала она. – Я хотела бы показать вам, какое богатство принесла нефть Оклахомы.

Едва зайдя в отель, я понял, что она имела в виду. Построенный в 1910 году нефтяным магнатом У. Б. Скёрвеном, он когда-то считался самым изысканным отелем Юго-Запада. В нем был бальный зал на пятьсот человек с привезенными из Австрии хрустальными люстрами и колоннами, капители которых украшали бюсты Вакха, греческого бога вина и виноделия. Здесь в одном из номеров, раскладывая пасьянс, умер – скорее всего, от кровоизлияния в мозг – адвокат Хэйла Сарджент Прентисс Фрилинг. В 1988 году, во время

обвального падения цен на нефть, отель закрылся и долгие годы оставался заброшен. Однако спустя почти двадцать лет после дорогостоящего, обошедшегося почти в 55 миллионов долларов ремонта вновь открыл двери уже как звено цепи «Хилтон».

Я ждал Марту в вестибюле с оригинальной деревянной входной аркой и глядящими с потолка фигурами Вакха. Женщина пришла не одна, а вместе с двоюродным братом Мелвиллом Воганом, профессором биологии Университета Центральной Оклахомы.

– Он много знает о дедушке, – пояснила Марта.

Мелвилл принес с собой две толстые папки. Мы сели у барной стойки, и он положил их передо мной. Их заполняли материалы расследований убийства У. У. Вогана, которые семья фанатично собирала десятилетиями. Здесь были выцветшие газетные вырезки («Найден голый труп мужчины из Похаски»)^[626], свидетельство о смерти и показания осведомителя ФБР о том, как адвокат незадолго до гибели говорил, что получил материал «достаточный, чтобы посадить Билла Хэйла на электрический стул»^[627].

Марта и Мелвилл рассказали, что вдова Вогана, Роуз, в один миг оказалась без средств и с десятью малыми детьми на руках. Из своего двухэтажного дома ей пришлось перебраться в гараж.

– Порой у нее не хватало денег на еду, – сказала Марта. – Осейджи сбросились и помогали кормить семью.

Кое-кто из детей Вогана, в том числе отец Марты, росли в семьях индейцев, где выучили их язык и традиционные танцы.

– Среди осейджей отец чувствовал себя как дома, – добавила женщина.

По ее словам, многие члены семьи считали, что заставить Вогана замолчать приказал Хэйл. Но они также полагали, что это далеко не все. Они спрашивали, кто был исполнителем и как все произошло. Убили ли Вогана до того, как выбросили из поезда, или он погиб при падении? Некто влиятельный позаботился, чтобы расследование забуксовало – в качестве причины смерти указали «неизвестна».

Мы некоторое время обсуждали детали дела. Мелвилл пояснил, что Воган был высок и крепок – значит, убийца должен был обладать недюжинной физической силой или у него был помощник. Я вспомнил о словах адвоката жене, что она найдет доказательства убийств и деньги на содержание семьи в тайнике. Как убийца мог его обнаружить? Марта сказала, что тут есть лишь два возможных варианта: либо убийца заставил жертву признаться, прежде чем скинуть с поезда, либо был одним из тех, кому Воган доверял настолько, что тот располагал этой информацией.

Мелвилл сказал, что после того как Хэйла посадили, один из родственников пытался продолжить расследование. Однако затем получил анонимную угрозу, что закончит так же, как убитый, если поиски не прекратятся. После этого семья отступилась. Марта сказала:

– Помню, как однажды спросила своего самого старшего дядю – мы с сестрой пришли к нему незадолго до его смерти. Мы спросили: «Кто убил дедушку Вогана?» Он упомянул об угрозе в адрес семьи и просил не лезть в это дело. Он все еще боялся.

Я спросил, упоминала ли Роуз или еще кто-нибудь из родственников кого-то другого помимо Хэйла, как возможного подозреваемого.

– Нет, – сказала Марта. – Однако был человек, который после смерти дедушки Вогана присвоил деньги из его наследства, и Роуз подала против него гражданский иск.

Я спросил, как звали этого человека.

– Какой-то Бёрт, – сказала Марта.

– Да, Х. Г. Бёрт, – сказал Мелвилл. – Он был президентом банка.

Я записал имя в блокнот и, подняв глаза, заметил в их взглядах напряженное ожидание. Внезапно я испугался, что пробудил ложные надежды.

– Это было давно, – предупредил я. – Но я попробую что-нибудь найти.

Юго-восточное отделение Национального управления архивов и документации расположено в Форт-Уэрте, Техас, в складском здании, превосходящем размером ангар

среднего аэропорта. Там при контролируемой влажности воздуха на стеллажах в два человеческих роста хранится невероятный объем документов. Среди них стенограммы процессов федеральных судов первой инстанции штата Оклахома (1907–1969), записи о смертоносном Галвестонском урагане 1900 года, материалы об убийстве Джона Ф. Кеннеди, документы времен рабства и Реконструкции Юга после Гражданской войны, а также многочисленные отчеты местных отделений Бюро по делам индейцев. Архив демонстрирует стремление человека документировать всякий акт и каждое распоряжение, прикрывая хаос голода, эпидемий, стихийных бедствий, преступлений и войны завесой административной упорядоченности. В этих объемных папках я надеялся найти ключ к делу об убийстве У. У. Вогана.

Я уже просматривал протоколы суда по иску, поданному Роуз против Х. Г. Бёрта. На первый взгляд начавшийся в 1923 году спор был банален. Воган и Бёрт, председатель правления одного из банков в Похаске, слыли хорошими друзьями. Воган долгое время был адвокатом Бёрта. По утверждению Роуз, тот остался должен ее покойному мужу 10 000 долларов, которые она теперь хотела вернуть.

Однако, как известно, дьявол кроется в деталях. Углубившись в дело, я понял, что спорная сумма была связана с другой жертвой «Эпохи террора». Воган был также адвокатом Джорджа Бигхарта. Прежде чем доверить Вогану важную информацию об убийствах – и умереть в больнице Оклахома-Сити вследствие предполагаемого отравления, – тот запрашивал у властей «удостоверение о компетентности». После получения этого документа ему больше не потребовался бы назначаемый правительством опекун и он смог бы тратить деньги, поступающие от выплат за нефтяной пай, по своему усмотрению. Воган успешно помог ему с заявлением. За это, а также за дальнейшие юридические услуги Бигхарт собирался заплатить ему 10 000 долларов – почти 140 тысяч долларов в сегодняшних деньгах. Однако деньги каким-то образом удалось получить Бёрту. А через несколько дней оба – и Бигхарт, и Воган – были мертвы.

Бёрта в ходе процесса представляла одна из тех юридических фирм, которые защищали Хэйла по делу об убийстве, и первый иск в суде штата был отклонен. Как Марта сказала мне, семья не сомневалась в том, что присяжных подкупили. После апелляции Верховный суд Оклахомы в конечном итоге отменил это решение и обязал Бёрта передать Роуз Воган всю сумму сполна плюс проценты.

– Каким надо быть человеком, чтобы пытаться обокрасть бездомную вдову с десятью детьми? – покачала головой Марта.

Изучением многочисленных документов Национального управления архивов, а также информации из других источников мне удалось составить достоверный портрет Бёрта. Родился он в 1874 году в Миссури в семье фермера. Данные переписи населения указывают, что в 1910 году он проживал в Похаске – один из легиона прибывших в погоне за призрачным счастьем поселенцев с горящими глазами. Он открыл лавку, а позже стал президентом банка. На фото 1926 года он предстает одетым в том же стиле, что и Хэйл, в шикарном костюме и шляпе – заезжий сын фермера, ставший респектабельным бизнесменом.

Однако источником львиной доли его состояния были грязные махинации «индейского бизнеса» – обмана осейджских миллионеров. Из протоколов судебных заседаний следует, что Бёрт вел кредитные операции с прицелом на них. На слушании объединенной комиссии Конгресса, изучавшей дела американских индейцев, адвокат одного из племен сказал, что Бёрт брал деньги взаймы у других белых, а затем под астрономические проценты ссужал осейджам. «Мистер Бёрт – один из тех людей, о ком я знаю и скажу, что они всем заправляют в Похаске, – заявил адвокат^[628]. – Он сказал мне, что берет деньги под шесть процентов, а получает – боюсь ошибиться – но, видимо, где-то от десяти до пятидесяти процентов».

Бёрт использовал двойную бухгалтерию, чтобы скрыть обворовывание осейджей. На слушании по делу о наследстве после смерти Джорджа Бигхарта адвокат выразил

недоумение по поводу того, что кредитные средства, якобы предоставленные осейджу банком, поступали с личной чековой книжки банкира. Тот настаивал на том, что «никогда не совершал никаких сделок, которые надо скрывать».

– Не имею против вас ничего лично, мистер Бёрт, однако это несколько необычно.

– Мы всегда так делаем.

В архиве в Форт-Уэрте я нашел документы западного регионального отдела федеральной прокуратуры в штате Оклахома по делу об убийстве осейджей. В них обнаружилось то, чего я раньше нигде не видел: данные при закрытых дверях свидетельские показания перед большим жюри, в 1926 году расследовавшим эти преступления. Среди свидетелей было много главных действующих лиц, таких как Эрнест Беркхарт и Дик Грегг. О показаниях Бёрта упоминаний нет. Однако страховой агент, выдавший Роану полис страхования жизни, выгодоприобретателем по которому был назван Хэйл, заявил, что банкир предлагал ему кандидатуру еще одного индейца для подобной страховой аферы.

Позже, среди тысяч страниц отчетов Бюро, посвященных расследованию убийств осейджей, я нашел еще два упоминания о Бёрте. Первым был отчет агента о разговоре с надежным информатором, который высказал предположение, что Бёрт и Хэйл «очень близкие»^[629] союзники. Тот же источник сообщал, что они поделили «навар» – деньги, из наследства Бигхарта^[630]. Сумма в отчете точно не указана, но отмечено, что Хэйл успешно получил 6 тысяч долларов, предъявив поддельную долговую расписку. Однако вполне возможно, что «навар» также включал 10 000 долларов, которые пытался получить Бёрт.

Тем не менее в отличие от бесценных нефтяных прав, из-за которых погибли члены семьи Молли, или полиса страхования жизни на сумму 25 000 долларов, ставшего причиной смерти Роана, ни одна из этих сумм, к тому же при условии их разделения, не представляла собой веский мотив для убийства. Возможно, поэтому министерство юстиции не стало обвинять Хэйла и не трогало Бёрта. Тем не менее очевидно, что Уайт и его люди явно подозревали последнего. Во втором отчете с упоминанием банкира, найденном мною в досье Бюро, агенты прямо называли его «убийцей»^[631].

Я провел в архиве несколько дней в поисках финансовых мотивов убийства Бигхарта. Я рылся в документах, чтобы понять, кто выигрывал от его смерти. В электронном письме Марта написала мне: «Папа говаривал, что дело всегда заключается в деньгах». Не было никаких указаний на то, что Хэйл или Бёрт или еще кто-то из белых унаследовал состояние Бигхарта, перешедшее его жене и маленькой дочери. Однако у последней был опекун, который на деле распоряжался деньгами. Я пролистал бумаги, пока не нашел его имя: Х. Г. Бёрт.

Я почувствовал, как учащается пульс, когда сопоставил факты. Бёрт – близкий союзник Хэйла и замешан в систематической эксплуатации осейджей. Стремился получить доступ к богатству Бигхарта, для чего стал опекуном его дочери. Согласно правительственным отчетам, был опекуном и многих других осейджей, один из которых умер. Навещал Бигхарта незадолго до предполагаемого отравления последнего (один местный правоохранитель обратил внимание, что индейца незадолго до смерти посетили как Хэйл, так и Бёрт). И, кроме того, в Бюро Бёрта считали убийцей.

Сверх того, и другие доказательства связывали его с преступлением. Протоколы судебного заседания указывали, что Бёрт украл деньги, которые Бигхарт предназначал Вогану, хотя банкир и адвокат считались близкими друзьями. Возможно, Воган, не зная о махинациях друга, упомянул в его присутствии, где спрятал деньги и доказательства своего расследования. И Бигхарт на смертном одре мог назвать своим убийцей не только Хэйла, но и Бёрта.

Тем не менее эта гипотеза основывалась исключительно на косвенных доказательствах. Я не знал даже, кто был рядом с Воганом, когда его сбросили с поезда. Затем, роюсь в старых газетах, я наткнулся в «Похаска дейли кэпитал» на статью о похоронах адвоката. В ней было упомянуто, что в Оклахома-Сити на поезд сели Бёрт и Воган, и на полпути последний

пропал со своего спального места. Согласно другой статье в той же газете, об исчезновении сообщил именно Бёрт.

Перед тем как покинуть Национальное управление архивов и документации в Форт-Уэрте, я обнаружил досье с допросом осведомителя Бюро, хорошо знавшего Хэйла и давшего важные показания против него по другим убийствам. Информатора спросили, знает ли он что-нибудь об убийстве Вогана. «Да, – ответил он. – Думаю, что это Херб Бёрт»^[632].

Я хорошо знал, что несправедливо обвинять человека в ужасных преступлениях, если он не может ответить на вопросы и защититься. Когда я позвонил Марте рассказать ей о своих выводах, я подчеркнул узкие границы того, в чем можно быть уверенным. Затем я рассказал ей о своих расследованиях. Я также упомянул, что в библиотеке в Нью-Мексико я нашел материалы неопубликованного допроса маршала из Фэрфакса, который расследовал убийства осейджей. Он намекнул, что Бёрт как-то связан со смертью Вогана и что мэр одного из городков бума – местный крутой парень – помог выкинуть того из поезда. Кроме того, маршал сообщил, что в 1925 году во время расследования Бюро дел об убийствах Бёрт так испугался, что решил бежать. Фактически в тот год он внезапно переехал в Канзас. Когда я закончил излагать все подробности, Марта молчала. Затем она тихо всхлипнула.

– Простите, – сказал я.

– Нет, это облегчение. Слишком долго это тяготело над моей семьей.

Изучая убийства, я часто чувствовал, что преследую историю, а она все ускользает от меня. Вскоре после нашего разговора я узнал, что Марта умерла от сердечного приступа. Ей было всего 65 лет. Убитый горем Мелвилл сказал мне:

– Мы потеряли еще одну связь с прошлым.

Глава 24

Меж двух миров

В один майский вечер 2013 года в театре «Константин» в Похаске было объявлено о демонстрации видеозаписи осейджского балета «Важаже». У осейджей давняя связь с миром классического балета, которому они подарили двух великих балерин, сестер Марию и Марджори Толчиф. Мария, считавшаяся первой крупнейшей американской примой-балериной, родилась в 1925 году в Фэрфаксе. В своей автобиографии она вспоминала времена нефтяного бума и писала, что ее отцу, осейджу, казалось, принадлежал весь город: «Собственность у него была повсюду. Ему принадлежали местный кинотеатр на Мэйн-стрит и бильярдная напротив. Наш десятикомнатный кирпичный дом с лепным фасадным декором стоял на вершине холма и из его окон открывался вид на резервацию»^[633]. Также она вспоминала, как соседний дом «был взорван и все находившиеся в нем погибли, убитые за свои паи нефтяного фонда»^[634].

«Важаже», что означает «осейдж», представляет развернутую историю племени, включая времена «Эпохи террора». Спектакля я ждал с нетерпением, даже несмотря на то, что это была всего-навсего видеозапись. Я купил билет и отправился в театр Похаски, на бархатных креслах которого сидели Молли и Эрнест Беркхарт и где в плохую погоду на аукционы собирались нефтяные магнаты. В начале 1980-х годов здание было на грани разрушения, однако группа местных жителей вызвалась на общественных началах его отремонтировать, вымести паутину и паразитов, отполировать медные пластины на входных дверях и очистить пол в фойе от наслоений грязи, открыв мозаику в форме звезды.

Зал был полон. Я нашел свое место, свет приглушили, и фильм начался. В преамбуле говорилось: «Первые миссионеры часто описывали осейджей как самых счастливых людей на свете. ... Они чувствовали себя свободными, потому что ничем не владели и никто не владел ими. Но племя стояло на пути экономической экспансии европейского мира ... и прежняя жизнь бесповоротно изменилась». И далее: «Сегодня наши сердца разделены между двумя мирами. Мы живем в преимущественно неиндейском обществе, пытаюсь сохранить наши традиции. Наша история, наша культура, наше сердце и наша родина всегда будут

манить нас шагать по прерии, петь песни на рассвете и притопывать в такт неумолчному бою барабана. Мы ступаем меж двух миров».

Балет ярко показывал и тот, и другой. Он представлял осейджей кочующими по прерии, первую встречу с европейскими исследователями и миссионерами, нефтяную лихорадку... В какой-то момент появились танцовщицы в платьях-чарльстони начали дикую пляску под аккомпанемент джазовой музыки. Внезапно их веселье прервал гром взрыва. Музыка сделалась печальной, и серия похоронных танцев перенесла нас в смертоносную «Эпоху террора». Участник похорон, изображавший Хэйла, был в маске, призванной скрыть лицо зла.

Следующая сцена касалась вклада осейджей в боевые действия Соединенных Штатов: Кларенс Леонард Тинкер стал первым коренным американцем, дослужившимся до звания генерал-майора. Он погиб, когда его самолет упал в море во время Второй мировой войны. К моему удивлению, на экране появилась знакомая. Это была Марджи Беркхарт, исполнившая короткую нетанцевальную роль матери одного из уходящих на фронт солдат. Она грациозно прошла по сцене. На ней было такое же индейское одеяло, как когда-то на Молли.

Когда спектакль закончился, многие зрители остались сидеть на своих местах. Марджи я в зале не видел, но позже она сказала мне, что когда впервые увидела представление сцен «Эпохи террора», ее словно «ударили в живот». Она добавила: «Я не думала, что это так сильно потрясет меня. Это было очень эмоционально». В зале я встретил директора музея Кэтрин Рэд Корн. Она спросила, как идут мои расследования. Когда я заговорил о предполагаемой причастности Х. Г. Бёрта, которого прежде с убийствами никогда публично не связывали, она не особенно удивилась и сказала, чтобы на следующее утро я зашел к ней в музей.

Когда я пришел, она сидела в своем кабинете за столом, в окружении экспонатов.

– Взгляните-ка на это, – сказала она, протягивая мне хрупкое старое письмо.

Оно было написано аккуратным почерком и датировано 27 ноября 1931 года.

– Посмотрите на подпись, – сказала Рэд Корн. Под письмом стояло: «У.К. Хэйл».

Она объяснила, что Хэйл написал это письмо из тюрьмы одному индейцу, а его потомок недавно пожертвовал музею. Когда я прочел письмо, меня поразили его бодрый тон. Хэйл писал: «На здоровье я не жалуюсь. Вес – 185 фунтов. У меня нет ни одного седого волоса»^[635]. Он писал, что, когда выйдет из тюрьмы, надеется вернуться в резервацию. «Я хотел бы жить в Грей-Хорс больше, чем в любом другом месте на земле». И далее: «Я всегда буду верным другом осейджей».

Рэд Корн покачала головой.

– Можете в это поверить? – спросила она.

Я думал, что она пригласила меня в музей, только чтобы показать письмо, но вскоре узнал, что есть и другая причина.

– Возможно, пришло время поведать вам историю моего деда, – проговорила Рэд Корн.

Она рассказала, что после развода с ее бабушкой дед женился на белой женщине и в 1931 году стал подозревать, что вторая жена его травит. Когда приходили родственники, он очень волновался. Он говорил: «Не ешьте и не пейте в этом доме». Вскоре после этого дед Рэд Корн скоропостижно скончался, ему было всего сорок шесть.

– Раньше он ничем не болел, – сказала Рэд Корн. – С ним все было в порядке. Его жена, получив кучу денег, тут же уехала.

Семья была убеждена, что его отравили, но дело никто не расследовал:

– В то время господствовала настоящая круговая порука. Преступления покрывали и сотрудники похоронных бюро, и врачи, и полиция.

Рэд Корн не знала ничего, кроме отрывочных деталей, рассказанных ей родственниками, и надеялась, что я смогу пролить свет на смерть ее деда. После долгой паузы она сказала:

– В «Эпоху террора» убийств было больше, чем считается. Гораздо больше.

В те годы, когда я занимался изучением убийств осейджей, мой маленький кабинет в Нью-Йорке превратился в мрачное хранилище. На полу и полках стопками громоздились тысячи страниц отчетов ФБР, протоколов вскрытий, завещаний и последних распоряжений, фотографий с мест преступлений, стенограмм судебных процессов, экспертиз поддельных документов и отпечатков пальцев, взрывчатых веществ и баллистики, выписок с банковских счетов, свидетельских показаний, признаний, перехваченных тюремных записок, показаний перед большим жури, отчетов частных детективов и полицейских фотографий. Всякий раз, когда я получал новый документ, например, копию письма Хэйла, показанную мне Рэд Корн, я помечал его индексом и клал на стеллаж (моя жалкая версия системы хранения Гувера). Какими бы гнетущими ни были материалы, любое новое открытие давало пусть даже слабую надежду на то, что удастся заполнить пробелы в истории – те пустоты, где, казалось, не было никаких документальных свидетельств или записанных голосов, а стояла могильная тишина.

Одним из этих пробелов был случай с дедом Рэд Корн. Поскольку его смерть не расследовала полиция, а все основные действующие лица умерли, я не нашел никаких подсказок, за которые мог бы уцепиться. Практически все следы – страсти, потрясения, а возможно, и жестокое насилие, – казалось, были смыты.

Однако наш разговор побудил меня расследовать, возможно, самое загадочное из всех дел – Чарльза Уайтхорна. Преступление, в котором явно прослеживался общий с другими почерк, произошло в мае 1921 года, одновременно с убийством Анны Браун, с чего принято отсчитывать начало четырехлетней «Эпохи террора». Однако на связь Хэйла и его приспешников с гибелью Уайтхорна никогда не было даже намека.

И хотя дело так и не раскрыли, изначально по нему велось тщательное расследование. Вернувшись в Нью-Йорк, я собрал доказательный материал. В одном из постоянно готовых развалиться штабелей папок в своем кабинете я нашел записи частных детективов, нанятых наследниками Уайтхорна после его смерти. По стилю эти отчеты казались надерганными из бульварного романа и пестрели фразами вроде: «Эту наводку я получил от заслуживающего доверия источника»^[636].

Прочтя все, я выписал следующие важные детали:

Живым Уайтхорна последний раз видели 14 мая 1921 года в Похаске. Свидетель заметил его в 8 вечера перед зданием театра «Константин».

Труп обнаружили через две недели – на одном из холмов примерно в миле от центра Похаски.

Сотрудник похоронного бюро утверждает: «Положение тела указывает, что оно так и упало, а не было сюда перенесено».

Оружие: револьвер 32-го калибра. Две пули между глаз. Заказное убийство, стрелял профессионал?

В отчетах отмечается, что частным детективам активно помогал адвокат Воган. «Он близок с индейцами и говорил о своей искренней заинтересованности в привлечении виновных ... к ответственности»^[637], – писал один из частных детективов. Но ни они, ни сам Воган не могли предвидеть, что и тот в конце концов станет мишенью и два года спустя будет убит. Мне было ведомо то, чего они не знали и знать не могли.

Комсток – адвокат и опекун, несмотря на первоначальные подозрения Гувера, зарекомендовавший себя заслуживающим доверия, – тоже пытался помочь с расследованием этого убийства. «Мистер Комсток предоставил кое-какую информацию»^[638], – писал частный детектив. По словам адвоката, 14 мая он видел незнакомца, прятавшегося на холме, где позже нашли труп Уайтхорна.

Поскольку дело официально осталось нераскрытым, я ожидал, что следы постепенно растворятся в темноте. Однако на самом деле отчеты поражали своей четкостью. На основании информации осведомителей и косвенных доказательств частные детективы выстроили кристально ясную гипотезу совершения преступления. После смерти Уайтхорна его вдова Хэтти, наполовину белая, наполовину шайеннка, вышла замуж за беспринципного поселенца, которого звали Лерой Смитермэн. Частные детективы узнали, что брак устроила

державшая в Похаске пансион Минни Сэвидж – по словам одного из следователей, «хитрая, безнравственная женщина, способная на все»^[639]. Детективы предположили, что она и Смитермэн, а также другие их сообщники спланировали убийство Уайтхорна, чтобы получить его паи нефтяного фонда и состояние. Со временем многие следователи пришли к убеждению, что Хэтти, после смерти мужа быстро потратившая часть его денег, тоже соучастница. Осведомитель сказал детективу, что та, вне всякого сомнения, была «движущей силой, стоявшей за убийством Чарли Уайтхорна»^[640].

В пансионе Сэвидж поселился частный детектив под прикрытием. «Он мог слушать, о чем говорят по телефону»^[641], – написал в отчете его коллега, добавив, что агент «должен справиться, но его нужно инструктировать». Тем временем богатым источником информации для следователей стала сестра хозяйки пансиона. Она проболталась, что видела предполагаемое оружие убийства: «Когда Минни стелила постель, под подушкой был револьвер, и она его схватила. ... Он был довольно большой, темного цвета»^[642]. Несмотря на это, достаточно улик для привлечения к суду ни одного из подозреваемых собрать почему-то не удалось. Возможно, детективы были подкуплены.

Когда в 1923 году первые федеральные агенты Бюро начали расследование дела, они также пришли к выводу, что в убийстве виновны Сэвидж, Смитермэн и Хэтти Уайтхорн. Агент писал: «Из собранных на данный момент доказательств»^[643] следует, что «жена заказала его убийство с целью получения наследства». Хэтти отрицала всякую причастность к преступлению, но сказала одному из агентов: «Я не глупее вас»^[644]. Меня о вас предупреждали». И добавила: «Вы пытаетесь втереться ко мне в доверие, но если я сболтну лишнего, вы посадите меня на электрический стул».

Тем временем в деле произошло несколько поворотов. Новый муж Хэтти, Смитермэн, сбежал в Мексику, прихватив автомобиль свежее испеченной супруги и крупную сумму денег. Потом в ее жизнь ворвался некий Дж. Дж. Фолкнер, названный одним агентом «беспринципным лицемерным аферистом»^[645], который, скорее всего, шантажировал ее, очевидно, располагая сведениями о ее роли в убийстве. Слышали, как одна из сестер Хэтти кричала на него, что он сукин сын и должен отстать от несчастной; тот ответил, что знает все и им лучше разговаривать с ним почтительнее. В отчете Бергер и один из его коллег писали: «Мы твердо убеждены в том, что Фолкнер добился от Хэтти некоего признания и использует его, чтобы принудить ее действовать в своих интересах, а его цель ... завладеть ее имуществом в случае ее смерти и получать от нее деньги, пока она жива»^[646].

Вскоре Хэтти неизлечимо заболела. Агенты писали, что казалось, «будто она может в любой момент умереть»^[647]. Примечательно, что ни один из агентов не высказал никаких подозрений, хотя в «Эпоху террора» многие пали жертвой отравления. У Фолкнера была жена, и она сообщила агентам, что он «не дает положить Хэтти в больницу»^[648] ... чтобы не утратить на нее влияния»^[649]. Сестры Хэтти говорили, что Фолкнер принялся воровать у той деньги, когда она «находилась под действием обезболивающих средств».

В конце концов им все же удалось поместить ее в стационар. Агенты, полагая, что она при смерти, попытались добиться у нее признания. Согласно отчету, она созналась Комстоку, что «ей известны факты, о которых она никогда не рассказывала»^[650] и что «они» – предположительно Минни Сэвидж и ее сообщники – усадили ее, когда убивали Уайтхорна. Однако больше Хэтти ничего не поведала. Неудивительно, что, как только ее вырвали из лап Фолкнера, она оправилась от своей таинственной болезни.

Когда в 1925 году появился Том Уайт, чтобы начать свое расследование, производство по делу Уайтхорна было практически прекращено. Агент Бергер пренебрежительно написал, что это «отдельное убийство»^[651], никак с остальными не связанное. Оно не вписывалось в выстроенную Бюро драматургию, состоявшую в том, что во всех преступлениях виновен один вдохновитель, и когда его с сообщниками схватили, дело о терроре против осейджей было раскрыто. Однако тот факт, что Хэйл, похоже, не сыграл никакой роли в убийстве Уайтхорна, крайне важен. Как и подозрительная смерть деда Рэд Корн, это преступление – и

еще одно, неудавшееся, против вдовы, Хэтти – раскрыли тайную историю «Эпохи террора»: зло, творимое Хэйлом, не было аномалией.

Глава 25

Забытая рукопись

– Вам надо съездить и посмотреть, что там творится, – сказала мне Кэтрин Рэд Корн, когда я снова оказался в округе Осейдж в июле 2015 года. Следуя ее указаниям, я миновал Похаску и поехал на запад через высокие травы прерии, пока не увидел то, что она мне так живо описала: десяток устремленных в небо металлических башен высотой с 30-этажный небоскреб и с трехлопастным винтом. Каждая лопасть длиной с крыло авиалайнера. Это части ветряной электростанции, которая раскинется более чем на восемь тысяч акров и сможет снабжать электричеством свыше 45 000 домов в Оклахоме.

Более века спустя после того, как на осейджских территориях нашли нефть, новый революционный источник энергии меняет регион. Однако на сей раз индейцы усмотрели в нем угрозу своей подземной резервации.

– Видели? – спросила после моего возвращения Рэд Корн. – Эта компания пришла сюда и поставила их без разрешения.

Как представитель осейджей, федеральное правительство подало иск против «Энел», итальянского энергетического концерна, владельца электростанции. Ссылаясь на закон 1906 года о наделении земельными участками, оно утверждало, что, поскольку при строительстве фундаментов для турбин компания выкопала известняк и прочие породы, для продолжения эксплуатации станции требуется разрешение осейджей. В противном случае «Энел» нарушит их право собственности на подземную резервацию. Компания заявила, что не занималась добычей полезных ископаемых, а потому ей не нужно испрашивать разрешение на право аренды. «Мы оставляем все запасы нетронутыми», – заявил в прессе представитель компании^[652].

На рассвете 10 июля 2015 года вождь осейджей с двумя десятками соплеменников собрались под ветряками, чтобы обратиться к Ва-Кон-Та. Когда первые лучи солнца прорвались сквозь редкий туман и блеснули на лопастях, прозвучали первые слова молитвы – «мы, смиренные люди, просим твоего заступничества».

Вскоре после этого суд встал на сторону «Энел Групп», постановив, что, несмотря на бесспорность правительственного толкования закона о выделении в пользу осейджей, «ответчики не будут поставлять на рынок или продавать, или иным способом разрабатывать здешние полезные ископаемые. Следовательно, им не требуется приобретение арендных прав»^[653]. В районе уже запланировано строительство второй ветряной электростанции.

Еще резче на подземную резервацию осейджей повлияли новые природоохранные нормы, регулирующие добычу нефти. Соблюдение регламентов 2014 года оказалось настолько дорогостоящим, что бурение новых скважин практически прекратилось, поскольку те обещали ничтожную прибыль. Представитель нефтедобывающей компании сказал репортеру: «Впервые за 100 лет в округе Осейдж не будет пробурено ни одной скважины»^[654].

Я продолжал изучать убийства, но архивов и документов для исследования оставалось все меньше и меньше. Однако как-то раз в публичной библиотеке в Похаске между томами по истории осейджей я обнаружил скрепленный спиралью манускрипт. Назывался он «Убийство Мэри Денойя-Белльё-Льюис» и был сброшюрован вручную из компьютерных распечаток. Согласно предисловию от января 1998 года, составительницей была Анна Мэри Джефферсон, праправнучатая племянница Мэри Льюис. «Впервые я услышала эту историю ... от своей прабабушки, – писала Джефферсон, – примерно в 1975 году». Из бесед с родственниками, газетных статей и других источников она начала по крупицам добывать информацию об убийстве – занятие, растянувшееся более чем на два десятилетия. Видимо, она и подарила библиотеке копию своих материалов, чтобы рассказ не канул в историю.

Я уселся и прочитал все. Мэри Льюис, родившаяся в 1861 году, была членом племени с земельной долей. «Благодаря этим деньгам она могла наслаждаться безбедной жизнью», – писала Джефферсон. Льюис дважды была замужем, и оба брака закончились разводом. В 1918 году, когда ей было за 50, она воспитывала десятилетнюю приемную дочь. Тем летом они отправились в Либерти, штат Техас, – небольшой городок примерно в сорока милях от Хьюстона, на берегах реки Тринити. Льюис сопровождали двое белых мужчин: один был ее другом по имени Томас Миддлтон, второй – его знакомым. На ее деньги они купили плавучий дом и жили на реке.

18 августа Льюис бесследно исчезла. Когда расследование властей зашло в тупик («они ничего и не собирались делать», по словам родственника), семья наняла частного детектива. Тот обнаружил, что после исчезновения Льюис Миддлтон выдавал себя за ее приемного сына, чтобы обналичить ее чеки. В январе 1919 года, после того как полиция арестовала его и его друга, частный детектив их допросил. Он сказал, что «все равно найдет старушку живой или мертвой», добавив: «Если бы вы могли дать мне информацию о ее местонахождении, это вам помогло бы». Миддлтон настаивал, что ничего не знает. «Мне нечего бояться», – сказал он.

Оба так ни в чем и не признались. Однако два свидетеля показали, что в день исчезновения индианки видели в нескольких милях от их плавучего дома машину, которая направлялась к болоту, кишасшему змеями. 18 января 1919 года следователи, закатав брюки, принялись прочесывать густые заросли. Репортер писал, что один из сотрудников правоохранительных органов «едва ступил в воду, как запутался в чем-то. Когда он протянул руку, чтобы высвободиться, то вытащил густую копну женских волос»^[655]. Следом достали кости ноги, а затем человеческий торс и череп со следами удара тяжелым металлическим предметом. «Поиски Мэри Льюис закончились страшной находкой», – гласил заголовок местной газеты^[656].

Приятель Миддлтона признался, что ударил женщину молотком по голове. План разработал сам Миддлтон: убить Льюис и заполучить ее деньги с помощью сообщницы, которая выдала бы себя за нее. Подобные мошенничества не являлись редкостью – ложные наследники были широко распространенной проблемой. После гибели Билла Смита во взорванном доме власти также поначалу опасались, что один из его родственников, заявивший права на наследство, на самом деле самозванец. В 1919 году Миддлтону признали виновным в убийстве и приговорили к смертной казни. «Был момент, когда семье Мэри показалось, что мучительное испытание закончилось, – писала Джефферсон. – Однако вскоре чувство удовлетворения уступило место недоверию и гневу». Приговор смягчили, изменив на пожизненное заключение. Через шесть с половиной лет губернатор штата Техас помиловал Миддлтона; у того была подруга, и семья Льюис считала, что она подкупила власти. «Убийца ушел от наказания», – писала Джефферсон.

Когда я прочитал об убийстве Льюис, мне пришло в голову: она погибла из-за пая нефтяного фонда еще в 1918 году. Согласно большинству исторических свидетельств, «Эпоха террора» в округе Осейдж началась с весны 1921 года, когда Хэйл убил Анну Браун, и продолжалась до его ареста в январе 1926 года. Случай с Льюис означал, что преступления начались как минимум на три года раньше, чем принято считать, а если дед Рэд Корн был отравлен в 1931 году, то и продолжались они еще долгое время после поимки Хэйла. Эти дела показывают, что убийства осейджей за паи не были результатом единого заговора, организованного одним человеком. Вполне возможно, что он стоял во главе самой кровавой и самой длинной их серии. Тем не менее было множество других, не включенных в официальную статистику, поскольку в отличие от дел Льюис или членов семьи Молли Беркхарт их никогда не расследовали или даже не рассматривали как убийства.

Глава 26

Кровь вопиет

Я вернулся в Национальное управление архивов в Форт-Уэрте и вновь начал копаться в бесконечных пыльных коробках и папках. Архивист прикатил на тележке в маленький

читальный зал новую порцию и увез предыдущую. Я больше не питал иллюзий найти нечто вроде Розеттского камня, который помог бы решить головоломки прошлого. Большинство документов были краткими и сухими – расходы, данные переписи, договоры аренды нефтяных участков.

В одной из коробок лежал потрепанный служебный журнал Управления по делам индейцев, куда были занесены сведения об опекунах индейцев «Эпохи террора». В рукописном реестре указывалась фамилия каждого и список подопечных ему осейджей. Если те умирали, рядом с ее или его фамилией обычно писалось только одно слово: «мертв».

Я искал Х. Г. Бёрта, подозреваемого в убийстве У. У. Вогана. Записи журнала свидетельствовали, что он был опекуном Джорджа Бигхарта и еще четверых осейджей. Рядом с фамилией одного из его подопечных стояло слово «мертв». Затем я нашел Скотта Мэтиса, владельца «Биг Хилл Трейдинг Компани». Согласно журналу, он был опекуном девяти индейцев, в том числе Анны Браун и ее матери Лиззи. Просмотрев список, я обнаружил и третьего умершего, и четвертого, и пятого, и шестого... Семь из девяти. И как минимум две смерти были официально признаны убийствами.

Я перешел к другим опекунам. У одного было 11 подопечных, 8 из них умерли. У второго – 13, из которых умерло больше половины. У третьего – 5, и умерли все. И так далее в том же духе. Цифры были ужасающими и вопиюще отличались от показателей естественной смертности. Так как причины по большей части никогда не расследовали, невозможно сказать, сколько среди них подозрительных, не говоря уже о том, чтобы определить виновных.

Тем не менее это, очевидно, свидетельствовало о настоящей волне убийств. В бумагах ФБР я нашел отчет об Анне Сэнфорд. Это было одно из имен, которые я увидел в служебном журнале с пометкой «мертва». Хотя ее смерть никогда не признавалась убийством, агенты подозревали, что ее отравили.

Еще одна подопечная индианка-осейдж – Хлу-а-то-ми – официально скончалась от туберкулеза. Однако среди других документов в ее деле я нашел телеграмму осведомителя министерства юстиции, в которой говорилось, что опекун Хлу-а-то-ми сознательно отказал ей в лечении и отправке в больницу на юго-западе. Он «знал, что это единственное место, где она могла бы выжить, и что она умрет, если останется в Грей-Хорс», как писал осведомитель. Он добавлял, что опекун затем назначил сам себя распорядителем немалого наследства^[657].

В другом случае причиной смерти в 1926 году осейджа Ивса Толчифа было названо злоупотребление алкоголем. Однако свидетели утверждали, что тот никогда капли в рот не брал и был отравлен. «Семья умершего напугана», – сказано в газетной статье 1926 года^[658].

Даже если в служебном журнале опекаемый осейдж значился как живой, это не означало, что он или она не подвергались преследованиям. Так, Мэри Элкинс считалась самой богатой в племени, так как унаследовала не менее 7 паев. 3 мая 1923-го в возрасте 21 года она сочеталась браком со второразрядным белым боксером. Согласно отчету сотрудника Управления по делам индейцев свежее испеченный супруг запирали ее в доме, бил и накачивал «наркотиками и виски, чтобы преждевременно свести в могилу и получить огромное наследство»^[659]. Однако благодаря этому вмешательству она выжила. Проведенное по ее делу расследование обнаружило доказательства того, что боксер действовал не в одиночку, а был участником сговора банды местных граждан. Хотя сотрудник требовал открыть против них уголовное дело, до предъявления обвинения так и не дошло, и фамилии сообщников никогда не назывались.

Затем я наткнулся на дело Сибил Болтон, из Похаски, чьим опекуном был белый отчим. 7 ноября 1925 года ее – по словам местного журналиста, «одну из самых красивых девушек в городе»^[660] – обнаружили мертвой с пулей в груди. Эту смерть в 21 год отчим назвал самоубийством, и дело быстро закрыли, даже без вскрытия. В 1992 году внук Болтон, редактор «Вашингтон пост» Дэннис Маколифф-младший, повторно изучил дело о ее смерти и обнаружил в официальных документах бесчисленные противоречия и ложь. Как он пишет

в своей книге 1994 года «Смерть Сибил Болтон», большая часть ее денег была похищена. Факты свидетельствовали о том, что ее застрелили на лужайке перед домом, где женщина сидела с шестнадцатимесячной дочерью (матерью Маколиффа). Согласно служебному журналу, у ее опекуна было еще четыре подопечных, и все они умерли.

Бюро подсчитало, что произошло 24 убийства осейджей, однако истинное количество было, несомненно, выше. После ареста Хэйла и его сообщников расследование прекратили. Однако, по крайней мере, кое-кто в Бюро знал, что систематически замалчиваемых убийств было гораздо больше. В одном из отчетов агент описал лишь одну из применяемых схем: «В связи с большим числом таинственных смертей преступники, чтобы избежать подозрений, подпаивали индейца, затем вызывали врача, который его осматривал и констатировал алкогольную интоксикацию, после чего вводил подкожно дозу морфина. Когда врач уходил, [убийцы] делали в подмышку инъекцию куда большей дозы, что обычно приводило к летальному исходу. В свидетельстве врач, как правило, писал, что смерть наступила от отравления алкоголем»^[661]. Другие отмечали, что необычные смерти систематически и ложно приписывали «чахотке», «скоротечной болезни» или «неустановленной причине». Ученые и следователи, в свое время занимавшиеся изучением убийств, подсчитали, что количество погибших осейджей может исчисляться десятками и даже сотнями. Чтобы получить более полное представление об этом массовом уничтожении, Маколифф опирался на «Аутентичный список индейцев осейдж», в котором перечислены случаи смерти множества соплеменников, имевших право на земельные наделы. Исследователь пишет: «В течение 16 лет с 1907 по 1923 год умерло 605 осейджей, в среднем 83 в год, что соответствует годовому показателю смертности 19 на 1000 человек. Сегодня общенациональный показатель составляет около 8,5 на 1000 человек; в 1920-х годах, когда методы подсчета еще не были так точны, а статистика велась отдельно для черного и белого населения, средний показатель среди белых был близок к 12 на 1000. Более высокий уровень жизни должен был бы дать смертность у осейджей *ниже*, чем у белых американцев. Однако она выше общенационального показателя более чем в полтора раза – и это без учета осейджей, родившихся после 1907 года и не включенных в список племени»^[662].

Луис Ф. Бёрнс, знаменитый историк осейджей, пишет: «Я не знаю семьи, которая не потеряла бы хотя бы одного родственника из-за прав на недра»^[663]. Как минимум один агент Бюро, работавший над делом до прихода Уайта, понял, что тут существует настоящая культура убийств. Согласно стенограмме беседы с осведомителем, агент сказал: «Таких убийств много. Их сотни и сотни»^[664].

Даже у дел, известных Бюро, были скрытые измерения. Во время одного из моих последних посещений резервации в июне 2015 года я отправился в Племенной суд осейджей, где они сегодня сами отправляют правосудие по многим уголовным делам. Осейджский юрист сказал мне, что «“Эпоха террора” – не конец нашей истории», добавив: «Наши семьи были жертвами этого заговора, но мы – не жертвы».

В одном из залов суда я встретился с председательствующим судьей по уголовным делам Марвином Степсоном, приветливым осейджем за семьдесят с выразительными седыми бровями и сдержанными манерами. Его дедом был Уильям Степсон, чемпион родео, умерший в 1922 году предположительно от отравления. Власти никогда не проводили расследования по его делу, но считали, что виновным был Келси Моррисон – человек, убивший Анну Браун. К тому времени тот развелся со своей осейджской женой и после смерти Степсона женился на его вдове Тилли, стал опекуном ее двоих детей и получил доступ к ее огромному состоянию. Один знакомый рассказал Бюро, будто Моррисон признавался ему, что ради этого убил ее мужа.

Смерть Степсона занесена в официальный список убитых в «Эпоху террора». Однако когда мы с Марвином присели на одну из деревянных скамей в зале суда, он рассказал мне, что и после смерти прадеда семья оставалась мишенью преступников. Выйдя замуж за Моррисона, Тилли стала его подозревать, в особенности после того, как подслушала его

разговоры о действии стрихнина. Она призналась своему адвокату, что хотела бы исключить Моррисона из числа наследников и добиться отмены его опекунства над своими детьми. Однако в июле 1923 года, не успев сделать эти распоряжения, она также умерла вследствие предполагаемого отравления. Моррисон завладел большей частью ее имущества. Из его писем следует, что он планировал продать кое-что из похищенного – причем не кому иному, как Х. Г. Бёрту, тому самому банкиру, который был, очевидно, причастен к убийству Вогана. Смерть Тилли никогда не расследовали, хотя Моррисон сказал товарищу, что убил ее, а потом спросил, почему бы и тому не проделать подобный фокус. Марвин Степсон, потративший годы на расследование произошедшего с бабушкой и дедушкой, сказал мне: «Келси убил их обоих, так что мой отец остался сиротой».

Однако и это еще был не конец. После смерти Уильяма Степсона и Тилли следующими мишенями стали 3-летний в ту пору отец Марвина и его 9-летняя сестра. В 1926 году Моррисон, отбывавший срок за убийство Анны Браун, послал Хэйлу из тюрьмы записку, перехваченную охраной. В записке, полной грамматических ошибок, было сказано: «Билл, ты знаешь, что через несколько лет дети Тилли получат двести или триста тысяч, а я их приемный папаша. Как бы заполучить эти денежки, когда выйду. Ты знаешь, думаю, я смогу увезти детишек из штата и мне не смогут помешать ... не смогут привлечь за похищение»^[665]. Было опасение, что Моррисон намеревался убить обоих детей. Один историк из племени осейдж заметил: «Гуляя по осейджскому кладбищу и глядя на надгробья, под которыми покоятся слишком много молодых, умерших в то время, невольно содрogaешься»^[666].

Марвин Степсон человек здравомыслящий, всю жизнь проработавший на юридическом поприще. И все же он сказал мне, что испугался сам себя, когда узнал, что сделал Моррисон с его семьей.

– Войди сейчас он в эту комнату, я бы...

И голос изменил ему.

Когда, несмотря на бесчеловечные злодеяния, преступники ушли от возмездия, последний суд иногда может произвести хотя бы история и, опираясь на уцелевшие документы, назвать злодеев поименно. Однако многие убийства осейджей так хорошо утаили, что это невозможно даже сегодня. Большинство дел, к горечи семей потерпевших, остаются нераскрытыми. Многие потомки проводят частные расследования, не дающие результатов. Они живут, подозревая покойных родственников, старых друзей семьи или опекунов – кто-то из них, возможно, на самом деле виновен, кто-то нет.

Когда Маколифф попытался установить убийцу своей бабушки, он сначала подозревал деда Гарри – белого. Тот к тому времени уже умер, но его вторая жена была еще жива и сказала Маколиффу: «Постыдился бы, Дэнни, рыться в этом деле Болтонов. Не понимаю, зачем ты это затеял»^[667]. Она все время повторяла: «Гарри этого не делал. Он не имеет к этому никакого отношения»^[668].

Позднее Маколифф понял, что она, скорее всего, была права. Вместо этого теперь он считает, что виновен отчим Сибил. Однако и этого нельзя утверждать с определенностью. «Я не могу найти доказательств того, кто убил мою бабушку, – писал Маколифф^[669]. – И не один я в таком положении. Дело в том, что многие страницы из нашей истории вырваны. ... Просто было слишком много лжи, слишком много документов уничтожили и слишком мало сделали для расследования». И далее: «Выжившие лишены права на торжество закона даже задним числом – им отказано в возможности узнать, кто убил их детей, матерей и отцов, братьев и сестер, дедушек и бабушек. Им – как и мне – остается лишь гадать».

До отъезда из округа Осейдж и возвращения домой я разыскал Мэри Джо Уэбб, учительницу на пенсии, десятилетиями пытавшуюся прояснить обстоятельства подозрительной смерти своего дедушки в «Эпоху террора». Хрупкая, с дрожащим голосом женщина за восемьдесят жила в одноэтажном деревянном доме в Фэрфаксе, недалеко от места, где стоял взорванный особняк Смитов. Она пригласила меня войти, и мы

расположились в гостиной. О своем визите я уведомил ее заранее, и в ожидании моего приезда она достала несколько коробок документов, собранных ею по делу своего деда, Пола Писа, включая отчеты опекуна о расходах, завещания и свидетельские показания в суде.

– Он был одной из тех жертв, которые не фигурировали в отчетах ФБР и чьи убийцы не попали в тюрьму, – сказала она.

В декабре 1926 года Пис заподозрил, что его белая жена его травит. Как свидетельствуют документы, он обратился к адвокату Комстоку, которого Уэбб назвала одним из немногих достойных белых юристов, живших в то время. Пис хотел развестись и исключить жену из завещания. Позже свидетель рассказал, как тот говорил, что жена дает ему «какой-то яд и что она хочет его убить».

Когда я спросил Уэбб, кто мог снабдить убийцу отравой, она сказала:

– Были два врача. Братья. Моя мать говорила – все знали, что у них можно купить яд для осейджей.

– Как их звали? – спросил я.

– Шоуны.

Я вспомнил Шоунов. Это были те врачи, которые утверждали, что пуля, убившая Анну Браун, исчезла. Врачи, первоначально умолчавшие о предсмертном заявлении Билла Смита, в котором он обвинил Хэйла, и устроившие все так, чтобы один из них стал распорядителем огромного наследства Риты Смит. Врачи, которых следователи подозревали в том, что вместо инсулина они кололи Молли Беркхарт яд. Казалось, многие дела связаны с сетью тайных заговорщиков. Мэтис, владелец «Биг Хилл Трейдинг Компани» и опекун Анны Браун и ее матери, принимал участие в коронерском расследовании убийства Анны, в ходе которого не была обнаружена пуля. Кроме того, по поручению семьи Молли он нанял команду частных детективов, которым странным образом не удалось раскрыть ни одного дела. Свидетель рассказал Бюро, что после убийства Генри Роана Хэйл очень хотел забрать его тело у одного гробовщика и перевезти в похоронное бюро в «Биг Хилл Трейдинг Компани». Заговоры с целью убийства зиждились на врачах, выписывавших фальсифицированные свидетельства о смерти, и похоронных бюро, тихо и без шума зарывавших тела в землю.

Опекун, которого Маколифф подозревал в убийстве своей бабушки, был известным адвокатом, работавшим на племя и никогда не имевшим ничего общего с преступными махинациями, происходившими прямо у него под носом. Казалось, не замарали рук и банкиры, в том числе и предполагаемый убийца Бёрт, процветавший за счет «индейского бизнеса». То же самое относится и к продажному мэру Фэрфакса, союзнику Хэйла, заодно бывшему и опекуном, или к бесчисленным стражам закона, прокурорам и судьям, к чьим рукам пристала кровь с кровавых денег. В 1926 году вождь осейджей Бэкон Ринд заметил: «Среди белых есть честные люди, но встречаются они крайне редко»^[670]. Гаррик Бэйли, ведущий антрополог в области осейджской культуры, сказал мне: «Расскажи Хэйл то, что знал, значительную часть самых видных людей округа посадили бы в тюрьму». В действительности практически все общество было соучастником системы убийств. Поэтому едва ли не каждого в этом обществе можно считать виновным в убийстве Макбрайда в Вашингтоне: тот пригрозил покончить не только с Хэйлом, но и с масштабным преступным бизнесом, дающим миллионы и миллионы долларов.

23 февраля 1927 года – несколько недель спустя после обещания развестись и лишить наследства жену, которую Пол Пис подозревал в том, что она его травит – его сбил автомобиль, водитель которого скрылся и оставил его умирать на пустой дороге. Уэбб сказала мне, что уже известные силы постарались затушевать дело о его смерти.

– Может, вы посмотрите все это еще раз, – сказала она. Я кивнул, хотя и знал, что я такой же странник в тумане, как некогда Том Уайт или Молли Беркхарт.

Уэбб проводила меня на крыльцо. Темнело, и края неба помрачнели. Улица и город были пусты, как и прерия.

– Эта земля пропитана кровью, – сказала Уэбб.

На мгновение она замолчала, и стало слышно, как беспокойно зашелестели на ветру листья черных мэрилендских дубов. Потом она повторила слова, сказанные Богом Каину после убийства тем своего брата Авеля:

– Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли (Бытие, 4:10. — *Прим. перев.*).

Благодарности от автора

Я благодарю всех поддерживавших этот проект и в первую очередь осейджей, доверивших мне свои истории и вдохновлявших меня на продолжение поисков. На протяжении долгих лет многие осейджи не только давали мне ценные идеи, но и стали моим друзьями. Моя особая благодарность Марджи Беркхарт, Кэтрин Рэд Корн, Чарлзу Рэд Корну, Раймонду Рэд Корну, Джо Коннеру, Долорес Гудигл, Дэннису Маколиффу, Элиз Пашен, Марвину Степсону, Мэри Джо Уэбб и покойной Джози Толчиф.

Моя исследовательская одиссея свела меня со многими людьми с большой душой. Покойная Марта Воган и ее двоюродный брат Мелвилл поведали мне о своем деде У. У. Вогане. Родственники Тома Уайта – среди них Джеймс М. Уайт, Джин Уайт, Джон Шиен Уайт и Том Уайт III – предоставили ценнейшие сведения. Как и Стирос, супруга последнего, находившая и проявлявшая для меня архивные фотоматериалы. Александра Сэндс рассказала мне много подробностей о своем деде Джеймсе Александре Стрите, агенте, работавшем под прикрытием. Фрэнк Паркер-старший прислал мне фотографии и документы о своем отце Юджине Паркере, еще одном агенте под прикрытием. Гомер Финкэннон и его брат Билл были кладезем информации о своем прадеде А. У. Комстоке.

Целый ряд ученых и экспертов терпеливо отвечали на мои бесчисленные вопросы. Гаррик Бэйли, антрополог, специализирующийся на культуре осейджей, проявил немыслимое терпение и целиком прочел мою рукопись перед публикацией. Не он отвечает за то, что я написал, но благодаря ему книга стала намного лучше.

Историк ФБР Джон Ф. Фокс был для меня важнейшим источником информации, как и Ди Кордри, бывший специальный агент отделения ФБР в Оклахоме, долгие годы ведущий розыскания и пишущий о сотрудниках правоохранительных органов Запада. Гарратт Хартнес, Роджер Холл Ллойд и Артур Шумейкер делились со мной своими обширными знаниями об округе Осейдж. Дэвид А. Уорд, почетный профессор социологии Миннесотского университета, предоставил мне стенограмму беседы с одним из преступников, захвативших Тома Уайта в заложники.

Луиз Рэд Корн, издательница «Бигхарт таймс» и неутомимая журналистка, нашла для меня фотографии и – во все мои приезды в округ Осейдж – вместе с супругом гостеприимно принимала у себя. Джо Коннер и его жена Кэрол распахнули для меня двери своего дома и превратили его в мой журналистский штаб. Арчи Л. Мэйсон, член Конгресса Народа Осейдж, прислал мне копию поразительной панорамной фотографии с Уильямом Хэйлом и осейджами.

Нет большего подарка для автора, чем Центр Дороти и Льюиса Б. Кулмана для ученых-гуманитариев и писателей в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Благодаря стипендии Кулмана у меня было время на проведение моего исследования и возможность работать в чудесном архиве библиотеки. Каждый сотрудник центра – Жан Струз, Мари д’Ориньи, Пол Делавердак и другие – сделал мой год продуктивным и радостным.

Кроме того, стипендия открыла для меня неожиданные источники. Кевин Уинклер, в ту пору директор библиотеки и библиотечных служб, однажды рассказал мне то, что ему было известно об убийствах осейджей. Выяснилось, что он внук Хораса Беркхарта, брата Эрнеста Беркхарта. Хорас считался хорошим человеком, не замешанным ни в какие преступления. Уинклер помог мне связаться со своей матерью, Джин Крауч, а также с двумя своими тетями, Мартой Ки и Рубиан Серритт. Они знали Эрнеста, а Ки, к сожалению, уже покойная, знала также Молли. Три женщины откровенно рассказали семейную историю и поделились со мной видеозаписью Эрнеста, сделанной незадолго до его смерти, на которой он говорит о Молли и его прошлом.

Несколько научно-исследовательских институтов внесли решающий вклад в этот проект, и я благодарен им и их сотрудникам.

В частности, я хотел бы поблагодарить Дэвида К. Ферриеро, архивариуса Соединенных Штатов, а также Грегга Богнича, Джейка Эрслэнда, Кристину Джонс, Эми Рейтар, Родни Росса, Барбару Руст и других сотрудников Национального управления архивов и документации, и всех сотрудников Музея Народа Осейдж, включая Лу Брока, Полу Фарид и бывшего директора Кэтрин Рэд Корн; Дебби Нис из Исторического музея района Бартлсвилл; Мэллори Ковингтон, Дженнифер Дэй, Рэйчел Моссман и Дебру Осборн Спиндел из исторического общества Оклахомы; Сару Кеккейзен из исторического общества Канзаса; Ребекку Кол из исторического общества Монтаны; Дженнифер Чавес из библиотеки штата Нью-Мексико; Джойс Лион, Ширли Робертс и Мэри К. Уоррен из Музея исторического общества округа Осейдж; Кэрол Тейлор из исторической комиссии округа Хант; Кэрол Гильямс из архива штата Оклахомы; Аманду Кроули из Зала Славы и Музея техасских рейнджеров; Киру Ньюби из Национального музея ковбоев и наследия Запада, а также Кристину Саутвелл и Жаклин Д. Риз из Музея исторических коллекций Запада Университета Оклахомы.

Многие талантливые исследователи помогали мне в поисках документов в самых отдаленных уголках страны: Рейчел Крейг, Ральф Элдер, Джессика Лоудис и Аманда Вальдруп. Я не могу не поблагодарить Сьюзан Ли, исключительно одаренную журналистку, незаменимую в этом проекте; она помогала мне разыскивать отчеты и часами проверяла факты.

Аарон Томлинсон сделал великолепные снимки округа Осейдж и был прекрасным спутником в поездках. Уоррен Коэн, Илон Грин и Дэвид Гринберг – замечательные журналисты и еще более замечательные друзья, поддерживавшие меня своей мудростью от начала и до конца написания этой книги. Мой друг Стивен Меткалф, один из умнейших писателей, неустанно помогал мне продумывать каждый аспект этой книги.

В журнале «Нью-Йоркер» мне посчастливилось воспользоваться советами многих людей гораздо умнее меня, в том числе Генри Финдера, Дороти Уикенден, Лео Кэри, Вирджинии Кэннон, Энн Гольдштейн и Мэри Норрис. Эрик Лач неумоимо проверял достоверность информации и неизменно делал интересные редакторские предложения. Даже слишком многим я обязан Беркхарду Бильгеру, Таду Френду, Раффи Хачадуряну, Ларисе Макфарквар, Нику Паумгартену и Элизабет Пирсон-Гриффитс. Они корпели над отдельными главами, а иногда и над всей рукописью и помогли мне яснее ее увидеть. Даниэл Залевски дал мне в писательском ремесле так много как никто другой и распространил на рукопись свою магию. С первого дня моей работы в «Нью-Йоркере» Дэвид Ремник был на моей стороне, поощрял мои увлечения и позволял развиваться как автору.

Кэти Роббинс и Дэвид Халперн из агентства «Роббинс Офис» и Мэттью Снайдера из агентства САА мало назвать лучшими агентами в мире. Они гораздо больше: союзники, сторонники и друзья.

Как автор я нашел идеальное издательство в лице «Даблдей». Без блестящего редактора и издателя Билла Томаса эта книга была бы невозможна. Именно он первым побудил меня продолжить проект, провел меня по всем вершинам и безднам и в конце концов с неизменной благосклонностью и мудростью отредактировал и выпустил книгу. Эта книга также была бы невозможна без непоколебимой поддержки председателя издательской группы «Кнопф Даблдей» Сонни Меты и ее замечательной команды, в том числе Тодда Даути, Сюзанн Герц, Джона Фонтана, Марии Карелла, Лоррейн Хайленд, Марии Мэсси, Роуз Корто и Марго Шикмантер.

Но самой большой поддержкой была моя семья. Мои родственники Джон и Нина Дарнтон не только прочли рукопись, но и дважды вдохновляли меня продолжать писать. Моя сестра Элисон и мой брат Эдвард нерушимо стояли за меня. Как и моя мать, Филлис, добавившая рукописи последние блестящие штрихи, которые способна внести только она, а также мой отец, Виктор, неизменно меня поощрявший; теперь мое единственное желание

состоит в том, чтобы состояние здоровья позволило ему прочесть эту книгу, когда она выйдет.

Наконец, выше всяких слов моя благодарность моим детям – Закари и Элле, наполнившим мой дом сумасшествием домашних животных, красотой музыки и радостью жизни, и моей жене, Кайре, моей лучшей читательнице, самому лучшему другу и вечной любви.

Примечания к источникам

Эта книга основана на первоисточниках и неопубликованных материалах. Это прежде всего тысячи страниц документов ФБР, данные за закрытыми дверями свидетельские показания перед большим жури, стенограммы судебных заседаний, отчеты частных детективов, документы о помиловании и условно-досрочном освобождении, частные письма, неопубликованная рукопись, соавтором которой был один из частных детективов, дневниковые записи, документы совета племени осейдж, записи изустной истории, отчеты Управления по делам индейцев, документы Конгресса, служебные записки и телеграммы министерства юстиции, фотографии мест преступления, завещания и предсмертные распоряжения, отчеты опекунов и признания убийц. Этот материал собран в архивах по всей стране. Некоторые документы получены мной в рамках Закона о свободе доступа к информации, а документы ФБР, прошедшие правительственную цензуру, были предоставлены мне бывшим сотрудником правоохранительных органов без таковой. Кроме того, ряд личных документов были получены непосредственно от потомков, в том числе родственников жертв «Эпохи террора»; дополнительная информация часто была почерпнута мной из бесед с членами этих семей.

Я также воспользовался рядом современных газетных статей и других опубликованных документов. Моя реконструкция истории осейджей была бы невозможна без фундаментальных трудов двух писателей-осейджей: историка Луиса Ф. Бёрнса и прозаика и поэта Джона Джозефа Мэтьюза. Также большим подспорьем для меня были исследования Терри Уилсона, бывшего профессора индеанистики Калифорнийского университета в Беркли, а также Гаррика Бэйли, ведущего антрополога, специализирующегося на культуре осейджей.

Такие авторы, как Дэннис Маколифф, Лоуренс Хоган, Ди Кордри и покойный Фрэд Гроув, уже исследовали убийства, и их работы были чрезвычайно полезны. То же самое относится и к написанной Вердоном Р. Адамсом краткой биографии Тома Уайта – «Жизнь стража закона».

Наконец, в своем рассказе об истории Дж. Эдгара Гувера и основании ФБР я опирался на несколько отличных книг. Прежде всего – Курт Гентри «Дж. Эдгар Гувер», Сэнфорд Унгар «ФБР», Ричард Джид Пауэрс «Секретность и власть» и Брайан Барроу «Враги общества».

В библиографии я подробно очертил круг этих и других важных источников. Если я особенно привержен источнику, я попытался упомянуть его и в примечаниях. Любой заковыченный текст в книге взят из стенограмм судебных заседаний, дневников, писем или других документов. Эти источники упоминаются в примечаниях, за исключением случаев, когда ясно, что данный человек говорит непосредственно со мной.

Архивные и неопубликованные источники

Comstock Family Papers, Семейный архив Комстока: личное собрание Гомера Финкэннона

FBI: Федеральное бюро расследований, рассекреченные документы об убийствах осейджей

FBI/FOIA: Федеральное бюро расследований, документы, полученные в рамках Закона о свободе доступа к информации

HSP: Историческое общество Пенсильвании

KHS: Историческое общество Канзаса

LOC: Библиотека Конгресса

NARA-CP: Национальное управление архивов и документации, Колледж Парк, Мериленд
 Фонд 48, Документы министра внутренних дел
 Фонд 60, Документы министерства юстиции
 Фонд 65, Документы ФБР
 Фонд 129, Документы Бюро тюрем
 Фонд 204, Документы уполномоченных прокуроров об условно-досрочных освобождениях и помилованиях
 NARA-DC: Национальное управление архивов и документации, Вашингтон, округ Колумбия
 Records of the Center for Legislative Archives, Документы Центра архивов законодательной власти
 NARA-FW: Национальное управление архивов и документации, Форт-Уэрт, Техас
 Фонд 21, Документы окружного суда США; суд Западного судебного округа
 Фонд 75, Документы Управления по делам индейцев, отдел индейцев осейдж
 Фонд 118, Документы прокуратуры США, Западного судебного округа Оклахомы
 NMSUL: Библиотека Университета штата Нью-Мексико
 Архив Фрэда Гроува, Исторические коллекции Рио-Гранде
 OHS: Историческое общество Оклахомы
 ONM: Музей народа осейдж
 OSARM: Управление архивов и документации штата Оклахома
 PPL: Публичная библиотека Похаски
 SDSUL: Библиотека Калифорнийского университета в Сан-Диего
 TSLAC: Комиссия библиотеки и архивов штата Техас
 UOWHC: Коллекции истории Запада Университета Оклахомы
 Vaughan Family Papers, Семейные документы Воганов, личное собрание Марты и Мелвилл Воган

Избранная библиография

- Ackerman, Kenneth D. *Young J. Edgar: Hoover, the Red Scare, and the Assault on Civil Liberties*. New York: Carroll & Graf, 2007.
- Adams, Verdon R. *Tom White: The Life of a Lawman*. El Paso: Texas Western Press, 1972.
- Adcock, James M., and Arthur S. Chancellor. *Death Investigations*. Burlington, Mass.: Jones & Bartlett Learning, 2013.
- Alexander, Bob. *Bad Company and Burnt Powder: Justice and Injustice in the Old Southwest*. Denton: University of North Texas Press, 2014.
- Allen, Frederick Lewis. *Only Yesterday: An Informal History of the 1920s*. New York: John Wiley & Sons, 1997.
- Ambrose, Stephen E. *Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West*. New York: Simon & Schuster, 2002.
- Anderson, Dan, Laurence J. Yadon, and Robert B. Smith. *100 Oklahoma Outlaws, Gangsters, and Lawmen, 1839–1939*. Gretna, La.: Pelican, 2007.
- Babyak, Jolene. *Birdman: The Many Faces of Robert Stroud*. Berkeley, Calif.: Ariel Vamp Press, 1994.
- Bailey, Garrick Alan. *Changes in Osage Social Organization, 1673–1906*. University of Oregon Anthropological Papers 5. Eugene: Department of Anthropology, University of Oregon, 1973.
- «The Osage Roll: An Analysis». *Indian Historian* 5 (Spring 1972): 26–29.
- Bailey, Garrick Alan, Daniel C. Swan, John W. Nunley, and E. Sean Standing Bear. *Art of the Osage*. Seattle: St. Louis Art Museum in association with University of Washington Press, 2004.
- Bailey, Garrick Alan, and William C. Sturtevant, eds. *Indians in Contemporary Society*. Vol. 2, *Handbook of North American Indians*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 2008.
- Baird, W. David. *The Osage People*. Phoenix: Indian Tribal Series, 1972.
- Ball, Larry D. *Desert Lawmen: The High Sheriffs of New Mexico and Arizona, 1846–1912*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1996.

- Bates, James Leonard. *The Origins of Teapot Dome: Progressives, Parties, and Petroleum, 1909–1921*. Urbana: University of Illinois Press, 1964.
- Blum, Howard. *American Lightning: Terror, Mystery, the Birth of Hollywood, and the Crime of the Century*. New York: Three Rivers Press, 2008.
- Boatright, Mody C., and William A. Owens. *Tales from the Derrick Floor: A People's History of the Oil Industry*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1970.
- Boorstin, Daniel J. *The Americans: The Democratic Experience*. New York: Vintage, 1974.
- Breuer, William B. *J. Edgar Hoover and His G-Men*. Westport, Conn.: Praeger, 1995.
- Brown, Meredith Mason. *Frontiersman: Daniel Boone and the Making of America*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2009.
- Burchardt, Bill. «Osage Oil». *Chronicles of Oklahoma* 41 (Fall 1963): 253–269.
- Burns, Louis F. *A History of the Osage People*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2004.
- *Osage Indian Customs and Myths*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005.
- Burns, William J. *The Masked War: The Story of a Peril That Threatened the United States*. New York: George H. Doran, 1913.
- Burrough, Bryan. *Public Enemies: America's Greatest Crime Wave and the Birth of the FBI, 1933–1934*. New York: Penguin, 2009.
- Caesar, Gene. *Incredible Detective: The Biography of William J. Burns*. New York: Prentice-Hall, 1989.
- Callahan, Alice Anne. *The Osage Ceremonial Dance In-Lon-Schka*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.
- Cecil, Matthew. *Hoover's FBI and the Fourth Estate: The Campaign to Control the Press and the Bureaus Image*. Lawrence: University Press of Kansas, 2014.
- Chapman, Berlin B. «Dissolution of the Osage Reservation, Part One». *Chronicles of Oklahoma* 20 (Sept. – Dec. 1942): 244–54.
- «Dissolution of the Osage Reservation, Part Two». *Chronicles of Oklahoma* 20 (Sept. – Dec. 1942): 375–387.
- «Dissolution of the Osage Reservation, Part Three». *Chronicles of Oklahoma* 21 (March 1943): 78–88.
- «Dissolution of the Osage Reservation, Part Four». *Chronicles of Oklahoma* 21 (June 1943): 171–182.
- Christison, Sir Robert. *A Treatise on Poisons in Relation to Medical Jurisprudence, Physiology, and the Practice of Physic*. Edinburgh: Adam Black, 1832.
- Collins, Michael L. *Texas Devils: Rangers and Regulars on the Lower Rio Grande, 1846–1861*. Norman: University of Oklahoma Press, 2008.
- Connelly, William L. *The Oil Business as I Saw It: Half a Century with Sinclair*. Norman: University of Oklahoma Press, 1954.
- Cope, Jack. *1300 Metropolitan Avenue: A History of the United States Penitentiary at Leavenworth, Kansas*. Leavenworth, Kans.: Unicorn Print Press, 1997.
- Cordry, Dee. *Alive If Possible – Dead If Necessary*. Mustang, Okla.: Tate, 2005.
- Cox, James. *Historical and Biographical Record of the Cattle Industry and the Cattlemen of Texas and Adjacent Territory*. St. Louis: Woodward & Tiernan, 1895.
- Cox, Mike. *Time of the Rangers*. New York: Tom Doherty Associates, 2010.
- Crockett, Art. *Serial Murderers*. New York: Pinnacle Books, 1993.
- Daniell, L. E. *Personnel of the Texas State Government, with Sketches of Distinguished Texans, Embracing the Executive and Staff, Heads of the Departments, United States Senators and Representatives, Members of the Twenty-First Legislature*. Austin: Smith, Hicks & Jones, 1889.
- Daugherty, H. M., and Thomas Dixon. *The Inside Story of the Harding Tragedy*. New York: Churchill, 1932.
- Dean, John W. Warren G. *Harding*. New York: Times Books, 2004.
- Debo, Angie. *And Still the Waters Run: The Betrayal of the Five Civilized Tribes*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.

- Demaris, Ovid. *The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover*. New York: Harper's Magazine Press, 1975.
- Dennison, Jean. *Colonial Entanglement: Constituting a Twenty-First-Century Osage Nation*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
- Dickerson, Philip J. *History of the Osage Nation: Its People, Resources, and Prospects: The East Reservation to Open in the New State*. Pawhuska, Okla.: P. J. Dickerson, 1906.
- Dickey, Michael. *The People of the River's Mouth: In Search of the Missouri Indians*. Columbia: University of Missouri Press, 2011.
- Doherty, Jim. *Just the Facts: True Tales of Cops and Criminals*. Tucson: Deadly Serious Press, 2004.
- Earley, Pete. *The Hot House: Life Inside Leavenworth Prison*. New York: Bantam Books, 1993.
- Ellis, William Donohue. *Out of the Osage: The Foster Story*. Oklahoma City: Western Heritage Books, 1994.
- Finney, Frank F. «John N. Florer». *Chronicles of Oklahoma* 33 (Summer 1955): 142–44.
- «The Osages and Their Agency During the Term of Isaac T. Gibson Quaker Agent». *Chronicles of Oklahoma* 36 (Winter 1958–1959): 416–428.
- «Progress in the Civilization of the Osage». *Chronicles of Oklahoma* 40 (Spring 1962): 2–21.
- Finney, James Edwin, and Joseph B. Thoburn. «Reminiscences of a Trader in the Osage Country». *Chronicles of Oklahoma* 33 (Summer 1955): 145–158.
- Finney, Thomas McKean. *Pioneer Days with the Osage Indians: West of '96*. Pawhuska, Okla.: Osage County Historical Society, 1972.
- Fixico, Donald Lee. *The Invasion of Indian Country in the Twentieth Century: American Capitalism and Tribal Natural Resources*. Niwot: University Press of Colorado, 1998.
- Foley, William E., and C. David Rice. *The First Chouteaus: River Barons of Early St. Louis*. Urbana: University of Illinois Press, 2000.
- Forbes, Gerald. «History of the Osage Blanket Lease». *Chronicles of Oklahoma* 19 (March 1941): 70–81.
- Foreman, Grant. «J. George Wright». *Chronicles of Oklahoma* 20 (June 1942): 120–123.
- Franks, Kenny Arthur. *The Osage Oil Boom*. Oklahoma City: Western Heritage Books, 1989.
- Franks, Kenny Arthur, Paul F. Lambert, and Carl N. Tyson. *Early Oklahoma Oil: A Photographic History, 1859–1936*. College Station: Texas A&M University Press, 1981.
- Friedman, Lawrence M. *Crime and Punishment in American History*. New York: Basic Books, 1993.
- Gaddis, Thomas E., and James O. Long, eds. *Panzram: A Journal of Murder*. Los Angeles: Amok Books, 2002.
- Gage, Beverly. *The Day Wall Street Exploded: A Story of America in Its First Age of Terror*. New York: Oxford University Press, 2009.
- Gentry, Curt. *J. Edgar Hoover: The Man and the Secrets*. New York: W. W. Norton, 2001.
- Getty, Jean Paul. *As I See It: The Autobiography of J. Paul Getty*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2003.
- *How to Be Rich*. New York: Jove Books, 1983.
- *My Life and Fortunes*. New York: Duell, Sloan & Pearce, 1963.
- Gilbreath, West C. *Death on the Gallows: The Story of Legal Hangings in New Mexico, 1847–1923*. Silver City, N.M.: High-Lonesome Books, 2002.
- Glasscock, Carl Burgess. *Then Came Oil: The Story of the Last Frontier*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1938.
- Graves, W. W. *Life and Letters of Fathers Ponziglione, Schoenmakers, and Other Early Jesuits at Osage Mission: Sketch of St. Francis' Church; Life of Mother Bridget*. St. Paul, Kans.: W. W. Graves, 1916.
- *Life and Letters of Rev. Father John Schoenmakers, S.J., Apostle to the Osages*. Parsons, Kans.: Commercial, 1928.

- Graybill, Andrew R. *Policing the Great Plains: Rangers, Mounties, and the North American Frontier, 1875–1910*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2007.
- Gregory, Robert. *Oil in Oklahoma*. Muskogee, Okla.: Leake Industries, 1976.
- Gross, Hans. *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1968.
- Grove, Fred. *The Years of Fear: A Western Story*. Waterville, Maine: Five Star, 2002.
- Gunther, Max. *The Very, Very Rich and How They Got That Way*. Hampshire, U.K.: Harriman House, 2010.
- Hagan, William T. *Taking Indian Lands: The Cherokee (Jerome) Commission, 1889–1893*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003.
- Hammons, Terry. *Ranching from the Front Seat of a Buick: The Life of Oklahoma's A. A. «Jack» Drummond*. Oklahoma City: Oklahoma Historical Society, 1982.
- Hanson, Maynard J. «Senator William B. Pine and His Times». Ph.D. diss., Oklahoma State University, 1983.
- Harmon, Alexandra. *Rich Indians: Native People and the Problem of Wealth in American History*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010.
- Harris, Charles H., and Louis R. Sadler. *The Texas Rangers and the Mexican Revolution: The Bloodiest Decade, 1910–1920*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2004.
- Hastedt, Karl G. «White Brothers of Texas Had Notable FBI Careers». *Grapevine*, Feb. 1960.
- Hess, Janet Berry. *Osage and Settler: Reconstructing Shared History Through an Oklahoma Family Archive*. Jefferson, N.C.: McFarland, 2015.
- Hicks, J. C. «Auctions of Osage Oil and Gas Leases». M.A. thesis, University of Oklahoma, 1949.
- Hofstadter, Richard. *The Age of Reform: From Bryan to F.D.R.* New York: Knopf, 1955.
- Hogan, Lawrence J. *The Osage Indian Murders: The True Story of a Multiple Murder Plot to Acquire the Estates of Wealthy Osage Tribe Members*. Frederick, Md.: Amlex, 1998.
- Horan, James D. *The Pinkertons: The Detective Dynasty That Made History*. New York: Crown, 1969.
- Hoyt, Edwin. *Spectacular Rogue: Gaston B. Means*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1963.
- Hunt, William R. *Front-Page Detective: William J. Burns and the Detective Profession, 1880–1930*. Bowling Green, Ohio: Popular Press, 1990.
- Hunter, J. Marvin, and B. Byron Price. *The Trail Drivers of Texas: Interesting Sketches of Early Cowboys and Their Experiences on the Range and on the Trail During the Days That Tried Mens Souls, True Narratives Related by Real Cow-punchers and Men Who Fathered the Cattle Industry in Texas*. Austin: University of Texas Press, 1985.
- Hynd, Alan. *Great True Detective Mysteries*. New York: Grosset & Dunlap, 1969.
- Indian Rights Association. *Forty-Fourth Annual Report of the Board of Directors of the Indian Rights Association (Incorporated) for the Year Ending December 15, 1926*. Philadelphia: Office of the Indian Rights Association, 1927.
- Irwin, Lew. *Deadly Times: The 1910 Bombing of the «Los Angeles Times» and Americas Forgotten Decade of Terror*. New York: Rowman & Littlefield, 2013.
- Johnson, David R. *American Law Enforcement: A History*. Wheeling, Ill.: Forum Press, 1981.
- . *Policing the Urban Underworld: The Impact of Crime on the Development of the American Police, 1800–1887*. Philadelphia: Temple University Press, 1979.
- Johnston, J. H. *Leavenworth Penitentiary: A History of Americas Oldest Federal Prison*.
- Leavenworth, Kans.: J. H. Johnston, 2005. Jones, Mark, and Peter Johnstone. *History of Criminal Justice*. New York: Elsevier, 2012.
- Jones, Mary Ann. «The Leavenworth Prison Break». *Harper's Monthly*, July 1945. Kessler, Ronald. *The Bureau: The Secret History of the FBI*. New York: St. Martin's Paperbacks, 2003.
- Keve, Paul W. *Prisons and the American Conscience: A History of U. S. Federal Corrections*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1991.

- Knowles, Ruth Sheldon. *The Greatest Gamblers: The Epic of American Oil Exploration*. Norman: University of Oklahoma Press, 1980.
- Kraisinger, Gary, and Margaret Kraisinger. *The Western: The Greatest Texas Cattle Trail, 1874–1886*. Newton, Kans.: Mennonite Press, 2004.
- Kurland, Michael. *Irrefutable Evidence: Adventures in the History of Forensic Science*. Chicago: Ivan R. Dee, 2009.
- Kvasnicka, Robert M., and Herman J. Viola, eds. *The Commissioners of Indian Affairs, 1824–1977*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1979.
- La Flesche, Francis. *The Osage and the Invisible World: From the Works of Francis La Flesche*. Edited by Garrick Alan Bailey. Norman: University of Oklahoma Press, 1995.
- *The Osage Tribe: Rite of the Chiefs; Sayings of the Ancient Men*. Washington, D.C.: Bureau of American Ethnology, 1921.
- Lamb, Arthur H. *Tragedies of the Osage Hills*. Pawhuska, Okla.: Raymond Red Corn, 2001.
- Lambert, Paul F., and Kenny Arthur Franks. *Voices from the Oil Fields*. Norman: University of Oklahoma Press, 1984.
- Lenzner, Robert. *The Great Getty: The Life and Loves of J. Paul Getty, Richest Man in the World*. New York: New American Library, 1987.
- Leonard, Thomas C. «American Economic Reform in the Progressive Era: Its Foundational Beliefs and Their Relationship to Eugenics». *History of Political Economy* 41 (2009): 109–141.
- «Retrospectives: Eugenics and Economics in the Progressive Era». *Journal of Economic Perspectives* 19 (2005): 207–224.
- Lloyd, Roger Hall. *Osage County: A Tribe and American Culture, 1600–1934*. New York: Universe, 2006.
- Lombroso, Cesare. *Criminal Man*. Translated by Mary Gibson and Nicole Hahn Rafter. Durham, N.C.: Duke University Press, 2006.
- Look Magazine, ed. *The Story of the FBI*. New York: E. Dutton, 1947.
- Lowenthal, Max. *The Federal Bureau of Investigation*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1971.
- Lukas, J. Anthony. *Big Trouble: A Murder in a Small Western Town Sets Off a Struggle for the Soul of America*. New York: Touchstone Books, 1998.
- Lynch, Gerald. *Roughnecks, Drillers, and Tool Pushers: Thirty-Three Years in the Oil Fields*. Austin: University of Texas Press, 1991.
- Mackay, James A. *Allan Pinkerton: The First Private Eye*. New York: J. Wiley & Sons, 1997.
- Mathews, John Joseph. *Life and Death of an Oilman: The Career of E. W. Marland*. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.
- *The Osages: Children of the Middle Waters*. Norman: University of Oklahoma Press, 1973.
- *Sundown*. Norman: University of Oklahoma Press, 1988.
- *Talking to the Moon*. Norman: University of Oklahoma Press, 1981.
- *Twenty Thousand Mornings: An Autobiography*. Norman: University of Oklahoma Press, 2012.
- *Wah'kon-Tah: The Osage and the White Man's Road*. Norman: University of Oklahoma, 1981.
- McAuliffe, Dennis. *The Deaths of Sybil Bolton: An American History*. New York: Times Books, 1994.
- McCartney, Laton. *The Teapot Dome Scandal: How Big Oil Bought the Harding White House and Tried to Steal the Country*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2009.
- McConal, Patrick M. *Over the Wall: The Men Behind the 1934 Death House Escape*. Austin: Eakin Press, 2000.
- Merchant, Carolyn. *American Environmental History: An Introduction*. New York: Columbia University Press, 2013.
- Miller, Russell. *The House of Getty*. New York: Henry Holt, 1985.

- Millspaugh, Arthur C. *Crime Control by the National Government*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1937.
- Miner, H. Craig. *The Corporation and the Indian: Tribal Sovereignty and Industrial Civilization in Indian Territory, 1865–1907*. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.
- Miner, H. Craig, and William E. Unrau. *The End of Indian Kansas: A Study of Cultural Revolution, 1854–1871*. Lawrence: University Press of Kansas, 1990.
- Morgan, R. D. *Taming the Sooner State: The War Between Lawmen and Outlaws in Oklahoma and Indian Territory, 1875–1941*. Stillwater, Okla.: New Forums Press, 2007.
- Morn, Frank. «*The Eye That Never Sleeps*»: *A History of the Pinkerton National Detective Agency*. Bloomington: Indiana University Press, 1982.
- Morris, John W. *Ghost Towns of Oklahoma*. Norman: University of Oklahoma Press, 1978.
- Nash, Jay Robert. *Almanac of World Crime*. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1981.
- *Citizen Hoover: A Critical Study of the Life and Times of J. Edgar Hoover and His FBI*. Chicago: Nelson-Hall, 1972.
- Nieberding, Velma. «Catholic Education Among the Osage». *Chronicles of Oklahoma* 32 (Autumn 1954): 290–307.
- Noggle, Burl. *Teapot Dome: Oil and Politics in the 1920's*. New York: W. W. Norton, 1965.
- Office of the Commissioner of Indian Affairs. *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior, for the Year 1871*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1872.
- Ollestad, Norman. *Inside the FBI*. New York: Lyle Stuart, 1967.
- Osage County Historical Society. *Osage County Profiles*. Pawhuska, Okla.: Osage County Historical Society, 1978.
- Osage Tribal Council, United States, Bureau of Indian Affairs, and Osage Agency. *1907–1957, Osage Indians Semi-centennial Celebration: Commemorating the Closing of the Osage Indian Roll, the Allotment of the Lands of the Osage Reservation in Severalty and the Dedication of the Osage Tribal Chamber*. Pawhuska, Okla.: Osage Agency Campus, 1957.
- Osage Tribal Murders*. Directed by Sherwood Ball. Los Angeles: Ball Entertainment, 2010. DVD.
- Parker, Doris Whitetail. *Footprints on the Osage Reservation*. Pawhuska, Okla.: the author, 1982.
- Parsons, Chuck. *Captain John R. Hughes: Lone Star Ranger*. Denton: University of North Texas Press, 2011.
- Paschen, Elise. *Bestiary*. Pasadena, Calif.: Red Hen Press, 2009.
- Pawhuska Journal-Capital. *Cowboys, Outlaws, and Peace Officers*. Pawhuska, Okla.: Pawhuska Journal-Capital, 1996.
- *Reflections of Pawhuska, Oklahoma*. Pawhuska, Okla.: Pawhuska Journal-Capital, 1995.
- Pinkerton, Allan. *Criminal Reminiscences and Detective Sketches*. New York: Garrett Press, 1969.
- *Thirty Years a Detective*. Warwick, N.Y.: 1500 Books, 2007.
- Powers, Richard Gid. *G-Men: Hoover's FBI in American Popular Culture*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1983.
- *Secrecy and Power: The Life of J. Edgar Hoover*. New York: Free Press, 1988.
- Prettyman, William S., and Robert E. Cunningham. *Indian Territory: A Frontier Photographic Record by W. S. Prettyman*. Norman: University of Oklahoma Press, 1957.
- Prucha, Francis Paul. *The Churches and the Indian Schools, 1888–1912*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1979.
- Ramsland, Katherine M. *Beating the Devil's Game: A History of Forensic Science and Criminal Investigation*. New York: Berkley Books, 2014.
- *The Human Predator: A Historical Chronicle of Serial Murder and Forensic Investigation*. New York: Berkley Books, 2013.

- Red Corn, Charles H. *A Pipe for February: A Novel*. Norman: University of Oklahoma Press, 2002.
- Revard, Carter. *Family Matters, Tribal Affairs*. Tucson: University of Arizona Press, 1998.
- Rister, Carl Coke. *Oil! Titan of the Southwest*. Norman: University of Oklahoma Press, 1957.
- Roff, Charles L. *A Boom Town Lawyer in the Osage, 1919–1927*. Quanah, Tex.: Nortex Press, 1975.
- Rollings, Willard H. *The Osage: An Ethnohistorical Study of Hegemony on the Prairie-Plains*. Columbia: University of Missouri Press, 1995.
- *Unaffected by the Gospel: Osage Resistance to the Christian Invasion (1673–1906): A Cultural Victory*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2004.
- Rudensky, Red. *The Gonif*. Blue Earth, Minn.: Piper, 1970.
- Russell, Orpha B. «Chief James Bigheart of the Osages». *Chronicles of Oklahoma* 32 (Winter 1954–1955): 884–894.
- Sbardellati, John. *J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2012.
- Shirley, Glenn. *West of Hell's Fringe: Crime, Criminals, and the Federal Peace Officer in Oklahoma Territory, 1889–1907*. Norman: University of Oklahoma Press, 1990.
- Shoemaker, Arthur. *The Road to Marble Halls: The Henry Grammer Saga*. N.p.: Basic Western Book Company, 2000.
- Spellman, Paul N. *Captain J. A. Brooks, Texas Ranger*. Denton: University of North Texas Press, 2007.
- Stansbery, Lon R. *The Passing of 3-D Ranch*. New York: Buffalo-Head Press, 1966.
- Starr, Douglas. *The Killer of Little Shepherds: A True Crime Story and the Birth of Forensic Science*. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
- Sterling, William Warren. *Trails and Trials of a Texas Ranger*. Norman: University of Oklahoma Press, 1959.
- Stratton, David H. *Tempest over Teapot Dome: The Story of Albert B. Fall*. Norman: University of Oklahoma Press, 1998.
- Strickland, Rennard. *The Indians in Oklahoma*. Norman: University of Oklahoma Press, 1980.
- Sullivan, William, and Bill Brown. *The Bureau: My Thirty Years in Hoover's FBI*. New York: Pinnacle Books, 1982.
- Summerscale, Kate. *The Suspicions of Mr. Whicher: A Shocking Murder and the Undoing of a Great Victorian Detective*. New York: Bloomsbury, 2009.
- Tait, Samuel W. *The Wildcatters: An Informal History of Oil-Hunting in America*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1946.
- Tallchief, Maria. *Maria Tallchief: Americas Prima Ballerina*. With Larry Kaplan. New York: Henry Holt, 1997.
- Tarbell, Ida M. *The History of the Standard Oil Company*. Edited by David Mark Chalmers. New York: Harper & Row, 1966.
- «Identification of Criminals». *McClures Magazine*, March 1894.
- Thoburn, Joseph Bradfield. *A Standard History of Oklahoma: An Authentic Narrative of Its Development from the Date of the First European Exploration Down to the Present Time, Including Accounts of the Indian Tribes, Both Civilized and Wild, of the Cattle Range, of the Land Openings and the Achievements of the Most Recent Period*. Chicago: American Historical Society, 1916.
- Thomas, James. «The Osage Removal to Oklahoma». *Chronicles of Oklahoma* 55 (Spring 1977): 46–55.
- Thorne, Tanis C. *The World's Richest Indian: The Scandal over Jackson Barnett's Oil Fortune*. New York: Oxford University Press, 2003.
- Tixier, Victor. *Tixiers Travels on the Osage Prairies*. Norman: University of Oklahoma Press, 1940.
- Toledano, Ralph de. *J. Edgar Hoover: The Man in His Time*. New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1973.

Trachtenberg, Alan. *The Incorporation of America: Culture and Society in the Gilded Age*. New York: Hill and Wang, 2007.

Tracy, Tom H. «Tom Tracy Tells About – Detroit and Oklahoma: Ex Agent Recalls Exciting Times in Sooner State Where Indians, Oil Wells, and Bad Guys Kept Staff on the Go». *Grapevine*, Feb. 1960.

Turner, William W. *Hoover's FBI*. New York: Thunder's Mouth Press, 1993.

Ungar, Sanford J. *F.B.I.* Boston: Little, Brown, 1976.

Unger, Robert. *The Union Station Massacre: The Original Sin of J. Edgar Hoover's FBI*. Kansas City, Mo.: Kansas City Star Books, 2005.

U. S. Bureau of Indian Affairs and Osage Agency. *The Osage People and Their Trust Property, a Field Report*. Pawhuska, Okla.: Osage Agency, 1953.

U. S. Congress. House Committee on Indian Affairs. *Modifying Osage Fund Restrictions, Hearings Before the Committee on Indian Affairs on H.R. 10328*. 67th Cong., 2nd sess., March 27–29 and 31, 1922.

U. S. Congress. House Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. *Indians of the United States: Investigation of the Field Service: Hearing by the Subcommittee on Indian Affairs*. 66th Cong., 2nd sess., 1920.

– *Leases for Oil and Gas Purposes, Osage National Council, on H.R. 27726: Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs*. 62nd Cong., 3rd sess., Jan. 18–21, 1913.

U. S. Congress. Joint Commission to Investigate Indian Affairs. *Hearings Before the Joint Commission of the Congress of the United States*. 63rd Cong., 3rd sess., Jan. 16 and 19 and Feb. 3 and 11, 1915.

U. S. Congress. Senate Committee on Indian Affairs. *Hearings Before the Senate Committee on Indian Affairs on Matters Relating to the Osage Tribe of Indians*. 60th Cong., 2nd sess., March 1, 1909.

– *Survey of Conditions of the Indians in the U. S. Hearings Before the United States Senate Committee on Indian Affairs, Subcommittee on S. Res. 79*. 78th Cong., 1st sess., Aug. 2 and 3, 1943.

U. S. Dept. of Justice. Federal Bureau of Investigation. *The FBI: A Centennial History, 1908–2008*. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 2008.

Utey, Robert M. *Lone Star Justice: The First Century of the Texas Rangers*. New York: Berkley Books, 2003.

Wagner, E. J. *The Science of Sherlock Holmes: From Baskerville Hall to the Valley of Fear, the Real Forensics Behind the Great Detective's Greatest Cases*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2006.

Walker, Samuel. *Popular Justice: A History of American Criminal Justice*. New York: Oxford University Press, 1998.

Wallis, Michael. *Oil Man: The Story of Frank Phillips and the Birth of Phillips Petroleum*. New York: St. Martin's Griffin, 1995.

– *The Real Wild West: The 101 Ranch and the Creation of the American West*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Ward, David A. *Alcatraz: The Gangster Years*. Berkeley: University of California Press, 2009.

Warehime, Lester. *History of Ranching the Osage*. Tulsa: W. W. Publishers, 2001. Webb, Walter Prescott. *The Texas Rangers: A Century of Frontier Defense*. Austin: University of Texas Press, 2014.

Webb-Storey, Anna. «Culture Clash: A Case Study of Three Osage Native American Families». Ed. D. thesis, Oklahoma State University, 1998.

Weiner, Tim. *Enemies: A History of the FBI*. New York: Random House, 2012. Welch, Neil J., and David W. Marston. *Inside Hoover's FBI: The Top Field Chief Reports*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1984.

Welsh, Herbert. *The Action of the Interior Department in Forcing the Standing Rock Indians to Lease Their Lands to Cattle Syndicates*. Philadelphia: Indian Rights Association, 1902.

Wheeler, Burton K., and Paul F. Healy. *Yankee from the West: The Candid, Turbulent Life Story of the Yankee-Born U. S. Senator from Montana*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1962.

White, E. E. *Experiences of a Special Indian Agent*. Norman: University of Oklahoma Press, 1965.

White, James D. *Getting Sense: The Osages and Their Missionaries*. Tulsa: Sarto Press, 1997.

Whitehead, Don. *The FBI Story: A Report to the People*. New York: Random House, 1956.

Wiebe, Robert H. *The Search for Order, 1877–1920*. New York: Hill and Wang, 1967.

Wilder, Laura Ingalls. *Little House on the Prairie*. New York: Harper & Brothers, 1935. Reprinted, New York: HarperCollins, 2010.

Wilson, Terry P. «Osage Indian Women During a Century of Change, 1870–1980». *Prologue: Journal of the National Archives* 14 (Winter 1982): 185–201.

– Osage Oxonian: The Heritage of John Joseph Mathews. *Chronicles of Oklahoma* 59 (Fall 1981): 264–293.

– *The Underground Reservation: Osage Oil*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1985.

Zugibe, Frederick T., and David Carroll. *Dissecting Death: Secrets of a Medical Examiner*. New York: Broadway Books, 2005.

Об авторе

Дэвид Гранн – штатный сотрудник журнала «Нью-Йоркер» и автор бестселлера «Затерянный город Z», названного «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и другими изданиями одной из лучших книг года и переведенного на более чем 25 языков. Также автор книги «Дьявол и Шерлок Холмс: как совершаются преступления». Удостоен ряда наград за выдающиеся журналистские работы, в том числе премии Джорджа Полка.

Иллюстрации

Молли Буркхарт

Эрнст Буркхарт

Молли (справа) с сестрами Анной (в центре) и Минни

Овраг, где нашли тело Анны Браун

Молли (справа) с сестрой Анной и ее матерью Лиззи

Хейл на соревнованиях ковбоев

Преобразившийся Хейл с женой и дочерью

Члены банды Эла Спенсера в шутку задерживают своих

Самогонный аппарат, обнаруженный в 1923 году властями в округе Осейдж

Первоначальное поселение осейджей

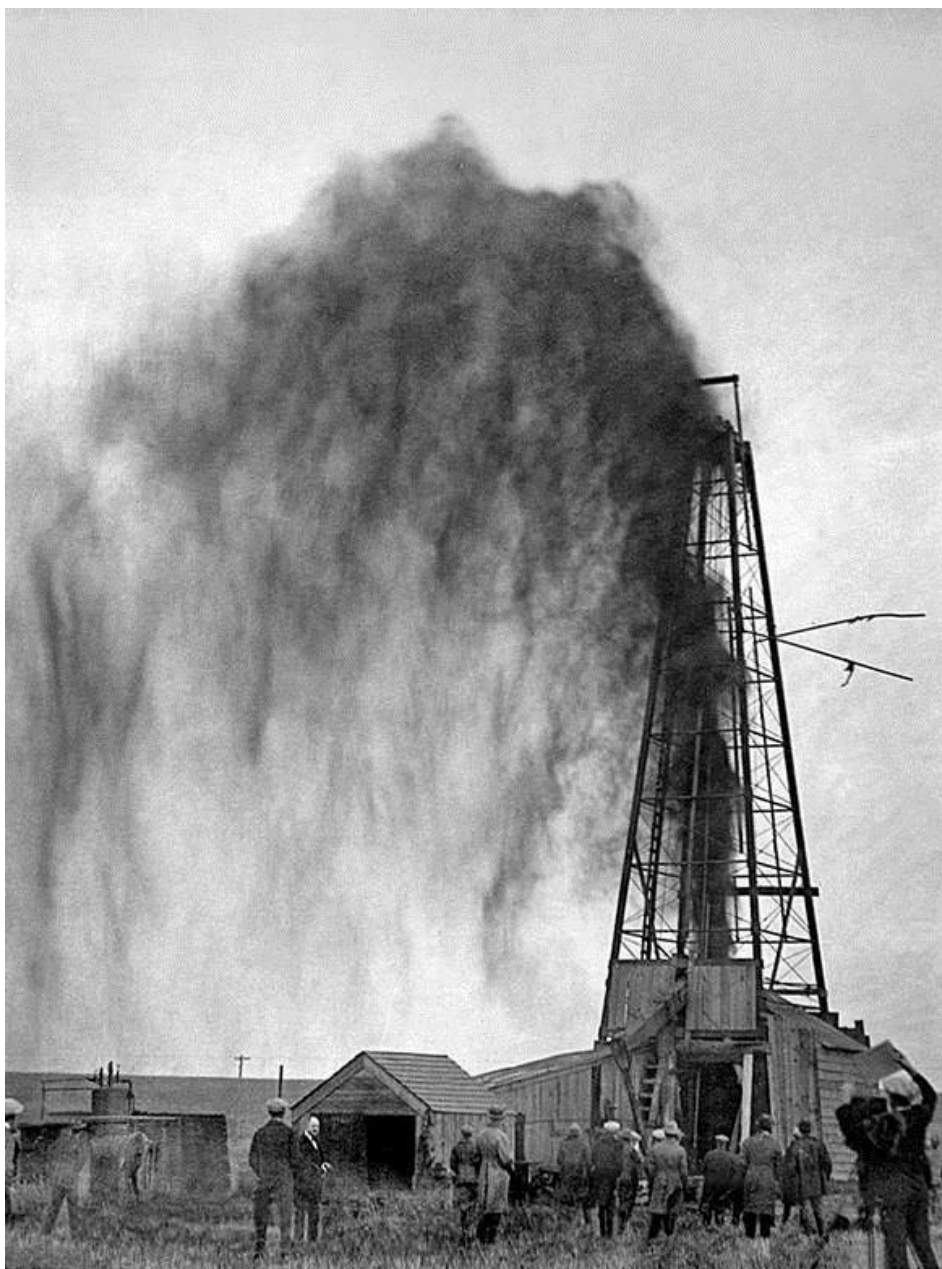
Вождь осейджей Ва-Кон-Та

Магазин Джона Флорера в Грей Хорсе

Молли, вынужденная учиться в школе Сент-Луиса. Фото предоставлено Реймондом Редом Корном

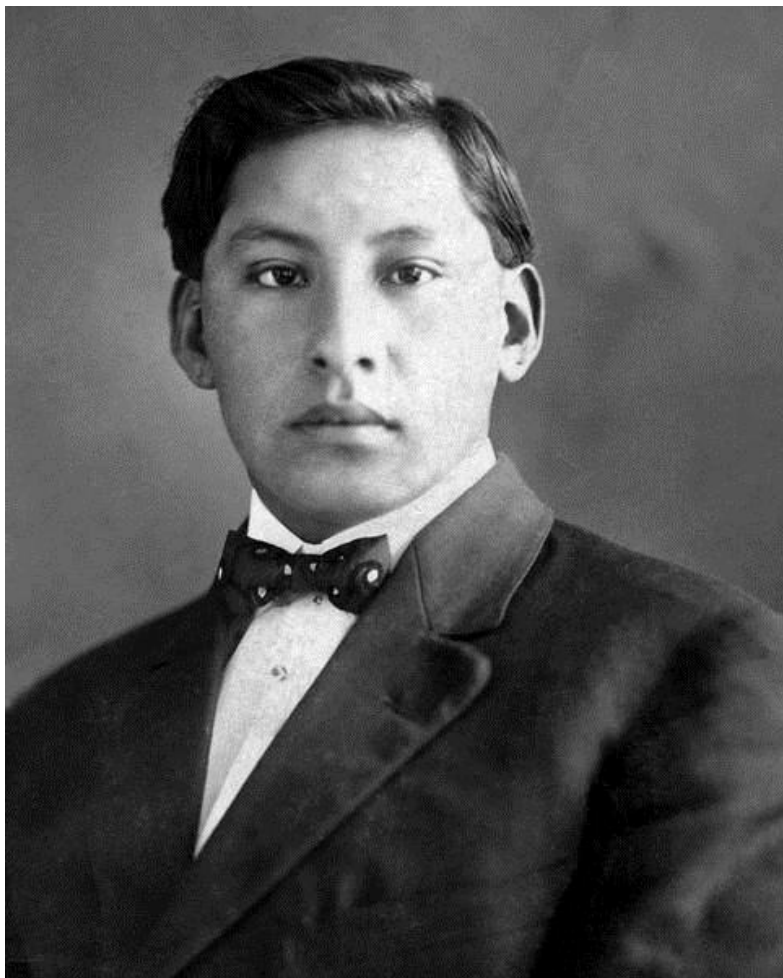
Нефтяной фонтан Филлипс Петролеум на территории осейджей

Торговая компания Биг Хилл, которой руководил Скотт Матис, опекун Анны и Лиззи

Рита, сестра Молли

Билл Степсон

Фрэнк Филлипс (на нижней ступеньке) и другие нефтяники прибывают на землю осейджей в 1919 году

Полковник Уолтерс и нефтяники собираются на аукцион Вязом Миллионеров

Центр Пахаски в 1906 году, до нефтяного бума

Пахаска, преобразившаяся в годы «нефтяной лихорадки»

Поговаривали: если только один из одиннадцати американцев владел автомобилем, то практически каждый осейдж владел одиннадцатью. *Фото предоставлено Реймондом Редом Корном*

Генри Рон

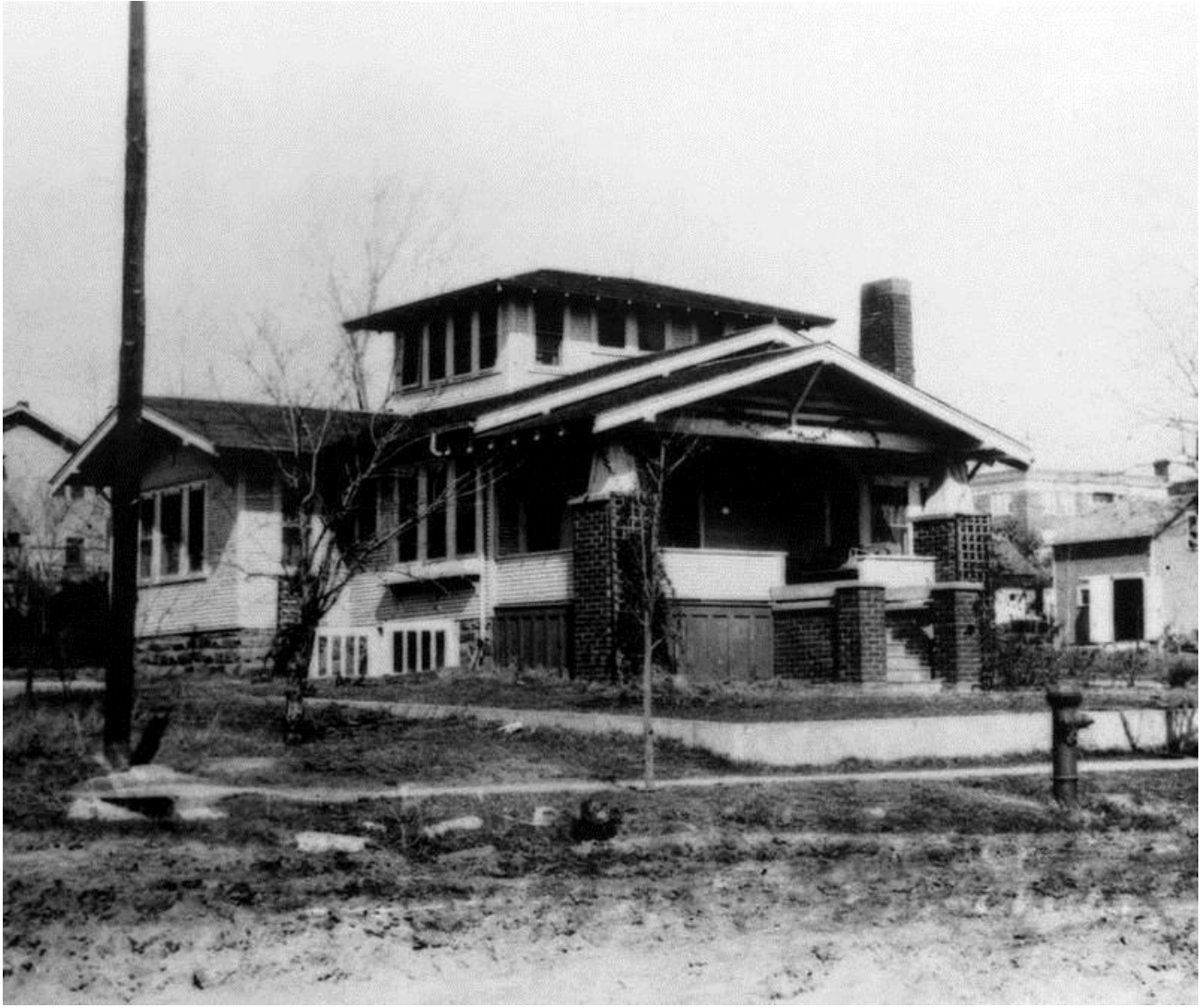
Генри Грэммер недолго провел в заключении после убийства человека в Монтане

Рита Смит и ее слуга Нетти Брукшир

В.В. Воган с женой и детьми

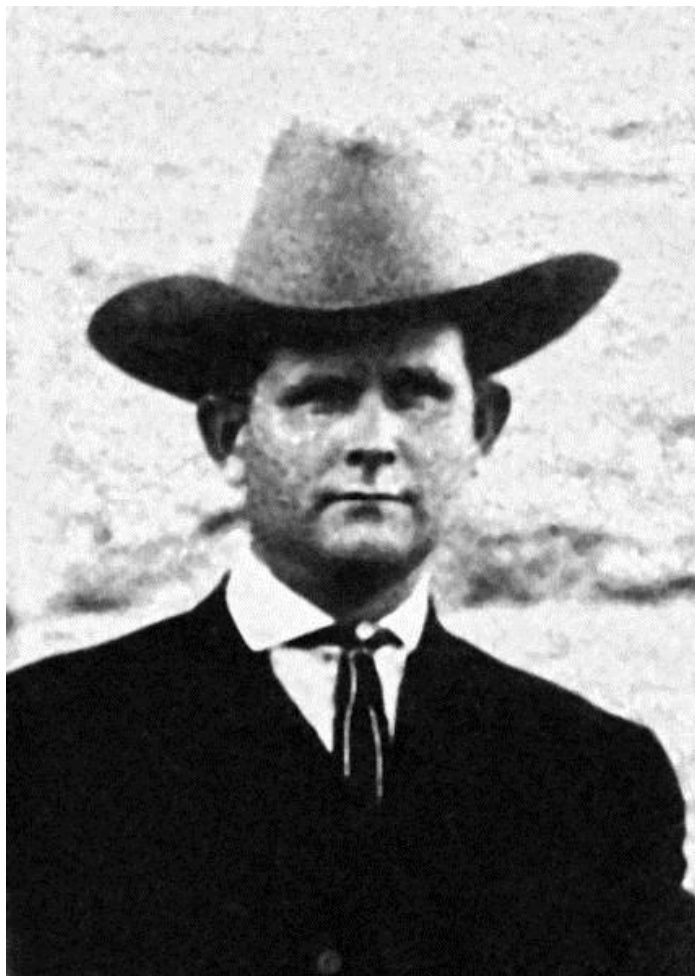
Дом Риты и Билла Смита до взрыва и после

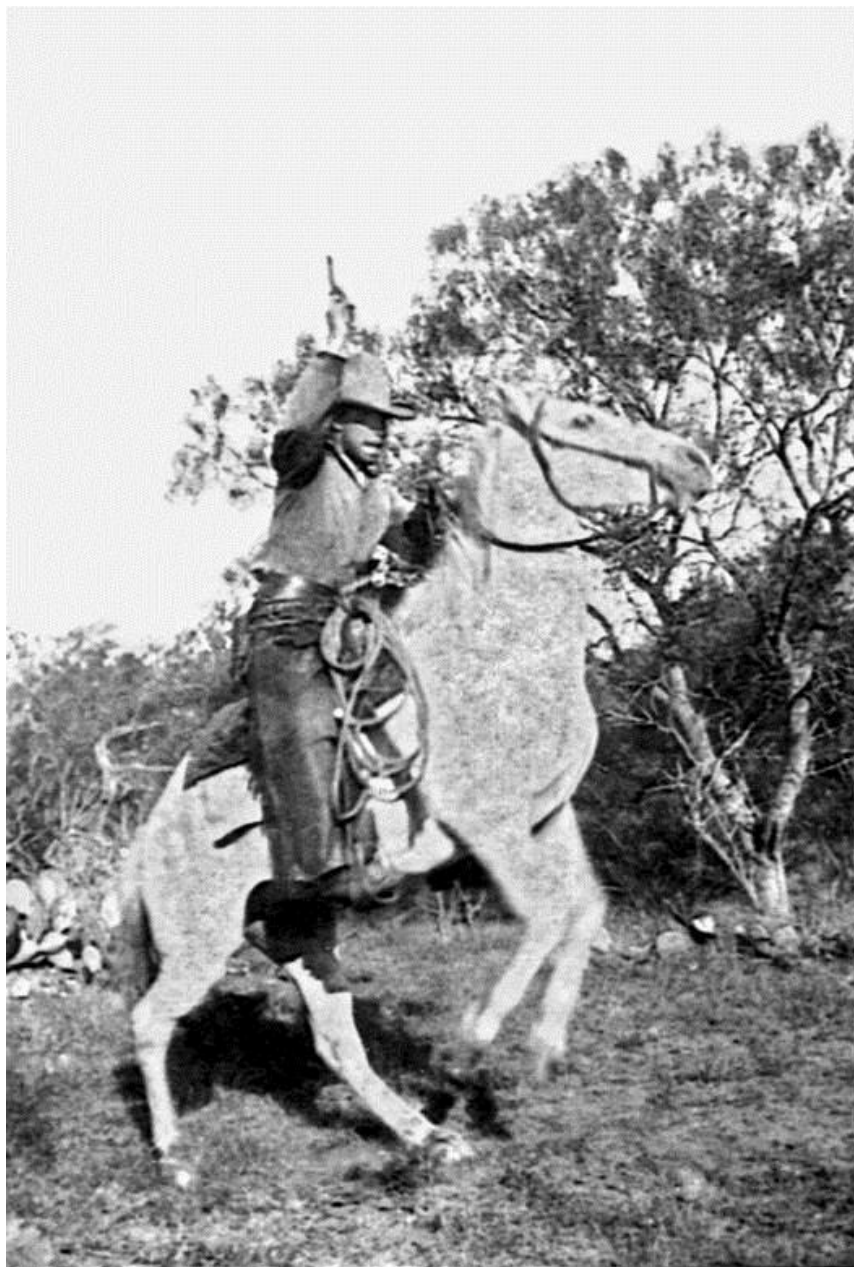
Молли со своими сестрами: Ритой (слева), Анной (2-я слева) и Минни (крайняя справа)

Гувер в Бюро расследований в 1924 г.

Том Уайт

Уайт привлек этого бывшего тexasского рейнджера в свою секретную команду

Агент Джон Бургер

А. В. Комсток с индейцем-осейджем

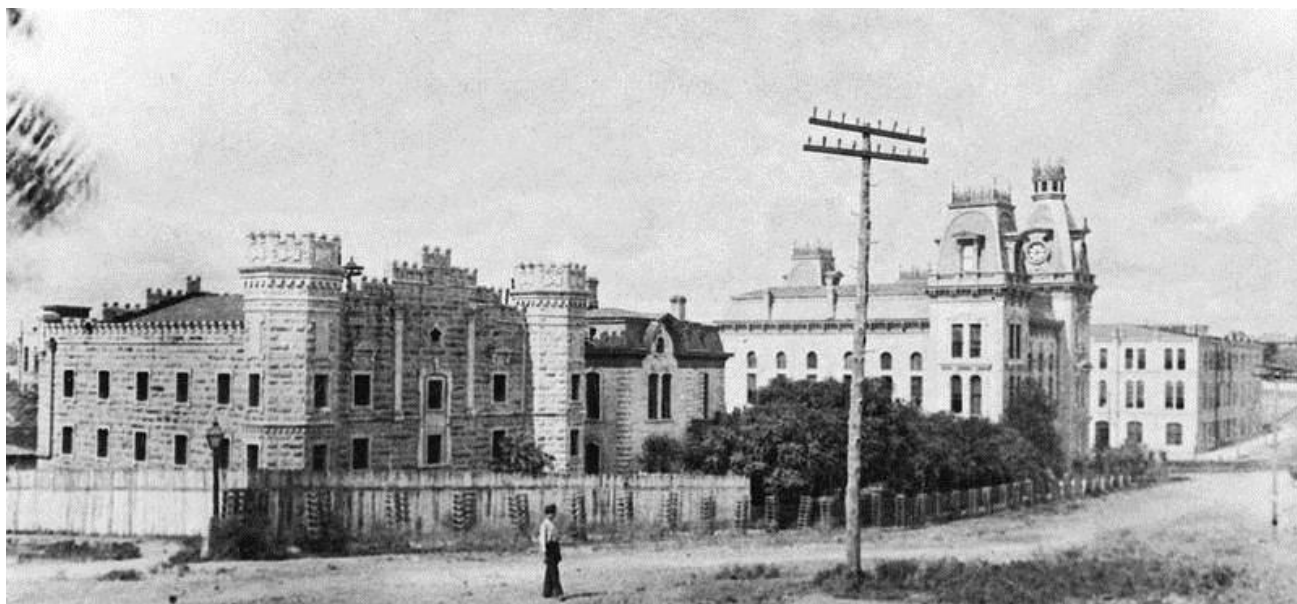
Брайан Буркхарт

Этот агент, бывший шериф Нью-Мексико, в команде Уайта изображал скотовода

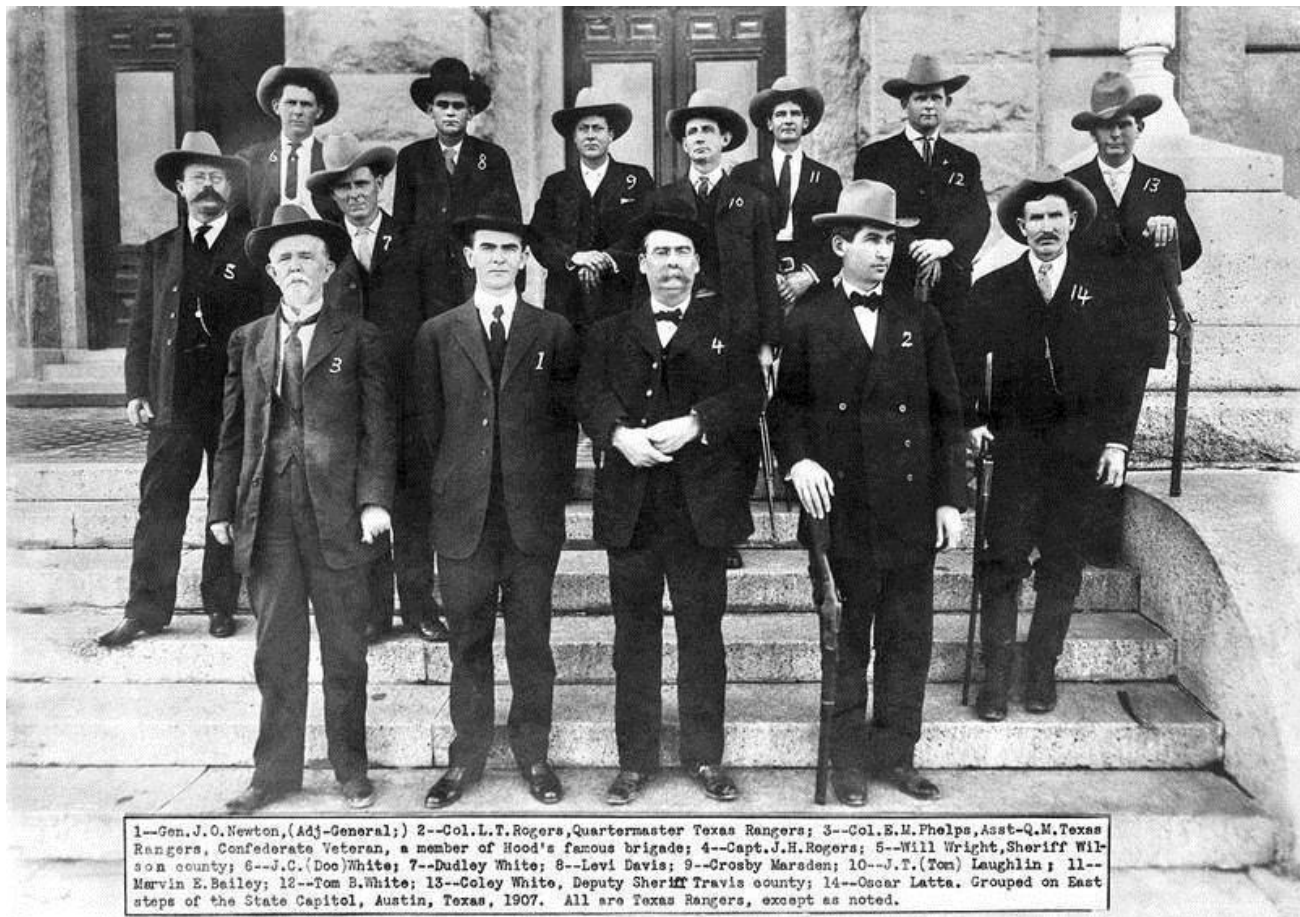
Том (*стоит слева*) и его братья, включая Дока (*на осле*) и Дадли (*крайний справа*)

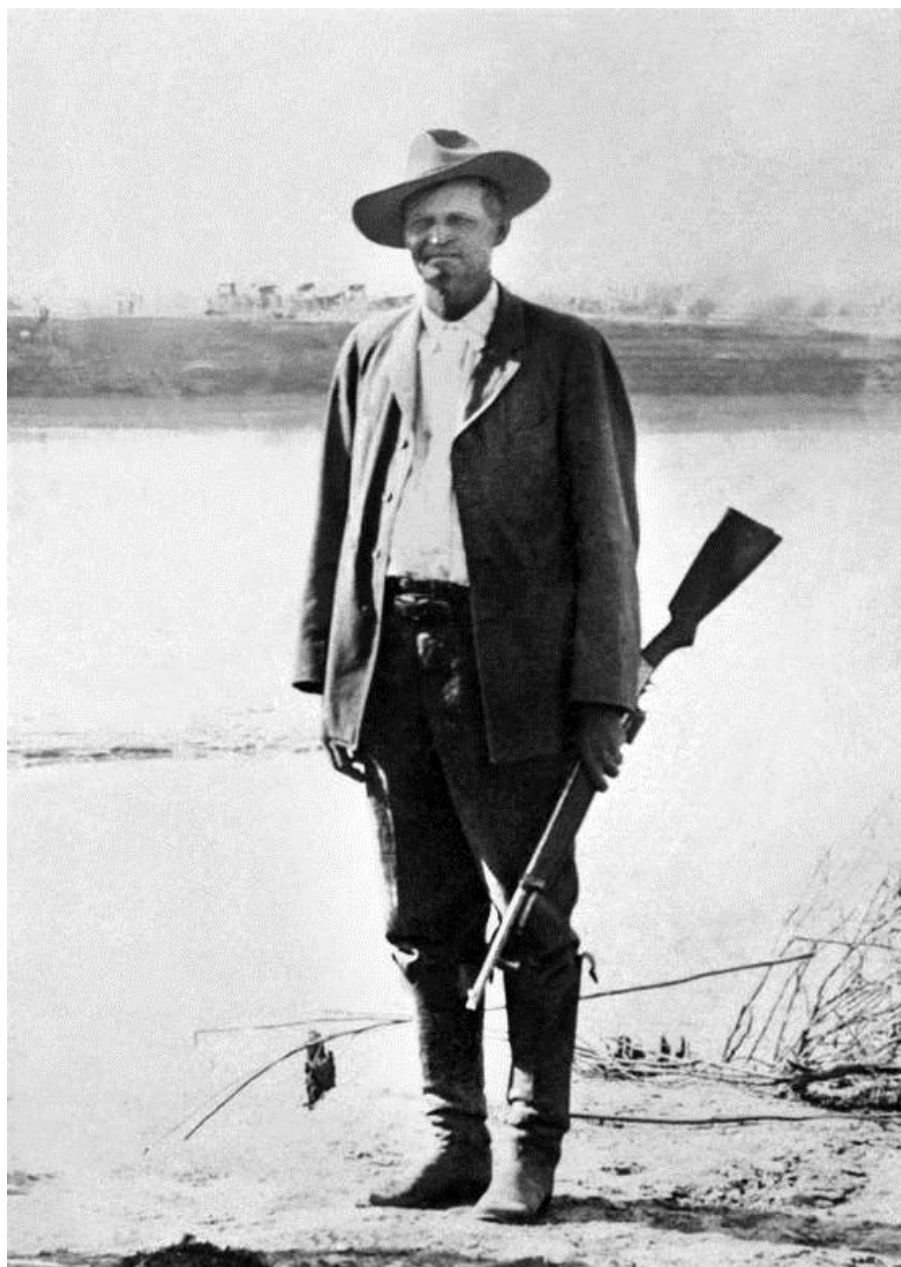
Отец Тома курировал тюрьму в Остине

В заднем ряду, слева направо: братья Тома Док, Дадли и Коули. Впереди: отец Тома, его дед и сам Том

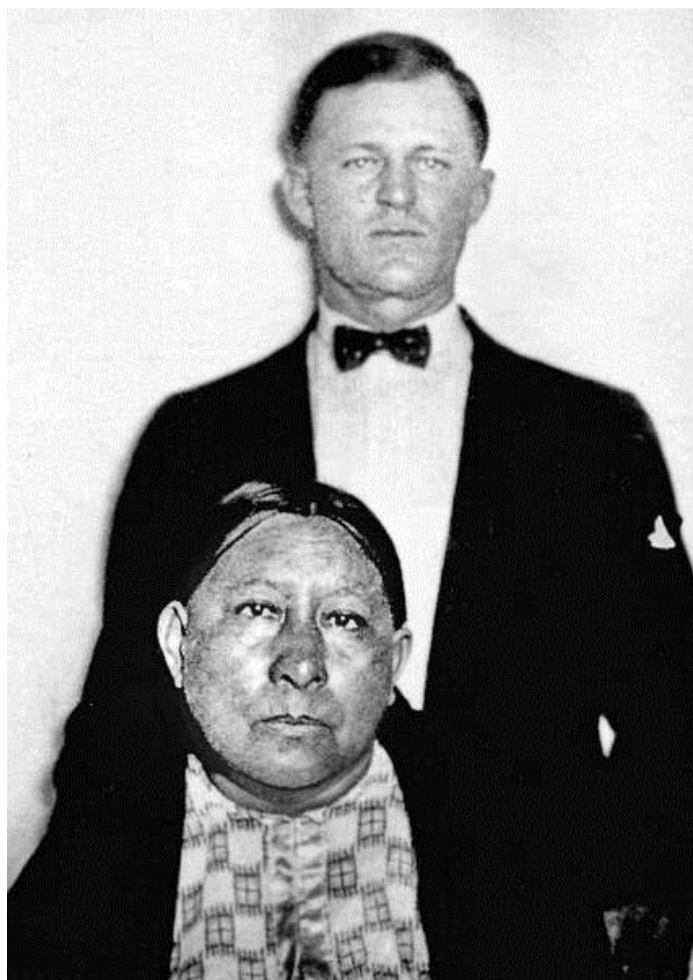
Группа техасских блюстителей закона: Том Уайт (№3) и три его брата, Док (№1), Дадли (№2) и Коли (№4)

Брат Тома Дадли в патруле у Рио-Гранде

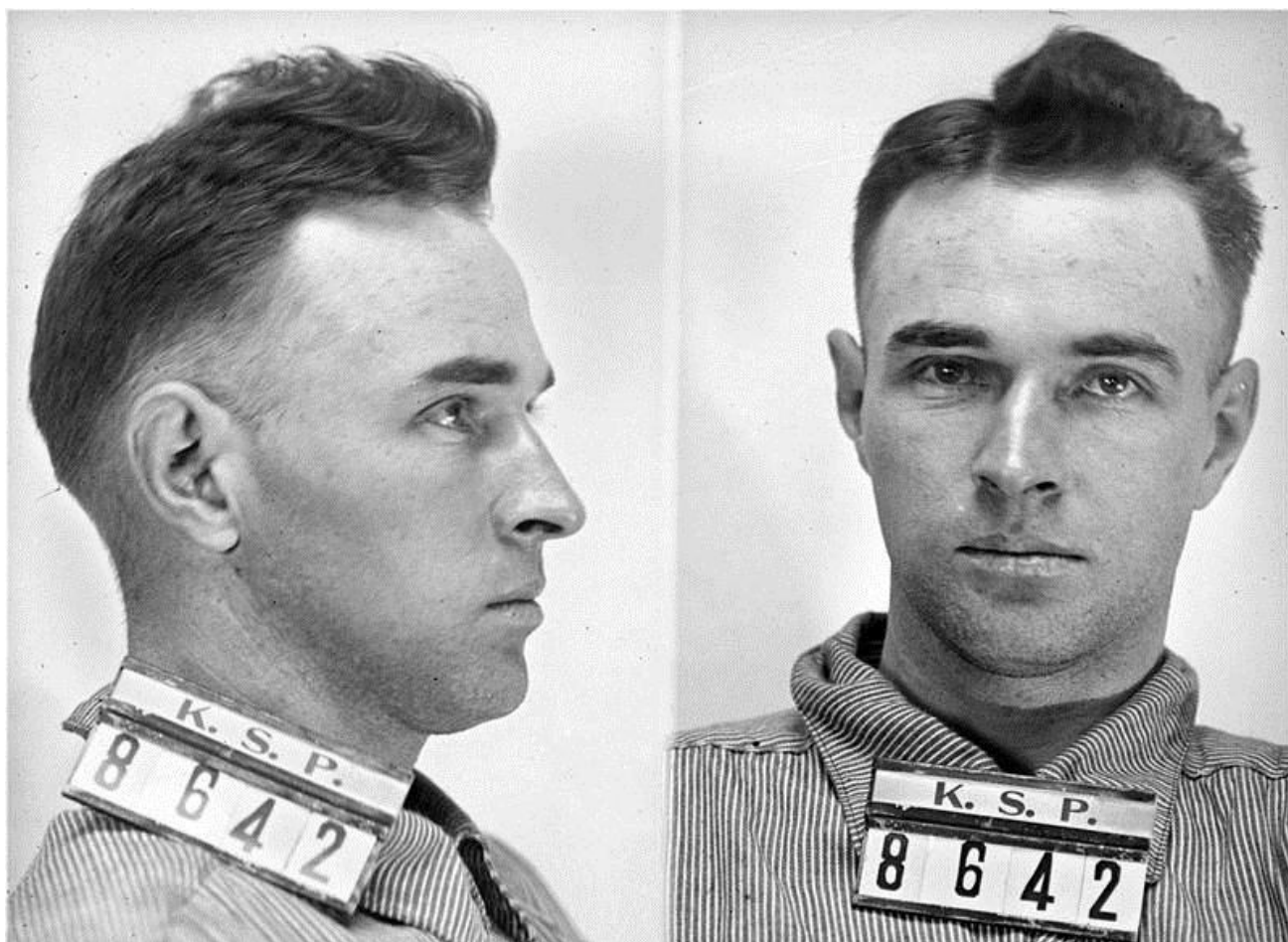
Вождь осейджей Бэкон Ринд протестовал против того, что «все хотят попасть сюда и получить часть этих денег»

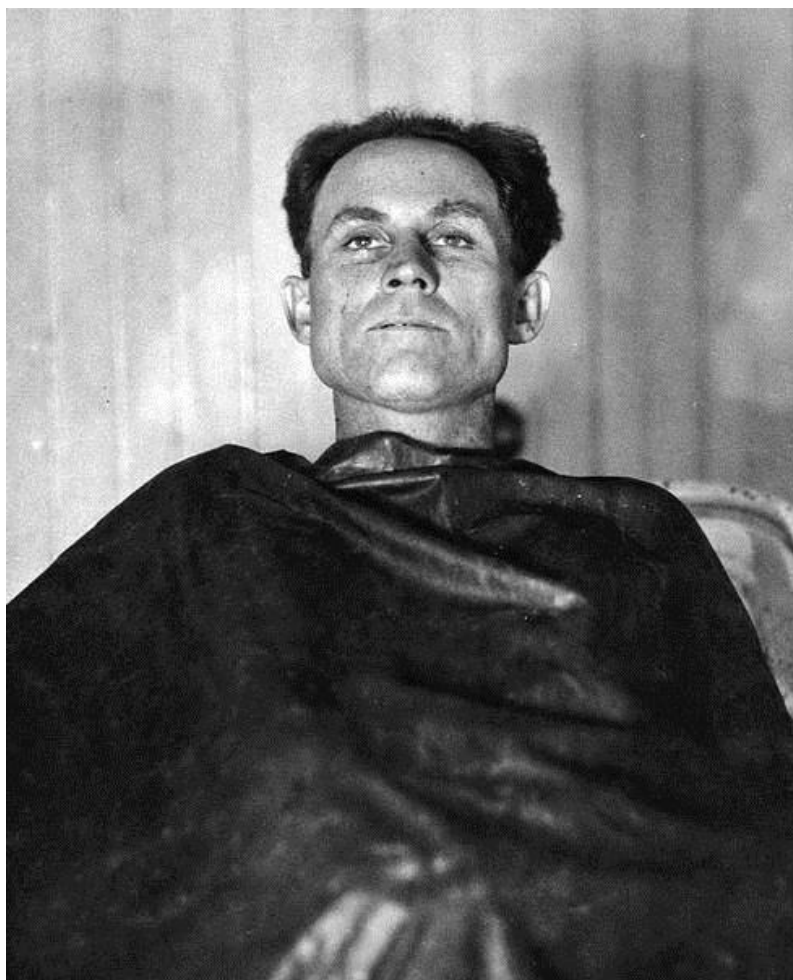
Эрнест и Молли Буркхарт

Том Уайт и Гувер

Дик Грегг, член банды Эла Спенсера

Убитый Эл Спенсер

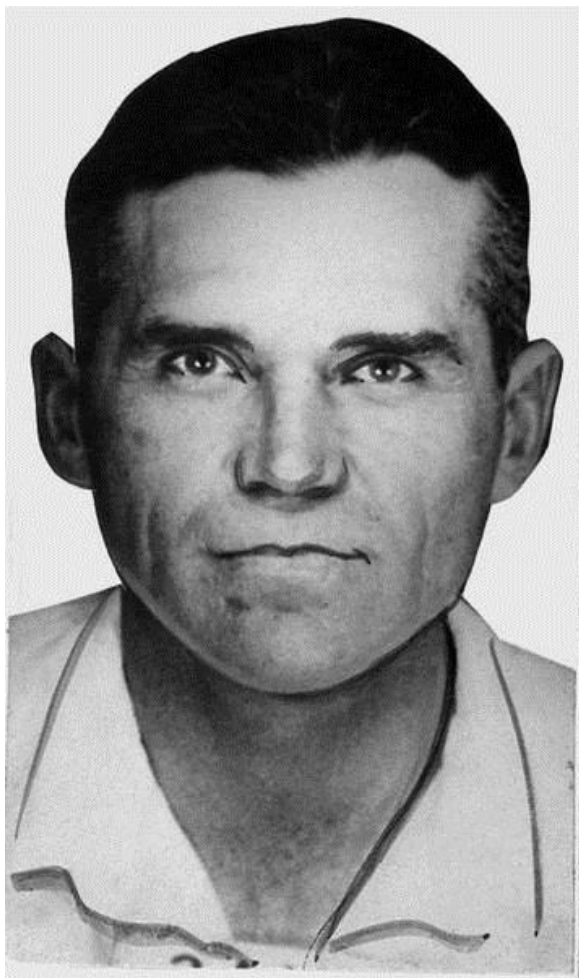
Хейл (*четвертый слева*) и Грэммер (*третий слева*) соревновались в бросании лассо в 1909 году

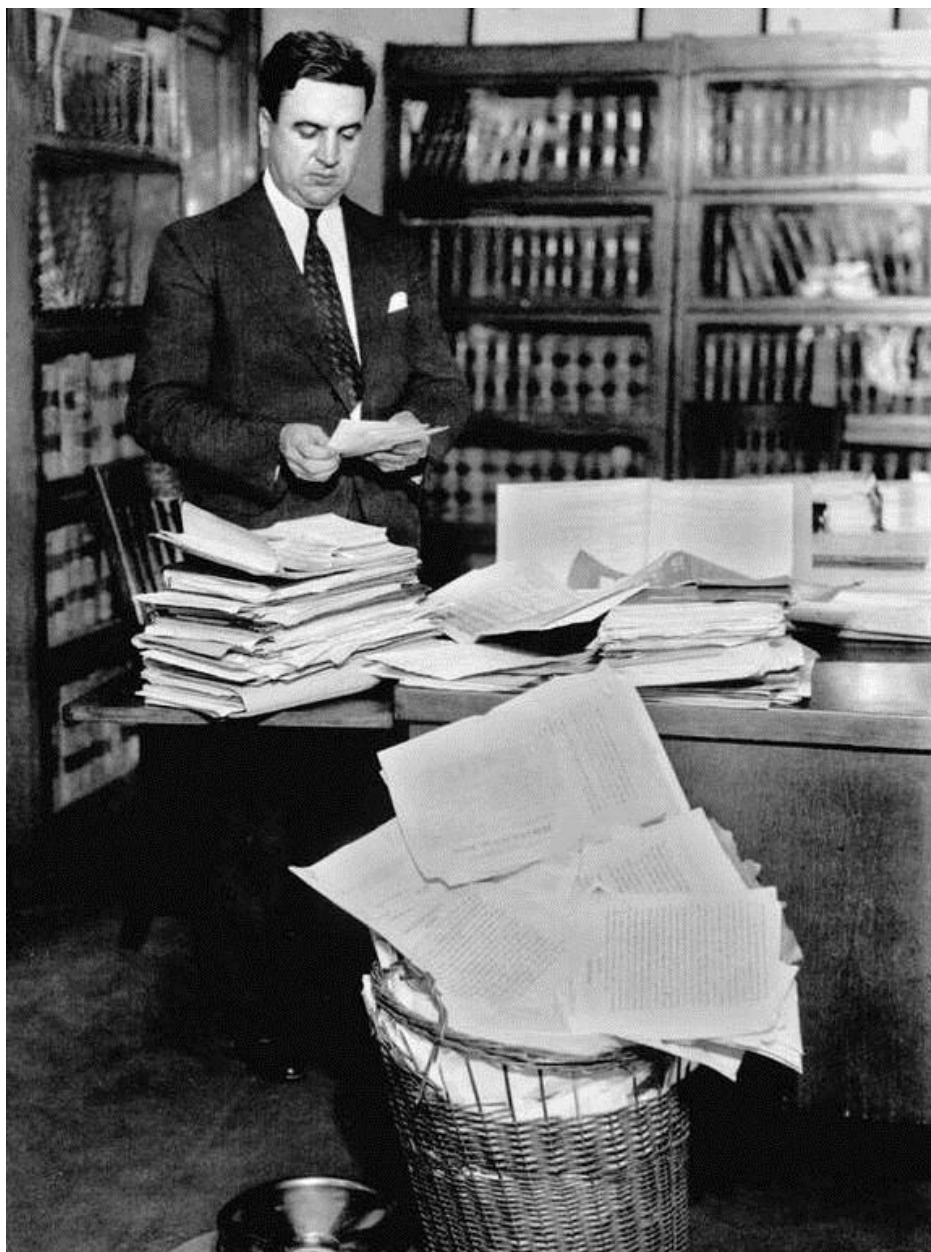
Уильям Хейл

Хейл перед тюрьмой Гатри

Преступник Блэки Томпсон

Прокурор Рой Сент-Льюис рассматривает увесистые дела об убийстве осейджей

Анна Браун

Эрнест Буркхарт

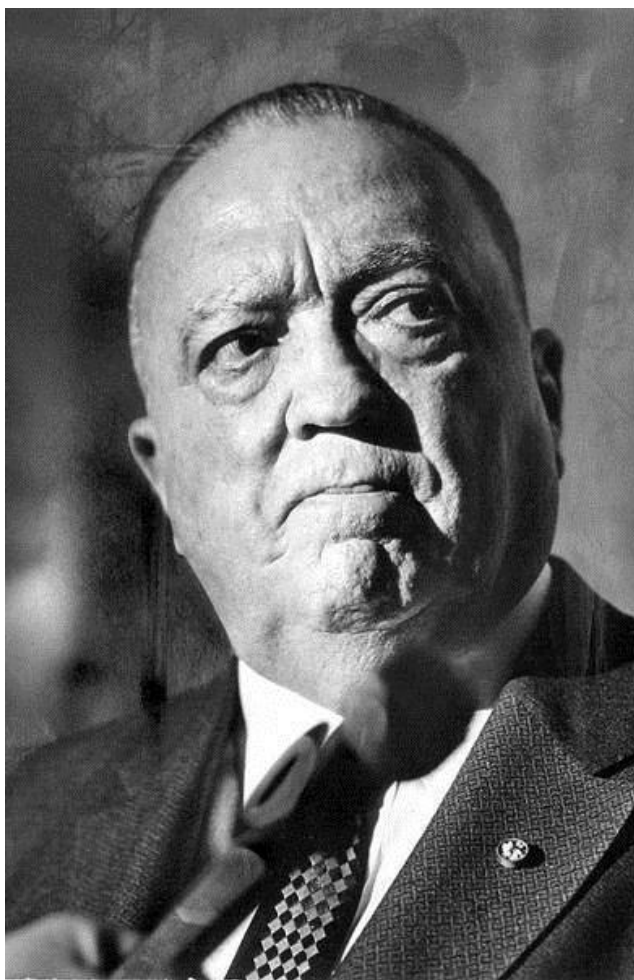
Хейл (второй слева) и Рэмси (третий слева) с судебными приставами

Хейл покидает здание суда

Молли Буркхарт

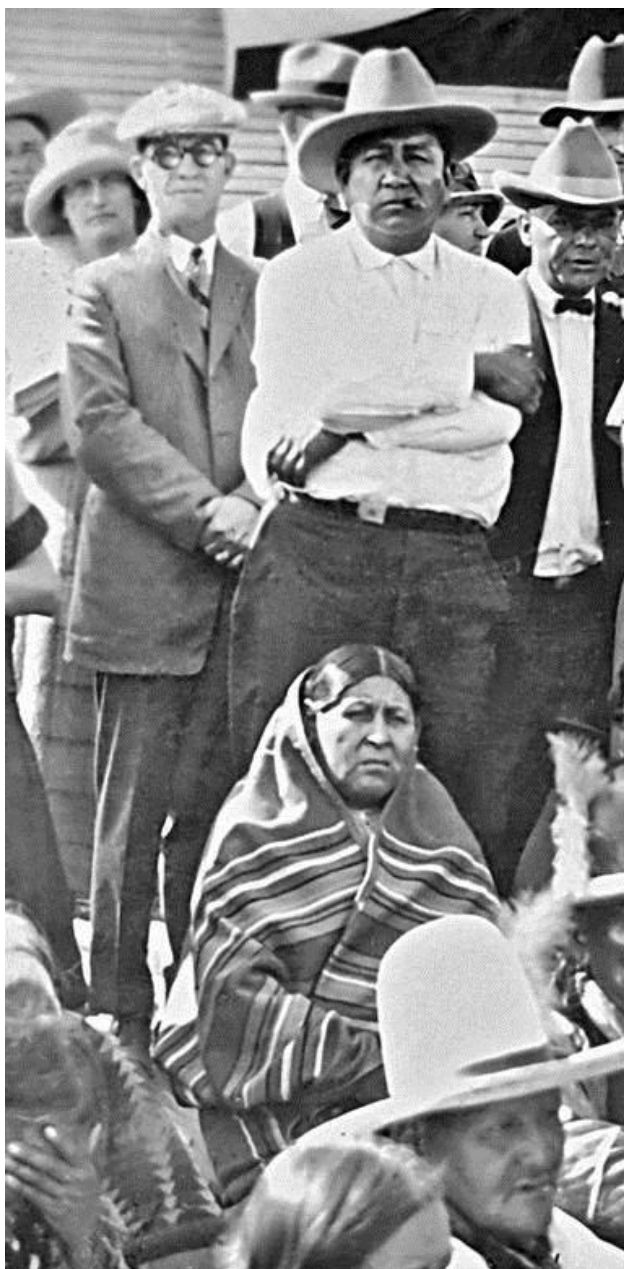
Дж. Эдгар Гувер

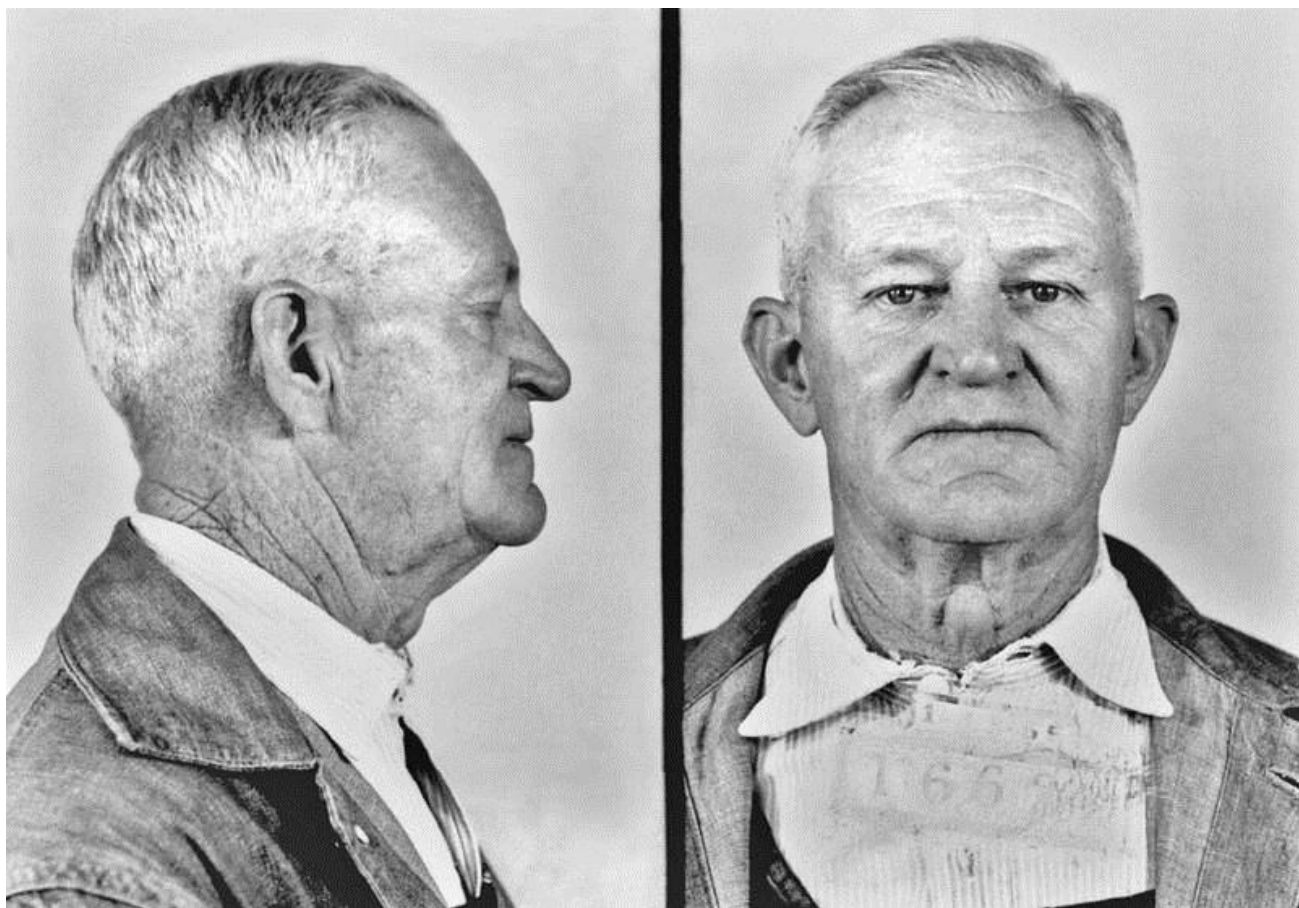
Бар в Ралстоне, городе, куда Брайан Буркхарт пригласил выпить Анну Браун

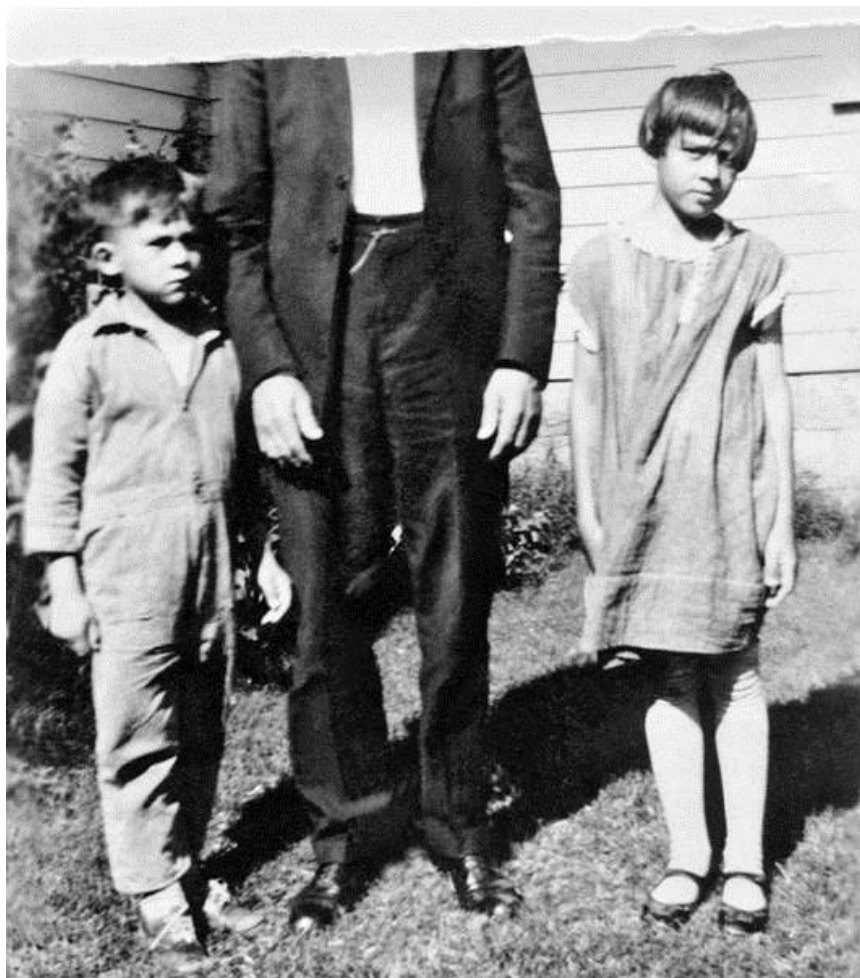
Том Уайт

Хейл в костюме и в очках — слева вдали

Эрнест Буркхарт

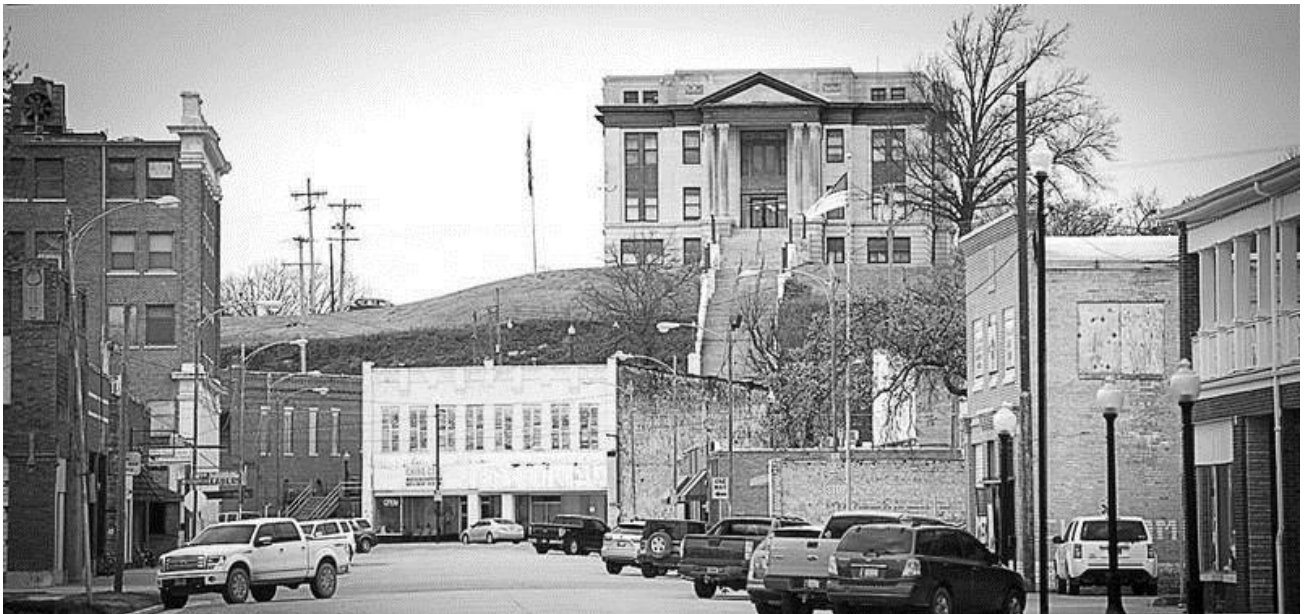
Элизабет и Ковбой с отцом Эрнестом; лицо его на фотографии оторвано, по-видимому, Ковбоем

Блэки Томпсон, застреленный в 1933 г. после побега из тюрьмы

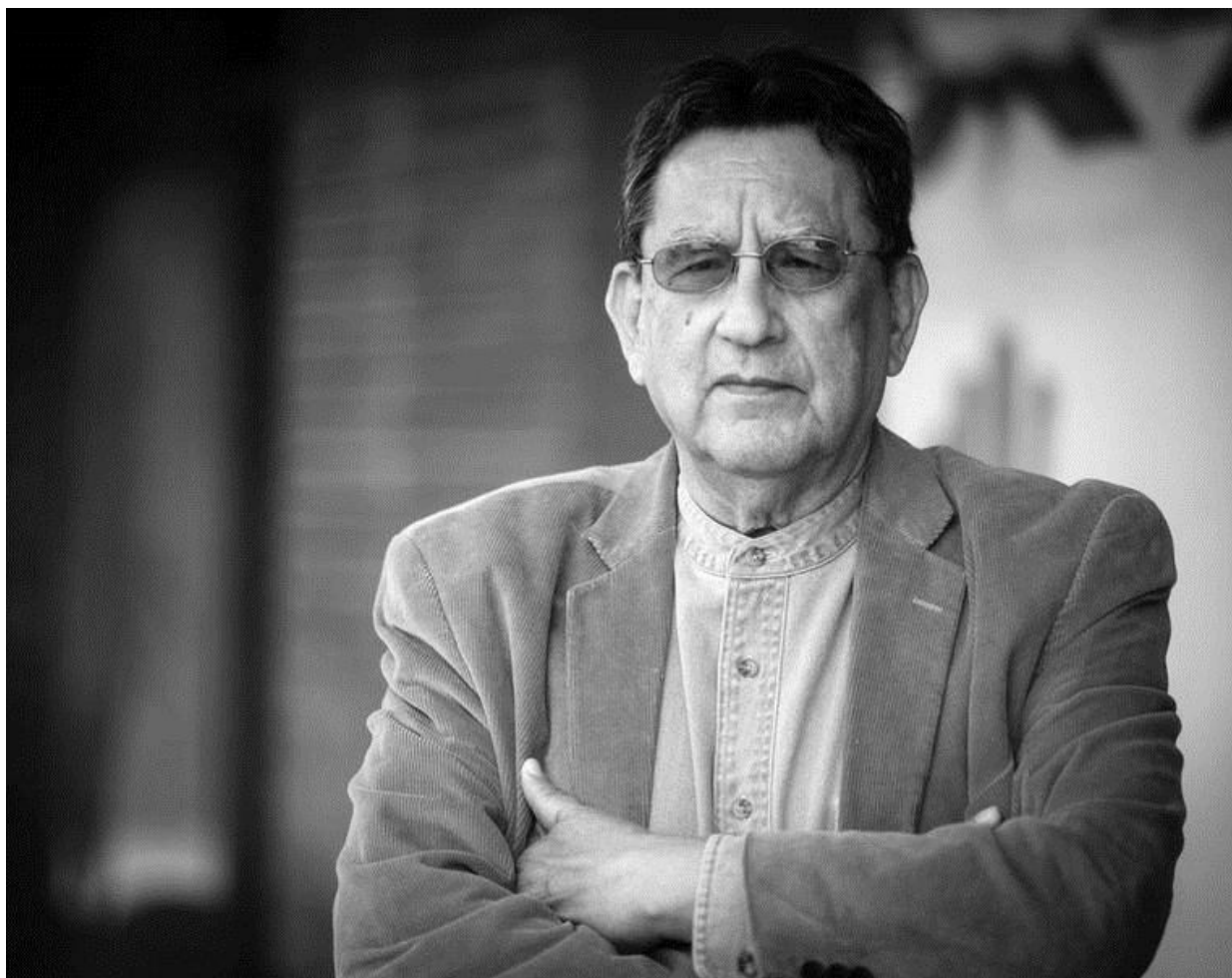
Новая ветряная ферма, построенная на месте резервации осейджей

Суд, где шел процесс над Эрнестом Буркхартом, по-прежнему возвышается над Пахаской

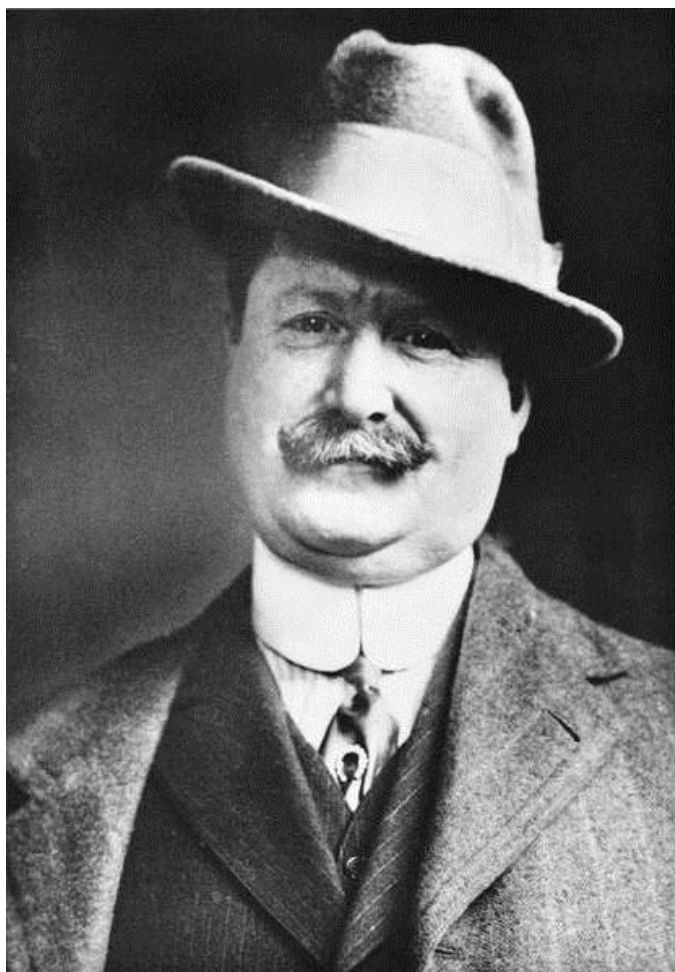
Могилы Молли и убитых членов ее семьи

Марвин Степсон, внук Уильяма Степсона, ставшего жертвой террора

Мери Джо Вебб

Частный детектив Уильям Бернс

Примечания

1

Подробнее об осейджском представлении о месяце, убивающем цветы, см. Mathews «*Talking to the Moon*».

2

Там же, 61.

3

Описание исчезновения Анны Браун и ее последнего визита в дом Молли Беркхарт взято в первую очередь из показаний свидетелей. Многие из них неоднократно говорили с множеством следователей, в том числе агентами ФБР, и частными детективами. Эти свидетели также часто давали показания в ходе ряда судебных процессов. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

4

Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 117.

5

Sherman Rogers, «*Red Men in Gas Buggies*», Outlook, 22 августа 1923 года.

6

Estelle Aubrey Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*», Travel, октябрь 1922.

7

William G. Shepherd, «*Lo, the Rich Indian!*», Harper's Monthly, ноябрь 1920 года.

8

Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*».

9

Elmer T. Peterson, «*Miracle of Oil*», Independent (N.Y.), 26 апреля 1924 года.

10

Цитируется в Harmon, Rich Indians, 140.

11

Там же, 179.

12

Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*».

13

Oklahoma City Times, 26 октября 1959 года.

14

При рождении ему дали имя Байрон, но он стал называть себя Брайан. Во избежание путаницы я всюду называю его Брайаном.

15

Заявление Х. С. Трейлора, подкомитет Конгресса США по делам индейцев, *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 202.

16

Отчет Тома Уайза и Джона Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

17

Свидетельские показания перед большим жури Марты Даути, NARA-FW.

18

Свидетельские показания перед большим жури Анны Ситтерли, NARA-FW.

19

Там же.

20

Информация об исчезновении Уайтхорна почерпнута в основном из местных газет и отчетов частных детективов и агентов ФБР в Национальном управлении архивов и документации.

21

Следует отметить, что в одной газетной статье говорится, что жена Уайтхорна была наполовину чероки. Тем не менее в документах ФБР она названа шайеннкой.

22

Pawhuska Daily Capital, 30 мая 1921 года.

23

Слова охотников приводятся по свидетельским показаниям перед большим жури, NARA-FW.

24

Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

25

Свидетельские показания перед большим жури Ф. С. Тертона, NARA-FW.

26

Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.

27

Описание коронерского дознания основывается главным образом на показаниях очевидцев, в том числе и братьев Шоун. Подробнее см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

28

Цитируется в A. L. Sainer, *Law Is Justice: Notable Opinions of Mr. Justice Cardozo* (New York: Ad Press, 1938), 209.

29

Цитируется в Wagner, *Science of Sherlock Holmes*, 8.

30

Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.

31

Цитируется в Cordry, *Alive If Possible – Dead If Necessary*, 238.

32

Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 1833.

33

Свидетельские показания перед большим жюри Роя Шеррилла, NARA-FW.

34

Shawnee News, 11 мая 1911 года.

35

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.

36

Цитируется в Wilson, «Osage Indian Women During a Century of Change», 188.

37

Описание похорон основано преимущественно на заявлениях свидетелей, в том числе гробовщика, и интервью с потомками присутствовавших.

38

А. Ф. Мосс М. Е. Траппу, 18 ноября 1926 года, OSARM.

39

Заявление А. Т. Вудворда, Комитет Конгресса США по делам индейцев, *Modifying Osage Fund Restrictions*, 103.

40

Осейджи обычно хоронили своих мертвецов над землей, в пирамидах из камней. Когда в конце XIX века вождя осейджей похоронили под землей, его жена сказала: «Я сказала, что все будет хорошо, если мы разисуем лицо моего мужа; если мы завернем моего мужа в одеяло. Он хотел быть похороненным в могиле белого человека. Я сказала, что все будет в порядке. Я сказала, что мы разисуем лицо моего мужа, и он не заблудится на небесах индейцев».

41

Из вступления Mathews, *Osages*.

42

Pawhuska Daily Capital, 28 мая 1921 года.

43

Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 442.

44

Modesto News-Herald, 18 ноября 1928 года.

45

Мой портрет Уильяма Хэйла основан на нескольких источниках, включая протоколы судебных заседаний, устные предания осейджей, отчеты ФБР, тогдашние газетные статьи, переписку Хэйла и мои интервью с потомками участников событий.

46

Вступительная речь Сарджента Прентисса Фрилинга, *U.S. v. John Ramsey and William K.*

Hale, октябрь 1926 года, NARA-FW.

47

Статья Мервина Эберле, «‘King of Osage’ Has Had Long Colorful Career», без указания даты, OHS.

48

Guthrie Leader, 5 января 1926 года.

49

Пауни Билл Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

50

К. К. Котманн Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.

51

М. Б. Прентисс Джеймсу А. Финчу, 3 сентября, 1935 года, NARA-CP.

52

Хэйл Уилсону Кирку, 27 ноября 1931 года, ONM.

53

Tulsa Tribune, 7 июня 1926 года.

54

Дж. Джордж Райт Чарльзу Берку, 24 июня 1926 года, NARA-CP.

55

Свидетельские показания Молли Беркхарт перед адвокатом племени и другими официальными лицами, NARA-FW.

56

Свидетельские показания перед коронерским расследованием Брайана Беркхарта, в отчете бюро, 15 августа 1923 года, FBI.

57

Свидетельские показания перед большим жури Эрнеста Беркхарта, NARA-FW.

58

Boorstin, *Americans*, 81.

59

Джеймс Г. Финдли Уильяму Дж. Бёрнсу, 23 апреля 1923 года, FBI.

60

McConal, *Over the Wall*, 19.

61

Arizona Republican, 5 октября 1923 года.

62

Журналы частных детективов, включенные в отчет, 12 июля 1923 года, FBI.

63

Там же.

64

Pawhuska Daily Capital, 29 июля 1921 года.

65

Pawhuska Daily Capital, 23 июля 1921 года.

66

Цитируется в Crockett, *Serial Murderers*, 352.

67

Roff, *Boom Town Lawyer in the Osage*, 106.

68

Там же, 107

69

Свидетельские показания перед большим жури Ф. С. Тертона, NARA-FW.

70

Pawhuska Daily Capital, 30 мая 1921 года.

71

Frank F. Finney, «*At Home with the Osages*», Finney Papers, UOWHC.

72

Описывая историю осейджей, я пользовался несколькими превосходными работами. См. Louis F. Burns, *History of the Osage People*; Mathews, *Wah'kon-Tah*; Wilson, *Underground Reservation*; Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*; и Bailey, *Changes in Osage Social Organization*. Я также привлек отчеты и документы племенного совета, содержащиеся в бумагах Агентства индейцев осейдж, NARA-FW.

73

Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 140.

74

Там же.

75

Цитируется в Ambrose, *Undaunted Courage*, 343.

76

Mathews, *Osages*, 271.

77

В существующих документах ее осейджское имя не указано.

78

Документы наследственного дела матери Молли, Лиззи, «Application for Certificate of Competency», 1 февраля 1911 года, NARA-FW.

79

Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*, 191.

80

Там же, 192.

81

Цитируется в Brown, *Frontiersman*, 245.

82

Wilder, *Little House on the Prairie*, 46–47 (перевод М. И. Беккер).

83

Цитируется в Wilson, *Underground Reservation*, 18.

84

Исаак Т. Гибсон Эноху Хоагу, *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 906.

85

Mathews, *Wah'kon-Tah*, 33–34.

86

Цитируется в Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 448.

87

Управление по делам индейцев было переименовано в Бюро по делам индейцев в 1947 году.

88

Гибсон Хоагу, в *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 487.

89

Finney and Thoburn, «Reminiscences of a Trader in the Osage Country», 149.

90

Цитируется в Merchant, *American Environmental History*, 20

91

Mathews, *Wah 'kon-Tah*, 30.

92

Информация об осейджской делегации, включая цитаты, из отчетов Мэтьюза в той же книге, 35–38.

93

Frank F. Finney, «At Home with the Osages».

94

Там же.

95

Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 91.

96

Mathews, *Wah 'kon-Tah*, 79.

97

Mathews, *Sundown*, 23.

98

Цитируется в McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 215–216.

99

Mathews, *Wah 'kon-Tah*, 311.

100

Daily Oklahoma State Capital, 18 сентября 1893 года.

101

Daily Oklahoma State Capital, 16 сентября 1893 года.

102

Цитируется в Trachtenberg, *Incorporation of America*, 34.

103

Wah-sha-she News, 23 июня 1894 года.

104

Russell, «Chief James Bigheart of the Osages», 892.

105

Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 2048.

106

Цитируется в *Leases for Oil and Gas Purposes, Osage National Council*, 154.

107

Indians of the United States: Investigation of the Field Service, 398.

108

Многим белым поселенцам удалось обманным путем проникнуть в список членов племени и, в конце концов, сделать состояние на нефтяных доходах, принадлежавших осейдхам. Антрополог Гарри Бэйли подсчитал, что сумма денег, похищенных у осейджей, составляла не менее 100 миллионов долларов.

109

Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 75.

110

Mathews, *Life and Death of an Oilman*, 116.

111

Gregory, *Oil in Oklahoma*, 13–14.

112

Цитируется в Miller, *House of Getty*, 1881.

113

Документы завещания Анны Браун, «Application for Authority to Offer Cash Reward», NARA-FW.

114

H. L. Macon, «Mass Murder of the Osages», *West*, декабрь 1965 года.

115

Ada Weekly News, 23 февраля 1922 года.

116

Summerscale, *Suspicious of Mr. Whicher*, xii.

117

Подробнее о происхождении выражения «ученики дьявола» см. Lukas, *Big Trouble*, 76.

118

Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.

119

McWatters, *Knots Untied*, 664–665.

120

Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»

121

William J. Burns, *Masked War*, 10.

122

New York Times, 4 декабря 1911 года.

123

Цитируется в Hunt, *Front-Page Detective*, 104.

124

Описание деятельности частных детективов позаимствовано из их служебных ежедневников, включенных в отчетах бюро Джеймса Финдли, июль 1923 года, FBI.

125

Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

126

Свидетельские показания перед большим жури Анны Ситтерли, NARA-FW.

127

Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

128

Там же.

129

Там же.

130

Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.

131

Там же.

132

Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

133

Там же.

134

Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.

135

Mollie Burkhart et al. v. Ella Rogers, Supreme Court of the State of Oklahoma, NARA-FW.

136

Там же.

137

Там же.

138

«Scientific Eavesdropping», *Literary Digest*, 15 июня 1912 года.

139

Свидетельские показания перед большим жури Боба Картера, NARA-FW.

140

In proceedings of *Ware v. Beach*, Supreme Court of the State of Oklahoma, Comstock Family Papers.

141

Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

142

Christison, *Treatise on Poisons in Relation to Medical Jurisprudence, Physiology, and the Practice of Physic*, 684.

143

Там же.

144

Oscar T. Schultz and E. M. Morgan, «The Coroner and the Medical Examiner», *Bulletin of the National Research Council*, июль 1928 года.

145

Washington Post, 17 ноября 1935 года.

146

Washington Post, 6 сентября 1922 года.

147

Washington Post, 14 июля 1923 года.

148

Washington Post, 12 марта 1925 года.

149

Pawhuska Daily Journal, 18 марта 1925 года.

150

Pawhuska Daily Capital, 14 июня 1921 года.

151

Pawhuska Daily Capital, 5 апреля 1923 года.

152

Rister, *Oil!*, 190.

153

Daily Oklahoman, 28 января 1923 года.

154

Ada Evening News, 24 декабря 1924 года.

155

Daily Journal-Capital, 29 марта 1928 года.

156

Gunther, *The Very, Very Rich and How They Got That Way*, 124.

157

Цитируется в Allen, *Only Yesterday*, 129.

158

Цитируется в McCartney, *The Teapot Dome Scandal*, 113.

159

Pawhuska Daily Capital, 6 апреля 1923 года.

160

Мое описание аукциона основано на материале статей из местных газет, в особенности подробной статьи в *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.

161

Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 1989.

162

Daily Oklahoman, 28 января 1923 года.

163

Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»

164

Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».

165

Цитируется в Harmon, *Rich Indians*, 181.

166

Там же, 185.

167

Подробнее об этом см. там же.

168

F. Scott Fitzgerald, *The Crack-Up* (1945; repr., New York: New Directions, 2009), 87.

169

Gregory, *Oil in Oklahoma*, 40.

170

Там же, 43.

171

Modifying Osage Fund Restrictions, 73.

172

Из решения по делу *Barnett v. Barnett*, Supreme Court of Oklahoma, 13 июля 1926 года.

173

Indians of the United States: Investigation of the Field Service, 399.

174

Х. С. Трэйлор Като Селлс, в *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 201.

175

Там же, 204.

176

Modifying Osage Fund Restrictions, 60.

177

Pawhuska Daily Capital, 19 ноября 1921 года.

178

Стенограмма заседания племенного совета осейджей, 1 ноября 1926 года, ONM.

179

Pawhuska Daily Capital, 22 декабря 1921 года.

180

Indians of the United States: Investigation of the Field Service, 281.

181

Мое описание обнаружения тела Роана и вскрытия основаны на показаниях присутствующих свидетелей, включая представителей правоохранительных органов. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-FW и NARA-CP.

182

Свидетельские показания перед большим жури Дж. Р. Родса, NARA-FW.

183

Там же.

184

Питтс Битти Джеймсу А. Финчу, 21 августа 1935 года, NARACP.

185

Lamb, *Tragedies of the Osage Hills*, 178.

186

Свидетельские показания Уильяма К. Хэйла, *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.

187

Tulsa Daily World, 19 августа 1926 года.

188

Свидетельские показания перед большим жури Дж. Р. Родса, NARA-FW.

189

Там же.

190

Osage Chief, 9 февраля 1923 года.

191

Charles W. Sanders, *The New School Reader, Fourth Book: Embracing a Comprehensive System of Instruction in the Principles of Elocution with a Choice Collection of Reading Lessons in Prose and Poetry, from the Most Approved Authors; for the Use of Academies and Higher Classes in Schools, Etc.* (New York: Vison & Phinney, 1855), 155.

192

Тайна брака Молли с Роаном позже была раскрыта в ходе процесса *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.

193

Daily Oklahoman, 6 января 1929 года.

194

Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

195

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

196

Manitowoc Herald-Times, 22 января 1926 года.

197

Мое описание Билла и Риты Смит в этот период и взрыва в значительной степени отражается на свидетельских показаниях, сделанных следователями в ходе судебного разбирательства; некоторые детали также были почерпнуты из статей местных газет и неопубликованного документального повествования Гроува с Уайтом. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-CP и NARA-FW.

198

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

199

Там же.

200

Отчет Рена, 6 октября 1925 года, FBI.

201

Osage Chief, 22 июня 1923 года.

202

Shoemaker, *Road to Marble Hills*, 107.

203

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

204

Заявление Эрнеста Беркхарта, 6 января 1926 года, FBI.

205

Цитируется в Hogan, *Osage Murders*, 66.

206

Цитируется в Gregory, *Oil in Oklahoma*, 56.

207

Osage Chief, 16 марта 1923 года.

208

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.

209

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

210

Отчет Рена, 29 декабря 1925 года, FBI.

211

Свидетельские показания перед большим жюри Хораса Е. Уилсона, NARA-FW.

212

Свидетельские показания перед большим жюри Ф. С. Тертона, NARA-FW.

213

Отчет Бергера и Уайза, 12 августа 1924 года, FBI.

214

Отчет Фрэнка Смита, Джеймса Александра Стрита, Бергера и Дж. В. Мерфи, 1 сентября 1925 года, FBI.

215

Свидетельские показания перед большим жюри Роберта Коломба, NARA-FW.

216

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.

217

Osage Chief, 16 марта 1923 года.

218

Отчет Рена, 29 декабря 1925 года, FBI.

219

Indiana Evening Gazette, 20 сентября 1923 года.

220

Подробная информация о расследовании и убийстве Вогана была взята из нескольких источников, в том числе отчетов ФБР, газетных статей, частных документов семьи Воган и интервью с потомками.

221

Рекламные материалы кандидата Вогана на должность окружного прокурора, Vaughan Family Papers.

222

Студенческое досье Джорджа Бигхарта, доступно на интернет-странице цифрового центра Индейской Школы Карлайл Колледжа Дикинсон и находится в группе 75, серия 1327, в NARA-DC.

223

Tulsa Daily World, 1 июля 1923 года.

224

Свидетельские показания перед большим жури Хораса Е. Уилсона, NARA-FW.

225

Literary Digest, 3 апреля 1926 года.

226

Manitowoc Herald-Times, 22 января 1926 года.

227

John Baxter, «Billion Dollar Murders», Vaughan Family Papers.

228

Свидетельские показания перед большим жури К. А. Кука, NARA-FW.

229

Отчет Фрэнка В. Райта, 5 апреля 1923 года, FBI.

230

Чарльз Кёртис позже станет вице-президентом Соединенных Штатов во время правления Герберта Гувера.

231

Палмер Кёртису, 28 января 1925 года, FBI.

232

Свидетельские показания Фрэнка Смита, в деле Эрнеста Беркхарта о помиловании, NARA-CP.

233

Отчет бюро, озаглавленный «Убийства осейджей», 3 февраля 1926 года, FBI.

234

Документы об опеке Молли Беркхарт, январь 1925 года, NARA-CP.

235

Уайт Гуверу, 10 ноября 1955 года, FBI/FOIA.

236

Tracy, «Tom Tracy Tells About— Detroit and Oklahoma».

237

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 112.

238

Стенограмма интервью с Томом Уайтом, NMSUL.

239

Интервью автора с Джеймсом М. Уайтом (внучатым племянником Дока Уайта).

240

Hastedt, «White Brothers of Texas Had Notable FBI Careers».

241

Подробнее о Дж. Эдгаре Гувере и ранней истории ФБР, см. Gentry's *J. Edgar Hoover*; Ungar's *FBI*; Powers's *Secrecy and Power*; и Burrough's *Public Enemies*. Подробнее о скандале «Типот-доум», см. McCartney's *Teapot Dome Scandal*; Dean's *Warren G. Harding*; и Stratton's *Tempest over Teapot Dome*.

242

Цитируется в Lowenthal, *Federal Bureau of Investigation*, 292.

243

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 129.

244

Cincinnati Enquirer, 14 марта, 1924 года.

245

Дж. М. Таулер Гуверу, 6 января 1925 года, FBI/FOIA.

246

Гувер Вердону Адамсу, 19 октября 1970 года, FBI/FOIA.

247

Цитируется в Burrough, *Public Enemies*, 51.

248

К. С. Уикли Финдли, 16 августа 1923 года, FBI.

249

У. Д. Боллинг Гуверу, 3 апреля 1925 года, FBI.

250

Отчет Уайза и Бергера, 24 мая 1924 года, FBI.

251

Там же.

252

Финдли Эберстейну, 5 февраля 1925 года, FBI.

253

Гувер Боллингу, 16 марта 1925 года, FBI.

254

Палмер Кёртису, 28 января 1925 года, FBI.

255

Гувер Уайту, 8 августа 1925 года, FBI/FOIA.

256

Гувер Уайту, 1 мая 1925 года, FBI/FOIA.

257

Стенограмма интервью с Томом Уайтом, NMSUL.

258

Гувер Уайту, 21 сентября 1925 года, FBI/FOIA.

259

Уайт Гуверу, 5 августа 1925 года, FBI/FOIA.

260

Гувер Боллингу, 5 февраля 1925 года, FBI.

261

Отчет Уайза и Бергера, 29 апреля 1924 года, FBI.

262

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

263

Отчет Уайза и Бергера, 12 августа 1924 года, FBI.

264

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

265

Информация о членах команды Тома Уайта главным образом почерпнута из их личных дел, полученных в рамках Закона о свободе доступа к информации; фэбээровских отчетов Уайта, писем и книг, газетных статей и интервью автора с потомками.

266

Бывшего шерифа из Нью-Мексико звали Джеймс Александр Стрит.

267

Юджин Холл Паркер был бывшим техасским рейнджером, работавшим в команде Уайта под прикрытием.

268

Личное дело Паркера, 9 апреля 1934 года, FBI/FOIA.

269

Оперативным сотрудником, работавшим под глубоким прикрытием, был агент по имени Чарльз Дэвис.

270

Личное дело Смита, 13 августа 1932 года, FBI/FOIA.

271

Личное дело Смита, 22 октября 1928 года, FBI/FOIA.

272

Луис Денетте Бернсу, 2 июня 1920 года, FBI.

273

Гувер Рену, 28 марта 1925 года, FBI/FOIA.

274

Отчет Уайза и Бергера, 31 декабря 1923 года, FBI. Прежде чем расследование было поручено Тому Уайту, Бергер работал над делом с агентом Томом Ф. Уайзом, все отчеты Бергер подавал вместе с ним.

275

Отчет Уайза, 19 ноября 1923 года, FBI.

276

Гарольд Натан Гэсу Т. Джонсу, 10 августа 1925 года, FBI.

277

Мое описание расследования дел об убийствах бюро основывается на нескольких источниках, среди них отчеты ФБР; личные дела агентов; свидетельские показания перед большим жюри, стенограммы судебных заседаний, личные письма и писания Уайта.

278

Рен также иногда прикидывался, что представляет определенные интересы скотоводов.

279

Уайт Гуверу, 2 февраля 1926 года, FBI/FOIA.

280

Свидетельские показания перед большим жюри Хораса Е. Уилсона, NARA-FW.

281

Там же.

282

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.

283

Arthur Conan Doyle, *The Sign of Four* (London: Spencer Blackett, 1890), 93.

284

Отчет Уайза, 1 сентября 1923 года, FBI.

285

Отчет Бергера и Уайза, 22 апреля 1924 года, FBI.

286

Там же.

287

Отчет Уикли, 7 августа 1923 года, FBI.

288

Отчет Уайза и Бергера, 2 февраля 1924 года, FBI.

289

Там же.

290

Там же.

291

Там же.

292

Tarbell, «Identification of Criminals».

293

Отдел опознания бюро первоначально собирал отпечатки пальцев из досье, хранившихся в федеральных пенитенциарных учреждениях, в тюрьме Левенуэрт, а также Международной ассоциации начальников полиции.

294

Цитируется в Powers, *Secrecy and Power*, 150.

295

Отчет Уайза и Бергера, 2 февраля 1924 года, FBI.

296

Моррисон сначала ложно утверждал, что Роуз сделала соучастником своего приятеля.

297

Отчет Уайза и Бергера, 2 февраля 1924 года, FBI.

298

Отчет Уайза и Бергера, 16 августа 1924 года, FBI.

299

Гувер Уайту, 2 июня 1926 года, FBI.

300

Гувер Боллингу, июнь 1925 года, FBI.

301

Уайз и Бергер Уильяму Дж. Бёрнсу, 24 марта 1924 года, FBI.

302

Показания перед большим жюри Эда Хейни, NARA-FW.

303

Свидетельские показания в суде Берри Хейни, *State of Oklahoma v. Kelsie Morrison*, OSARM.

304

Отчет Уикли, 15 августа 1923 года, FBI.

305

Отчет Уайза и Бергера, 8 января 1924 года, FBI.

306

Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

307

Там же.

308

Отчет Смита, 28 сентября 1925 года, FBI.

309

Там же.

310

Финдли Бернс, 19 декабря 1923 года, FBI.

311

Юстас Смит министру юстиции, 15 марта 1925 года, FBI.

312

Отчет Уайза и Бергера, 2 июля 1924 года, FBI.

313

Там же.

314

Отчет Уайза и Бергера, 12 июля 1924 года, FBI.

315

Отчет Уайза и Бергера, 2 июля 1924 года, FBI.

316

Отчет Уайза и Бергера, 16 августа 1924 года, FBI.

317

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

318

Отчет Уайза и Бергера, 11 февраля 1924 года, FBI.

319

Отчет Уайза и Бергера, 11 апреля 1924 года, FBI.

320

Отчет Уайза и Бергера, 14 августа 1924 года, FBI.

321

Свидетельские показания перед большим жюри М. Пайка, NARA-FW.

322

Отчет Уайза, 19 ноября 1923 года, FBI.

323

Daniell, *Personnel of the Texas State Government*, 389.

324

Adams, *Tom White*, 6.

325

Austin Weekly Statesman, 31 марта 1892 года.

326

Bastrop Advertiser, 5 августа 1899 года.

327

Austin Weekly Statesman, 1 сентября 1892 года.

328

Austin Weekly Statesman, 22 ноября 1894 года.

329

Austin Weekly Statesman, 16 ноября 1893 года.

330

Austin Weekly Statesman, 11 января 1894 года.

331

Dallas Morning News, 13 января 1894 года.

332

Там же.

333

Adams, *Tom White*, 8.

334

Цитируется в Parsons, *Captain John R. Hughes*, 275.

335

Leonard Mohrman, «A Ranger Reminisces», *Texas Parade*, февраль 1951 года.

336

Стенограмма интервью Тома Уайта, NMSUL.

337

Цитируется в Robinson, *Men Who Wear the Star*, 79.

338

Том Уайт практиковался стрелять из пятизарядного револьвера. Именно рейнджеры поняли революционную силу этих многозарядных револьверов, после того как их долгое время опережали индейские воины, успевавшие выпустить шквал стрел, прежде чем стражи закона перезаряжали свои однозарядные ружья. В 1844 году, во время испытаний пятизарядного револьвера Кольта, группа рейнджеров смяла превосходящие силы команчей. После этого один из рейнджеров проинформировал оружейника Сэмюэла Кольта, что усовершенствованный многозарядный револьвер может считаться «самым совершенным оружием в мире». С подачи этого рейнджера Кольт разработал смертоносный шестизарядный револьвер – «пасынок Дикого Запада», как выразился один историк, – который помог бесповоротно изменить баланс сил между индейскими племенами равнины и поселенцами. Вдоль его барабана была выгравирована картина победоносной битвы рейнджеров против команчей.

339

Чтобы отточить мастерство, Уайт стрелял по любым движущимся животным: кроликам, канюкам, даже сусликам. Он понял, что важнее точно стрелять, чем быстрее выхватывать револьвер из кобуры. Как сказал его брат Док: «Какая польза быстрее выхватывать револьвер, если ты плохо стреляешь?» Док сказал, что многие легенды о револьверных героях Запада – «пустой треп»: «Все эти разговоры об Уайетте Эрпе, быстрее всех выхватывавшем револьвер, преувеличены. Он был просто хорошим стрелком».

340

Adams, *Tom White*, 19.

341

Бен М. Эдвардс Фрэнку Джонсону, 25 января 1908 года, TSLAC.

342

Hastedt, «White Brothers of Texas Had Notable FBI Careers».

343

Adams, *Tom White*, 16.

344

Цитируется в Parsons, *Captain John R. Hughes*, xvii.

345

Thomas Murchinson to Adjutant General, 2 марта 1907 года, TSLAC.

346

Цитируется в Alexander, *Bad Company and Burnt Powder*, 240.

347

Adams, *Tom White*, 24.

348

Генерал-адъютант Тому Россу, 10 февраля 1909 года.

349

Beaumont Enterprise, 15 июля 1918 года.

350

Генерал-адъютант Дж. Д. Фортенберри, 1 августа 1918 года, TSLAC. LAC.

351

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.

352

Там же.

353

Там же.

354

Свидетельские показания перед большим жюри Джеймса Шоуна, NARA-FW.

355

Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Э. Джонсона, NARA-FW.

356

Там же.

357

Свидетельские показания перед большим жури Джеймса Шоуна, NARA-FW.

358

Отчет Смита, Стрита, Бергера и Мерфи, 1 сентября 1925 года, FBI.

359

Свидетельские показания перед большим жури Дэвида Шоуна, NARA-FW.

360

Там же.

361

Survey of Conditions of Indians, 23018.

362

Гертруда Боннин, «Oklahoma's Poor Rich Indians: An Orgy of Graft and Exploitation of the Five Civilized Tribes and Others», 1924, HSP.

363

Там же.

364

St. Louis Post-Dispatch, 10 мая 1925 года.

365

Служебная записка Гертруды Боннин, «Дело Марты Акс Робертс», 3 декабря 1923 года, HSP.

366

Там же.

367

Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»

368

Отчет Рена, Дэвиса и Паркера, 10 сентября 1925 года, FBI.

369

Свидетельские показания перед большим жюри Джона Маклина, NARA-FW.

370

Там же.

371

Свидетельские показания перед большим жюри Альфреда Т. Холла, NARA-FW.

372

Tulsa Tribune, 6 августа 1926 года.

373

Берт Фаррар Рою Сент-Льюису, 22 декабря 1928 года, NARA-FW.

374

Свидетельские показания перед большим жюри Джона Маклина, NARA-FW.

375

Свидетельские показания перед большим жюри У. Х. Аарона, NARA-FW.

376

U.S. v. John Ramsey and William K. Hale, октябрь 1926 года, NARA-FW.

377

Неопубликованное документальное повествование Гроува и Уайта, NMSUL.

378

Отчет Бергера и Уайза, 12 августа 1924 года, FBI.

379

Прошение Хэйла о помиловании, 15 ноября 1935 года, NARA-CP.

380

Отчет Райта, 5 апреля 1923 года, FBI.

381

Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

382

Отчет, озаглавленный «Убийства осейджей», 3 февраля 1926 года, FBI.

383

Эдвин Браун Гуверу, 22 марта 1926 года, FBI/FOIA.

384

Отчет Рена, 6 октября 1925 года, FBI.

385

Отчет, озаглавленный «Дела об убийствах индейцев осейдж», 10 июля 1953 года, FBI.

386

Гувер Уайту, 25 ноября 1925 года, FBI/FOIA.

387

Цитируется в Nash, *Citizen Hoover*, 23.

388

Подробнее о гуверовской трансформации Бюро см. Gentry, J. *Edgar Hoover; Powers, Secrecy and Power*; Burrough, *Public Enemies* и Ungar, *F.B.I.* Подробнее о теневой стороне прогрессивизма также см. журнальные статьи Thomas C. Leonard «American Economic Reform in the Progressive Era» и «Retrospectives».

389

San Bernardino County Sun, 31 декабря, 1924 года.

390

San Bernardino County Sun, 31 декабря, 1924 года.

391

Гувер Уайту, 21 сентября 1925 года, FBI/FOIA.

392

Гувер Уайту, 1 мая 1925 года, FBI/FOIA.

393

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 149.

394

Гувер Уайту, 15 апреля 1925 года, FBI/FOIA.

395

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 67.

396

Tracy, «Tom Tracy Tells About – Detroit and Oklahoma».

397

Adams, *Tom White*, 133.

398

Уайт Гуверу, 28 сентября 1925 года, FBI/FOIA.

399

Уайт Гуверу, 10 июня 1925 года, FBI/FOIA.

400

Служебная записка Гуверу, 12 мая 1925 года, FBI/FOIA.

401

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 170.

402

Цитируется в Powers, *Secrecy and Power*, 154.

403

Мэри Джо Уэбб, интервью с автором.

404

Osage Chief, 28 июля 1922 года.

405

Отчет Уайза и Бергера, 12 августа 1924 года, FBI.

406

Уайт Гроуву, 23 июня 1959 года, NMSUL.

407

Досье преступника Дика Грегга, 9 января 1925 года, KHS.

408

Уайт Гроуву, 23 июня 1959 года, NMSUL.

409

Отчет Уайза и Бергера, 24 июля 1924 года, FBI.

410

Заявление Дика Грегга, 8 июня 1925 года, FBI.

411

Цитируется в статье Фрэда Гроува в *The War Chief of the Indian Territory Posse of Oklahoma Westerners* 2, № 1 (июнь 1968 года).

412

Уайт Гроуву, 23 июня 1959 года, NMSUL.

413

Там же.

414

Отчет Уайза и Бергера, 14 августа 1924 года, FBI.

415

Lamb, *Tragedies of the Osage Hills*, 119.

416

Muskogee Times-Democrat, 5 августа 1909 года.

417

Отчет Бергера, 30 ноября 1928 года, FBI.

418

Были также подозрения, что Грэммера застрелили, и у него было пулевое ранение под левой подмышкой.

419

Свидетельские показания перед большим жюри Джона Майо, NARA-FW.

420

Отчет Уайза и Бергера, 2 июля 1924 года, FBI.

421

Отчет Уайза и Бергера, 16 августа 1924 года, FBI.

422

Отчет Рена, 5 ноября 1925 года, FBI.

423

Документ, озаглавленный «Дела об убийствах индейцев осейдж», 10 июля 1953 года, FBI.

424

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

425

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL. В одних документах Бюро первое имя Лоусона Бёрт; в других документах иногда упоминается Берт. Чтобы избежать путаницы, я всюду пишу Берт.

426

Уайт Гроуву, 2 мая 1959 года, NMSUL.

427

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

428

Отчет Смита и Мерфи, 27 октября 1925 года, FBI.

429

Уайт Гуверу, 24 октября 1925 года, FBI.

430

Гувер Уайту, 26 октября 1925 года, FBI.

431

Гомер Финкэннон, интервью с автором.

432

Отчет Рена, 6 октября 1925 года, FBI.

433

Эдвин Браун Джорджу Райту, 18 июля 1925 года, NARA-CP.

434

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

435

Guthrie Leader, 6 января 1926 года.

436

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

437

Заявление Лурина в ходе рассмотрения дела расширенной коллегией присяжных, NARA-FW.

438

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

439

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

440

Gentry, *J. Edgar Hoover*, 386.

441

Tulsa Tribune, 5 января 1926 года.

442

Отчет Уайза и Бергера, 30 апреля 1924 года, FBI.

443

Свидетельские показания перед большим жюри Смита, 5 января 1926 года, NARA-CP.

444

Заявление Эрнеста Беркхарта, 6 января 1926 года, FBI.

445

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

446

Заявление Эрнеста Беркхарта, 5 февраля 1927 года, NARA-CP.

447

Заявление Эрнеста Беркхарта, 6 января 1926 года, FBI.

448

Свидетельские показания перед большим жюри Фрэнка Смита, NARA-FW.

449

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

450

Заявление Эрнеста Беркхарта, 6 января 1926 года, FBI.

451

Свидетельские показания перед большим жюри Фрэнка Смита, NARA-FW.

452

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

453

Tulsa Tribune, 13 марта, 1926 года.

454

Свидетельские показания перед большим жюри Смита, NARA-FW.

455

Заявление Джона Рэмси, 6 января 1926 года, FBI.

456

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

457

Служебная записка М. А. Джонса Льюису Б. Николсу, 4 августа 1954 года, FBI.

458

Свидетельские показания перед большим жюри Джеймса Шоуна, NARA-FW.

459

Testimony of Mollie Burkhart before tribal attorney and other officials, NARA-FW.

460

Macon, «Mass Murder of the Osages».

461

Цитируется в Gregory, *Oil in Oklahoma*, 57.

462

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

463

Отчет Уайза и Бергера, 2 февраля 1924 года, FBI.

464

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

465

Там же.

466

Literary Digest, 23 января 1926 года.

467

Evening Independent, 5 января 1926 года.

468

Holding, «King of the Killers».

469

Лиззи Джун Бэйтс Джорджу Райту, 21 ноября 1922 года, NARA-FW.

470

Reno Evening-Gazette, 4 января 1926 года.

471

Evening Independent, 5 марта 1926 года.

472

Уайт Гуверу, 18 сентября 1926 года, FBI.

473

Бэйтс Райту, 21 ноября 1922 года, NARA-FW.

474

Копия резолюции Общества индейцев Оклахомы, NARAFW.

475

Цитируется в Irwin, *Deadly Times*, 331.

476

Lima News, 29 января, 1926 года.

477

Эдвин Браун А. Г. Риджли, 21 июля 1925 года, FBI.

478

Sequoiah County Democrat, 9 апреля 1926 года.

479

Сарджент Прентисс Фрилинг, картотечное устройство вертикального хранения, OHS.

480

Lamb, *Tragedies of the Osage Hills*, 174.

481

Свидетельские показания Беркхарта под присягой, 5 февраля 1927 года, NARA-CP.

482

Декабрьской ночью 1926 года Лютер Бишоп, сотрудник правоохранительных органов штата, помогавший в расследовании убийств осейджей, был застрелен в его доме. Обвинение в убийстве было предъявлено его жене, но впоследствии она была оправдана присяжными. Ди Кордри, следователь полиции в отставке и писатель, рассмотрел дело в своей книге 2005 года, *Alive If Possible – Dead If Necessary*. Он подозревал, что убийство заказал Хэйл, желая отомстить напоследок.

483

Отчет У. А. Китчена, 2 марта 1926 года, FBI.

484

Отчет Смита, 8 февраля 1926 года, FBI.

485

Свидетельские показания перед большим жюри Dewey Selph, NARA-FW.

486

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

487

Уайт Гуверу, 31 марта 1926 года, FBI.

488

Отчет Бергера, 2 ноября 1928 года, FBI.

489

Свидетельские показания перед большим жюри Беркхарта, NARA-FW.

490

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

491

Уайт Гуверу, 26 июня 1926 года, FBI.

492

Райт Чарльзу Берку, 24 июня 1926 года, NARA-CP.

493

Показания Молли Беркхарт перед адвокатом племени и другими официальными лицами, NARA-FW.

494

Молли Эрнесту Беркхарту, 21 января 1926 года, NARA-FW.

495

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

496

Там же.

497

Уайт Гуверу, 3 июля 1926 года, FBI.

498

Tulsa Tribune, 13 марта, 1926 года.

499

Bismarck Tribune, 17 июня 1926 года.

500

Tulsa Tribune, 13 марта 1926 года.

501

Цитируется в Hogan, *Osage Murders*, 195.

502

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

503

Tulsa Daily World, 20 августа 1926 года.

504

Tulsa Daily World, 13 марта 1926 года.

505

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

506

Служебная записка Лэхи, документы о помиловании, NARA-CP.

507

Уайт Гуверу, 5 июня 1926 года, FBI.

508

Показания Эрнеста Беркхарта на предварительных слушаниях включены в дело *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, NARA-FW.

509

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

510

Tulsa Tribune, 30 мая 1926 года.

511

Цитируется в Gentry, *J. Edgar Hoover*, 117.

512

Washington Post, 8 июня 1926 года.

513

Уайт Grove, 10 августа 1959 года, NMSUL.

514

Уайт Гуверу, 8 июня 1926 года, FBI.

515

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

516

Показания Келси Моррисона, в *State of Oklahoma v. Morrison*, OSARM.

517

Показания Келси Моррисона на процессе Эрнеста Беркхарта, позднее включены туда же.

518

Там же.

519

Показания Кэтрин Коул, 31 января 1926 года, NARA-FW.

520

Мое описание Беркхарта, изменяющего свои показания на суде, проистекает из статей в местных газетах, документальной рукописи Гроува и письма Лэхи 1927 года, хранящегося в NARA-CP в документах о помиловании Беркхарта.

521

Tulsa Daily World, 10 июня 1926 года, и документальная рукопись Гроува.

522

Tulsa Daily World, 10 июня 1926 года.

523

Неопубликованное документальное повествование Гроува с Уайтом, NMSUL.

524

Daily Journal-Capital, 9 июня 1926 года.

525

Tulsa Daily World, 10 июня 1926 года.

526

New York Times, 10 июня 1926 года.

527

Уайт Гуверу, 15 июня 1926 года, FBI.

528

Цитируется в официальном письме 1926 года Шорта Лурингу, NARA-FW.

529

Стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

530

Tulsa Daily World, 19 августа 1926 года.

531

Tulsa Tribune, 29 июля 1926 года.

532

Отчет Бергера, 2 ноября 1928 года, FBI.

533

Tulsa Tribune, 21 августа 1926 года.

534

Там же.

535

Tulsa Daily World, 30 июля 1926 года.

536

Tulsa Tribune, 29 июля 1926 года.

537

Tulsa Daily World, 31 июля 1926 года.

538

Lamb, *Tragedies of the Osage Hills*, 179.

539

Tulsa Daily World, 19 августа 1926 года.

540

Daily Journal-Capital, 20 августа 1926 года.

541

Tulsa Tribune, 21 августа 1926 года.

542

Цитаты и другие детали произошедшего см. *Oklahoma City Times*, 25 августа 1926 года.

543

Отчет Х. Э. Джеймса, 11 мая 1928 года, FBI.

544

Daily Oklahoman, 8 октября 1926 года.

545

Оскар Р. Луриг Рою Сент-Льюису, 23 сентября 1926 года, NARA-FW.

546

U.S. v. John Ramsey and William K. Hale, октябрь 1926 года, NARA-FW.

547

Там же.

548

Заявление Эрнеста Беркхарта на его процессе 1926 года, NMSUL.

549

Заключительная речь Оскара Р. Лурига, *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.

550

Там же.

551

Daily Oklahoman, 30 октября 1926 года.

552

Tulsa Daily World, 30 октября 1926 года.

553

New York Times, 30 октября 1926 года.

554

Лэхи генеральному прокурору США, 1 февраля 1929 года, FBI/FOIA.

555

Моррисон Хэйлу, в State of Oklahoma v. Kelsie Morrison, OSARM.

556

Свидетельские показания Брайана Беркхарта, State of Oklahoma v. Kelsie Morrison, OSARM.

557

Там же.

558

St. Louis Post-Dispatch, 4 ноября 1926 года.

559

Гувер Уайту, 9 января 1926 года, FBI.

560

Газетная статья, без указания издания, без указания даты, FBI.

561

Служебная записка Бергера, 27 октября 1932 года, FBI.

562

The Lucky Strike Hour, 15 ноября 1932 года, доступно на: <http://www.otrr.org/>.

563

Гувер Уайту, 6 февраля 1926 года, FBI/FOIA.

564

Цитируется в Adams, Tom White, 76.

565

Мейбел Уокер Уиллебрандт Гуверу, 15 февраля 1927 года, FBI/FOIA.

566

Гувер Уиллебрандт, 9 декабря 1926 года, FBI/FOIA.

567

Earley, *The Hot House*, 30.

568

Daily Oklahoman, без указания даты, и стенограмма интервью с Уайтом, NMSUL.

569

Adams, Tom White, 84.

570

Rudensky, *Gonif*, 32.

571

Там же, 33.

572

Считая, что заключенные обязательно должны быть заняты, Уайт разрешил Роберту Страуду, осужденному за убийство, держать в камере клетки с более чем 300 канарейками, и того прозвали «Птицеловом». В письме мать Страуда поблагодарила Уайта за то, что ее сыну

достался начальник, который понял «человеческую природу и множество ее слабостей».

573

Adams, *Tom White*, 133.

574

Rudensky, Gonif, 27.

575

Автобиография, написанная Карлом Паницрамом, 3 ноября 1928 года, Panzram Papers, SDSUL.

576

Nash, *Almanac of World Crime*, 102.

577

Левенуэртский отчет о Хэйле, октябрь 1945 года, NARA-CP.

578

Уайт Моррису Ф. Муру, 23 ноября 1926 года, NARA-CP.

579

Миссис У. К. Хэйл Уайту, 29 сентября 1927 года, NARA-CP.

580

Показание под присягой Хэйла, 31 января 1927 года, NARA-CP.

581

Левенуэртский отчет о Хэйле, 1 августа 1941 года, NARA-CP.

582

Хэйл обжаловал свое осуждение, и в 1928 году апелляционный суд шокирующим образом отменил вердикт. Человек, помогавший команде защиты, впоследствии признался, что у Хэйла был кто-то, кто «дал взятку». Но Хэйла снова быстро привлекли к суду и осудили, как и Рэмси.

583

Наследственное дело Молли Беркхарт, папка № 2173, NARA-FW.

584

Мое описание попытки побега основывается преимущественно на документах ФБР, полученных в соответствии с Законом о свободном доступе к информации, стенограмме интервью с одним из осужденных, проведенных автором Дэвидом А. Уордом, письмах Тома Уайта, газетных статьях и книге Адамса «Том Уайт».

585

Dunkirk Evening Observer, 12 декабря 1931 года.

586

Adams, Tom White, 114.

587

Pittsburgh Press, 14 декабря 1939 года.

588

Dunkirk Evening Observer, 12 декабря 1931 года.

589

Ward, *Alcatraz*, 6.

590

Там же.

591

Adams, *Tom White*, 109–110.

592

Pittsburgh Press, 14 декабря 1939 года.

593

Gentry, *J. Edgar Hoover*, 169.

594

Gentry, *J. Edgar Hoover*, 169.

595

Уайт Гуверу, 1 июля 1938 года, FBI/FOIA.

596

Специальный агент, глава местного отделения в Эль-Пасо Гуверу, 12 февраля 1951 года, FBI/FOIA.

597

Уайт Гуверу, 3 сентября 1954 года, FBI/FOIA.

598

Гувер Уайту, 9 сентября 1954 года, FBI/FOIA.

599

Гэс Т. Джонс Гуверу, 16 июня 1934 года, FBI/FOIA.

600

Рен Гуверу, 2 августа 1932 года, FBI/FOIA.

601

Рен Гуверу, 4 октября 1936, FBI/FOIA.

602

Уайт Гуверу, 10 ноября 1955 года, FBI/FOIA.

603

Уайт Гроуву, 10 августа 1959 года, NMSUL.

604

Уайт Гуверу, 20 марта 1958 года, FBI/FOIA.

605

М. А. Джонс Гордону Нису, 4 апреля 1958 года, FBI/FOIA.

606

Бесси Уайт Гроуву, 21 сентября 1959 года, NMSUL.

607

Том Уайт Гроуву, 4 января 1960 года, FBI/FOIA.

608

Дж. Е. Уимс Гроуву, 28 июня 1963 года, NMSUL.

609

Уайт Гуверу, 15 февраля 1969 года, FBI/FOIA.

610

Adams, *Tom White*, в постскриптуме.

611

Специальный агент, глава местного отделения в Эль-Пасо Гуверу, 21 декабря 1971 года, FBI/FOIA.

612

Morris, *Ghost Towns of Oklahoma*, 83.

613

Louis F. Burns, *History of the Osage People*, xiv.

614

Подробнее об осейджских танцах см. Callahan, *Osage Ceremonial Dance I'n-Lon-Schka*.

615

Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 496.

616

Fairfax Chief, 17 июня 1937 года.

617

Копия резолюции племенного совета осейдж, № 78, 15 ноября 1937 года, NARA-FW.

618

Kansas City Times, 21 декабря 1937 года.

619

Daily Journal-Capital, 3 августа 1947 года.

620

Oklahoma City Times, 26 октября 1959 года.

621

Daily Oklahoman, 14 февраля 1966 года.

622

Literary Digest, 14 мая 1932 года.

623

Hamilton Evening Journal, 28 сентября 1929 года.

624

Paschen's «Wi'-gi-e», in *Bestiary*.

625

Webb-Storey, «Culture Clash», 115.

626

Daily Oklahoman, 2 июля 1923 года.

627

Отчет Смита, 28 сентября 1925 года, FBI.

628

Hearings Before the Joint Commission of the Congress of the United States, 1505.

629

Отчет Уайза и Бергера, 11 апреля 1924 года, FBI.

630

Там же.

631

Отчет Рена, 5 ноября 1925 года, FBI.

632

Отчет Смита, 3 апреля 1926 года, FBI.

633

Tallchief, *Maria Tallchief*, 4.

634

Там же, 9.

635

Хэйл Уилсону Кирку, 27 ноября 1931 года, ONM.

636

Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

637

Там же.

638

Там же.

639

Отчет Бергера, 12 августа 1924 года, FBI.

640

Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.

641

Там же.

642

Там же.

643

Отчет Бергера, 12 августа 1924 года, FBI.

644

Отчет Бергера, 13 августа 1924 года, FBI.

645

Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

646

Там же.

647

Отчет Уайза и Бергера, 26 декабря 1923 года, FBI.

648

Отчет Уайза и Бергера, 2 января 1924 года, FBI.

649

Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.

650

Отчет Уайза и Бергера, 26 декабря 1923 года, FBI.

651

Отчет Бергера, 13 августа 1924 года, FBI.

652

Федеральный окружной суд Северного района штата Оклахома, *U.S. v. Osage Wind, Enel Kansas, and Enel Green Power North America*, 30 сентября 2015 года.

653

Там же.

654

Tulsa World, 25 февраля 2015 года.

655

Pawhuska Daily Capital, 30 января 1919 года.

656

Цитируется в «The Murder of Mary Denoya-Bellieu-Lewis», PPL.

657

Е. Е. Шепперд в прокуратуру США, 8 января 1926 года, NARA-FW.

658

Daily Oklahoman, 25 октября 1926 года.

659

Цитируется в книге Wilson, *Underground Reservation*, 144.

660

Цитируется в книге McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 109.

661

Доклад Бюро, озаглавленный «Убийство в индейской резервации», 6 ноября 1932 года, FBI.

662

McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 251.

663

Ball, *Osage Tribal Murders*.

664

Допрос, проведенный Ф. Г. Греймсом-младшим и Эдвином Брауном, 17 июня 1925 года, FBI.

665

Отчет Смита, 30 октября 1926 года, FBI.

666

Robert Allen Warrior, «Review Essay: The Deaths of Sybil Bolton: An American History», *Wicazo Sa Review* 11 (1995): 52.

667

McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 137.

668

Там же, 139.

669

Из пересмотренного и обновленного издания книги Маколиффа *The Deaths of Sybil Bolton*, переизданной под новым названием *Bloodland: A Family Story of Oil, Greed, and Murder on the Osage Reservation* (San Francisco: Council Oak Books, 1999), 287.

670

Цитируется в книге Wallis, *Oil Man*, 152.